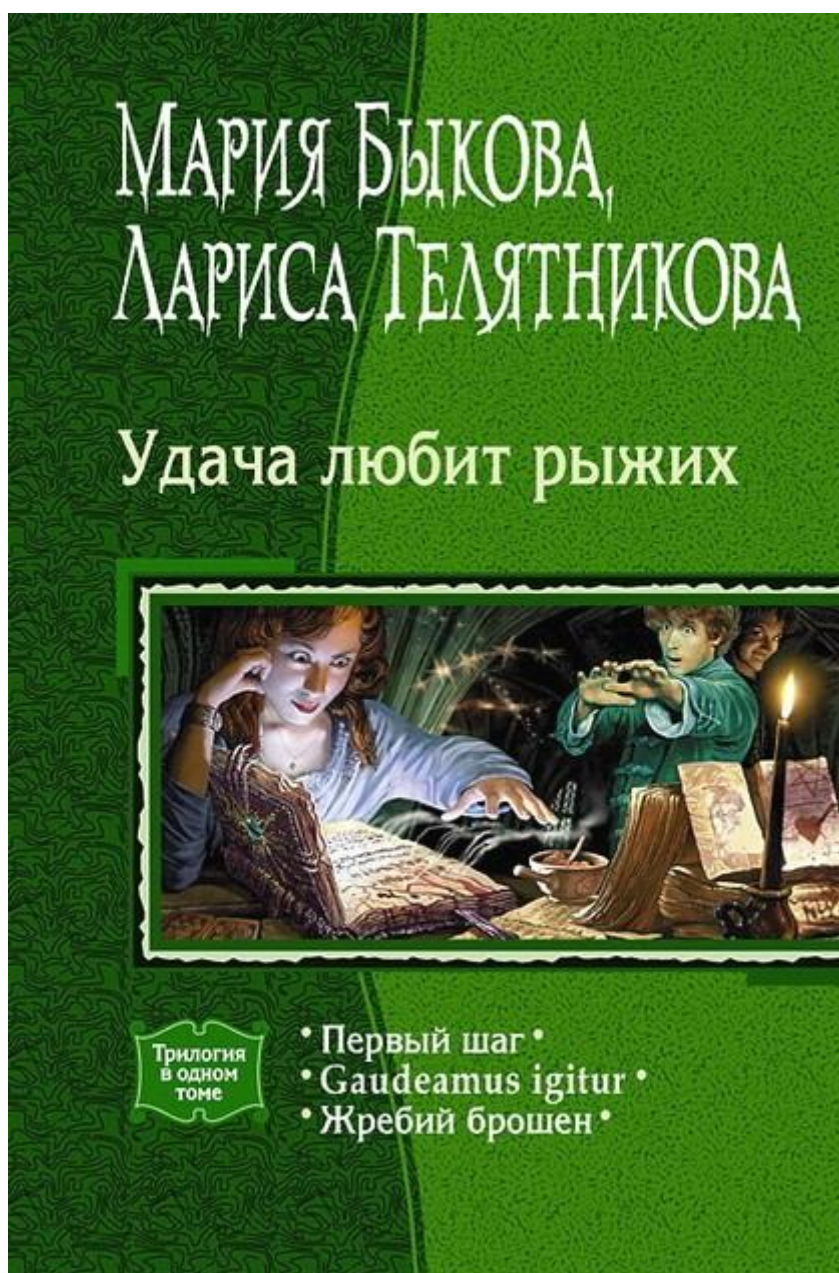

Мария Быкова Лариса Телятникова
Первый шаг

Удача любит рыжих – 1

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan - HL; OCR, ReadCheck - zavalery; Conv - zavalery, Igorek67)

«Быкова, Телятникова / Удача любит рыжих (Первый шаг; Gaudeamus igitur; Жребий брошен)»: Издательство: АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2010
ISBN 978-5-9922-0526-8

Аннотация

Если ты ухитрился поступить в Академию Магических Искусств, то легкими твои будни уж точно не назовешь. Лекции и практикумы, зубрежка и тренировки... Жизнь и верно пошла тяжелая, а вот насколько она окажется интересной — зависит только от тебя. Но если ты в равной мере наделен как талантом, так и способностью совать свой

нос куда не просят, скучно не будет наверняка. Вот только... кто окажется страшнее: василиск, Фенрир Волк или разгневанный декан?

Мария Быкова, Лариса Телятникова
ПЕРВЫЙ ШАГ

*Что поделать: молодежь
Не задушишь, не убьешь.
И. Бродский*

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой говорится о талантах различного рода, в том числе и магических, упоминаются сложные жизненные обстоятельства и воспеается Великий Случай, а также фигурируют некоторые странные личности, определенно знакомые некой начинающей чародейке

Сироту обидеть всякий норовит!
А мрыс его знает кто

Шел уже десятый час и за окном начинали сгущаться прозрачные летние сумерки, когда бронзовая морда на огромной двери немного шевельнулась. Совсем чуть-чуть; но с полсотни человек, стоявших перед этой дверью, одновременно устали на нее со страхом и надеждой.

— Яльга Ясица, — хрипло, с трудом приспособившая к речи бронзовую глотку, выговорила она.

Дверь медленно растворилась. За порогом клубилась белесая мгла; я видела, как в нее ушли один за другим уже шестеро соискателей. Ни один из них не вернулся назад, но это ни о чем не говорило. Чего бы они ни достигли там, внутри, выходить им придется через другие двери.

Я знала эти двери по описанию и много раз рисовала веточкой на земле. Правая, украшенная серебряными львами, — для тех, кто останется. И левая, стянутая железными полосами, — для тех, кто уйдет.

Уйдет навсегда.

Ах, как много значений в этом слове — навсегда! Для иных это всего лишь тупик, из которого можно выйти. Вернуться назад, дойти до перекрестка... свернуть в другую сторону, туда, где нет тупиков, где все дороги открыты, а может быть, и застелены для пущей мягкости аль-буянскими коврами! А для кого-то это конец. Окончательный и бесповоротный.

Ладно, хватит лирики...

Вперед!

Я шагнула через порог, с брезгливым удивлением ощущая, как от страха внутренности слипаются в один скользкий комок. Где-то сверху, подпрыгивая на этом комке так, что удары глухо отдавались под ребрами, бешено стучало сердце.

Слишком уж много было сейчас поставлено на карту.

Этого момента я ждала четыре года.

В Академию нельзя подавать заявку дважды. Только один раз; и, если ее, эту вашу заявку, с трудом накарябанную на драгоценном обрывке бумаги, сочтут достойной отправления не в сортир, а на стол к директору, — о, в этом маловероятном случае вечером накануне первого числа рюеня месяца вы имеете право прийти на двор Академии, дабы попробовать сдать экзамены на соискание ученичества.

Да, именно так. На соискание.

Эту фразу, слово в слово, я услышала от бродячего чародея, встреченного мной на дороге, ведущей от Межинграда к Арре.

Точнее — на станции, возле потрепанного жизнью трактира, снабженного неожиданно обширной конюшней для государственных коней. Хорошая была станция, чего уж там, хлебная: часто не часто, а раза так четыре в день по дороге стучали колеса или копыта — в зависимости от того, какой вид транспорта избирали для себя проезжающие. Бывалые торговане — ну или гонцы, хотя эти встречались реже, — заранее рассчитывали время так, чтобы ввечеру оказаться именно здесь и заночевать под крышей, а не в сомнительной тишине окрестных лесов. Как-никак дальше начинались уже земли Конунгата, а он и раньше пользовался дурной славой — чего уж говорить про сейчас, когда на волчьем троне четвертый год как сидит Валери-чародейка, Предсказанный Конунг, по слухам, читающая мысли у людей в головах так же легко, как руны в своих тайных книгах!

Так вот, место было доходное, и даже очень. Оказавшись в безопасности — а на все подобные перестанки КОВЕН¹ накладывал множество заклинаний — путешественники

¹ Когда-то это была аббревиатура, но как ее прочесть, сегодня никто не помнит, в том числе и Великий Магистр. А в общем, КОВЕН — это надгосударственная организация высших магов, проводящая магическую политику и контролирующая всех магов.

изрядно расслаблялись. Мрыс их знает, может, так они наверстывали время, проведенное в постоянном ожидании нападения, — меня это интересовало в самую последнюю очередь. Главное — это результат, а то, какими он уж там условиями был вызван, дело десятое.

Наверное, содержатель трактира рассуждал примерно так же. И, как и я, рассчитывал срубить на этом деле хотя бы медяк-другой. На всякий случай у него имелось несколько бочек сногшибательного в прямом смысле слова пойла, с десятков связок той травки, за одно хранение которой в Лыкоморье причиталось двенадцать лет каторги, и целый штат девиц, нравственность каковых не вызывала ни малейших сомнений.

И еще была я.

К помянутым девицам я не имела ни малейшего отношения. Более того, какому-то постояльцу, с пьяных глаз перепутавшему меня с одной из них, я устроила нечто, действия чего не знаю до сих пор. Если я хоть что-то понимаю в жизни, выжил бедняга исключительно оттого, что пьяного не возьмешь ничем.

Даже магией.

Я была магом.

Естественно, самоучкой. Откуда у девчонки, с восьми лет шатавшейся по трактам, найдутся деньги, чтобы учиться в Академии, один курс в которой стоит столько, сколько я не видела за всю свою жизнь? Всего моего волшебства хватало на несколько простеньких иллюзий и парочку других чар, проявлявшихся в зависимости от настроения, но в условиях жесткой монополии КОВЕНА (хитрое слово «монополия» я услышала от одного из проезжавших купцов) хватило и этого. Плюс еще я, поняв, что имею некоторые шансы дожить до весны, напрягла все воображение...

Тогда мне было двенадцать. Зима наступила очень рано, а я, не привыкшая еще к жестокому климату севера, даже не подумала о жилье. Первая мысль пришла, когда с полуночи потянули холодные ветра... а еще через пару дней я, проснувшись от холода, увидела, что осенняя трава покрыта тонким слоем снега.

На мое счастье, я жила в городе. В маленьком гарнизонном городке, расположенном на границе с землями эльфов. В их лесах, четырьмя верстами дальше, было еще тепло; кусочек этого тепла выпал и нам. Маленький кусочек, но его мне хватило, чтобы выжить. Позже я узнала, что дальше на север стояли воистину страшные морозы. Здесь, по лыкоморским меркам, была практически нормальная погода. Но для меня, выросшей на далеком солнечном юге, и эта температура казалась почти запредельной.

Первую неделю я перебивалась, днем вертясь в корчмах, а ночи пережидая в чьем-нибудь сарае. Имелись там такие сарайчики, до сих пор помню... если бы не они, не было бы никакой Академии, и экзаменов не было, да и меня, Яльги Ясицы, в принципе тоже бы не имелось. По идее, сарайчики вместе со всем прочим полагалось бы охранять злющим дворовым псам, но меня ни один из них не тронул.

Наняться на работу я давно уже не пыталась, накрепко уяснив: никто не имеет большой охоты брать в свой дом странную побродяжку с рыжими (самый ведьмин цвет!) волосами и раскосыми (что тоже, как выяснилось, здесь большая редкость) глазами. Да и зачем, если служанок хватает, посудомоек пруд пруди, а за этой мырой нужен глаз да глаз — как бы чего не свистнула в хозяйстве?

В общем, на вторую неделю, когда ночами стало совсем плохо и я уже чувствовала в груди нехороший жар, способный, как я слышала, за три дня свести в могилу, у меня и проявился мой дар. Помнится, я тогда сидела, сжавшись в комок, и тщетно пыталась согреться. В голове, как назло, крутились четкие картинки: свет солнца, огонь костра, мягкое тепло, идущее от раскаленных угольев...

И в какой-то миг передо мной вспыхнуло пламя.

Честное слово, мне было наплевать, откуда оно возникло. Мне было все равно, сгорит ли деревянный сарай; признаться, сама смерть в огне казалась мне не такой уж и горькой участью. По крайней мере, перед нею я смогу согреться...

Но высокая — чуть ли не полметра — стена пламени не обжигала. Она грела, мягко

пробирая до костей... Странно, раньше я думала, что эта фраза применима исключительно к холоду, а не жару. Нет, и тепло тоже... когда ты сначала вообще ничего не чувствуешь, потом к тебе пробивается слабое-слабое тепло, а потом ты буквально ощущаешь, как холод выходит из тебя наружу, как кровь быстрее бежит по венам... или артериям — по чему она там бежит?

И тогда, согревшись, я начала думать.

Четыре года бродячей жизни успели меня кое-чему научить. Я знала, что ничего не возникает просто так; там не было ни искры, ни чего-нибудь другого, от чего мог бы заняться огонь. Он даже не загорелся — нет, он просто возник там, где секунду назад его не было.

Вывод напрашивался только один. Магия.

Иллюзия — простейшее из ее искусств.

В ту зиму мне удалось выжить. Научившись более-менее контролировать свой дар, я выступала на площадях, где-нибудь в уголке, на который не простирались ничьи более права. Три раза меня гоняли стражники, бессчетно — фокусники-конкуренты, а однажды — сверстники, вдобавок отобравшие всю выручку. После этого случая я придумала иллюзию-страшилку, и больше ко мне уже никто не лез. Ну не считая стражников, конечно.

Разумеется, КОВЕН должен был прикрыть эту лавочку. Но городскому магу было не с руки пачкаться о такую шушеру, и каждый день, унося с собой горсть медных монет, я благодарила здешних богов за дарованное ему высокомерие. Возьмись за меня он...

А потом наступила весна, и я ушла на восток, к столице. Еще несколько лет бродила по трактам, добывая себе еду нежданно открывшимся талантом, пока не набрела на столь перспективную станцию.

Мне было пятнадцать, когда на эту станцию пришел еще один колдун. И он, что характерно, был о ней точно такого же мнения.

Хозяин, пожав плечами, разрешил ему подрабатывать. Он вообще с пониманием относился к желанию обойти закон; главное — не забывать выплачивать ему его часть, и тогда все было в порядке.

Другое дело, что мне не понравился конкурент. Я ему понравилась еще меньше, если такое только возможно. В принципе его можно было понять; но я очень не люблю, когда меня грубо отталкивают в сторону, бормоча при этом нечто не слишком-то цензурное.

Я ощутила только сильный толчок — а в следующий миг колдун уже летел, очень красиво и очень быстро, в противоположную от меня сторону.

Приземлился он не так изящно, зато мягко — в стог сена, выставленный на дворе. Я уже стояла на ногах, на всякий случай вжимаясь в стену дома. «Кирдык пришел», — билась под черепом фраза, которую любили говаривать гномы-наемники в том северном гарнизоне. Возможно, поэтому загадочный кирдык представлялся мне низкорослым, бородатым и с секирой.

Колдун встал, проделав это с некоторым трудом. Кое-как отряхнул с себя солому, подошел ко мне. На его лице читалось явное замешательство: похоже, он никак не мог сообразить, что со мной теперь делать. Решившись на что-то, он с кривоватой усмешкой протянул руку к моему лицу. Я отпрянула и зашипела; колдун быстро отдернул кисть.

— Кошка, — насмешливо констатировал он. — Рыжая и совсем дикая. Ты бы хоть в Академии поучилась, что ли?

Он ткнул в мое больное место. Уже три года, с той зимы, когда передо мной встала огненная стена, я втайне мечтала поступить именно туда. В Академию Магических Искусств. Стать сначала студенткой, а потом и магичкой, научиться по-настоящему чаровать и когда-нибудь — чем черт не шутит? — завести свой собственный дом...

Мечты оставались мечтами: я слишком хорошо знала, сколько это стоит.

— Сам ты, — задыхаясь от злости, прошипела я, — кошка вонючий! Без тебя не разберусь!

Колдун усмехнулся еще раз, явно чувствуя мое замешательство. Зубы у него были

плохие, желтые и неровные.

— Или денег не хватает, а, кошечка?

Странно, что сейчас мой дар вновь не сработал. За всю свою жизнь я никого еще не ненавидела с такой силой.

Сделав усилие, я взяла себя в руки. Незачем давать этому... цензурно и не скажешь... лишний повод для радости.

— Тебе-то какое дело?

— Хочу обезопасить общество, — хохотнул он. — Может, ты и не знаешь, киска, но в Академии есть бесплатное отделение. Специально для таких кадров, как ты. Конкурс там бешеный, но парочка твоих приемчиков — и конкурентов сразу сделается немножко меньше...

Я смотрела на него, с трудом понимая, о чем он говорит.

— Короче, кошечка, слушай сюда! В Академию нельзя подавать заявку дважды...

С того момента прошло четыре года. Сначала я хотела сразу же идти в Межинград, благо на дворе самое начало месяца серпня. Но по размышлении я поняла: торопиться с этим делом не стоит. У меня есть только один шанс, и я должна использовать его как можно лучше.

К тому же в Академию принимали только с двадцати лет.

И я ждала. Три года я копила деньги, по мелкой монетке собирая свой теперешний капитал. Сорок три серебряные монеты лыкоморской чеканки; полторы тысячи дней напряженного труда. Не верьте, если вам скажут, что иллюзии — это просто. Честное слово, выматываешься так, словно весь день бегал с тяжеленным мешком за спиной.

Лишь однажды я поддалась искушению потратить эту сумму. У одного из купцов, проезжавших через станцию, обнаружился при себе редкий груз: он вез книги, рукописные свитки и дешевые печатные копии со старых манускриптов. Я долго перебирала их, мысленно подсчитывая деньги, и в конце концов купила потрепанный томик «Магия. Руководство для начинающих». Купец, за всю дорогу от столицы не продавший ни одного свитка, даже сделал мне скидку, и я взяла еще тоненький сборник стихов знаменитой Лариссы-Чайки, эльфийской поэтессы. Не сказать, чтобы я так сильно любила читать, но Лариссу мне однажды довелось услышать, и этого я уж точно никогда не забуду. Четкие, чеканные строки и сейчас всплывали в моей голове, потому и читать эту книжку было достаточно легко.

«Магия» же меня разочаровала. С первой же страницы там пошла такая белиберда, что я, окончательно запутавшись в векторах, направляющих и константах, отложила ее до лучших времен.

Оставшихся тридцати семи монет едва-едва хватило на покупку относительно новых сапог — старые, не выдержав активной эксплуатации, развалились окончательно и бесповоротно. Бесплатное там отделение или нет, но вряд ли в Академии позволено разгуливать в сапогах, аккуратно перевязанных веревочками.

И дорога снова легла мне под ноги. Лесными тропками, узкими улочками, вымощенными булыжником, ровной полосой Лыкоморского тракта я шла вперед, еще не зная наверняка, что впереди меня ждут Малый двор Академии, жесткая каменная скамья и бронзовая морда на двери, называющая мое имя.

На мгновение мне показалось, что я иду в густом тумане, настолько плотном, что не вижу даже собственных рук, проверки ради поднесенных к лицу. Шаг, еще один... стершиеся каблуки моих сапог гулко ударялись о каменный пол. Потом удары разом стали глуше, под ногами словно бы расстелился ковер; заинтересовавшись, я присела на корточки и с любопытством пощупала поверхность.

Да, это и в самом деле был ковер, причем из дорогих. Я провела ладонью по высокому ворсу и хотела было встать, когда мгла рассеялась — так резко, словно отдернулся занавес.

К своему величайшему стыду, я обнаружила себя сидящей на корточках в середине большой квадратной комнаты. Метрах в трех передо мной стоял длинный стол, за которым

сидело человек, наверное, пять — все серьезные, официальные и тщательно прячущие улыбку.

Я поспешно встала, чувствуя, как пылают уши.

— Любознательность есть достойная практического мага черта, — пришел мне на помощь один из магов, сидящий как раз напротив входа. Вид у него был не слишком строгий, скорее, очень усталый, и я заочно прониклась к нему симпатией. — Подойдите ближе к столу, госпожа Ясица.

Я подошла, попутно осматриваясь кругом. Надеюсь, я делала это достаточно незаметно.

Да, все верно. Колдун-конкурент не солгал — по правую и левую руку от меня находились две высокие двери. Одна из них вела во внутреннюю часть Академии, другая же прямым телепортом уводила на главную площадь столицы. «На все четыре стороны», — как выразился в свое время тот же маг.

— Встаньте здесь, — приказал центральный чародей.

Я послушно остановилась. Теперь я стояла так, что до стола оставалось чуть меньше полуметра.

Маг соединил кончики пальцев в сферу и закрыл глаза.

Я переминалась с ноги на ногу, не зная, что мне делать. Надо думать, это было начальное тестирование, а может быть — молитва Великому ковенскому Магистру, кто его знает. Я никаких указаний не получила, так что все, что мне оставалось, — перестать дергаться и оценить обстановку.

Прямо напротив меня, правее заговорившего со мной чародея, сидела дама лет тридцати пяти с суровым взглядом опытного инквизитора. Вид у нее был очень представительный: еще бы, ведь, судя по табличке (один эльф, которого я как-то видела на юге, называл такие таблички «бейджами»), она была магистром VI, предпоследней ступени. Глядя на ее безукоризненную прическу, строгий, но очень элегантный костюм и длинные аккуратные коготки, покрытые темно-зеленым лаком, я впервые устыдилась собственного потрепанного вида. На ее фоне все словно бы сделалось ярче: и лоснящиеся рукава старой куртки, и неряшливая бахрома на обтрепавшихся штанах, и торчащие во все стороны пряди непослушных рыжих волос.

Усилием воли оторвав взгляд от серебряного ожерелья с темными изумрудами, я посмотрела дальше. Самооценка, рухнувшая было под плинтус, споро полезла обратно.

Дальше сидели: умеренно небритый молодой чародей с фирменным взглядом «да я маг и член КОВЕНА, а не кто-нибудь там!»; еще один маг, низкорослый, бородатый и совершенно квадратный — зуб даю, это был чистокровный гном; черноволосая худощавая ведьма в белой кофточке с кружевами, сплошь увешанная цепочками и потому слабо позвякивающая на сквозняке. С другой стороны восседал тот самый маг, до сих пор продолжавший сидеть с закрытыми глазами (принимая во внимание общую изможденность вида, я подозревала, что он попросту уснул). Еще один стул слева от него пустовал; и в дальнем левом углу сидела стриженная девица, на столе перед которой лежал чистый свиток пергамента. Не сказать, чтобы девица была такой уж страшной, скорее наоборот, но при одном взгляде на нее меня невольно наполняла гордость за наличие вполне себе приличной косы.

— Замечательно, — тихо сказал маг, открывая глаза. Между пальцами его скользнул голубой разряд. — Да, просто великолепно...

Я вздрогнула и уставилась на него взглядом, по идее должным выражать огромное желание стать студенткой Академии Магических Искусств. Наверное, получилось хорошо, потому что чародей вздохнул и отвел глаза.

— Яльга Ясица, — уныло сказал он, — вы уверены, что хотите обучаться именно здесь?

— Да! — пламенно ответила я.

Взгляд чародея сделался еще более скорбным.

— Вы готовы терпеть все трудности, связанные с магической стезей? — приходя на помощь коллеге, прогудел бородатый гном. — Согласны ли вы нести тяжкое бремя ответственности, что ляжет на ваши плечи?

— Согласна, — осторожно сказала я, прикидывая, а точно ли это был всего лишь церемониальный вопрос.

— Ну что же, — учительским тоном сказала дама. — В таком случае, студентка Ясица, сделайте два шага влево.

Я быстро проделала вышеописанное. В голове билась единственная мысль: неужели это все? Я зачислена в Академию?

Что, это и есть экзамен — прийти и постоять пару минут перед учительским столом?!

— Не расслабляйтесь, студентка! — Голос чародейки хлестнул подобно бичу. — Вы приняты, это так, но вас еще можно отчислить! Соберитесь, иначе вам не пройти последнего испытания!

Я мгновенно напряглась, ожидая закономерного подвоха.

— Прежде чем сделать хоть что-то, подумайте, — чуть тише добавила она.

Я кивнула, пытаясь уловить в ее словах хоть какой-то намек на то, что мне предстоит сейчас сделать. Может быть, я должна совершить какое-нибудь колдовство? Или попытаться прочесть мысль? Или — кто знает этих магов? — они потребуют, чтобы я с ними сразилась?

Мрыс эт веллер келленгарм, как выражался один волкодлак, которого я видела в давешнем трактире! Я же не умею ничего, кроме иллюзий! Ну и это странное волшебство, которое я даже не могу контролировать...

Судорожно пытаясь собрать свою небогатую магию в комок, я не услышала, как проскрипела дверь, расположенная на правой стене. Но не услышать громкого щелчка, с каким закрывается правильный гномий замок, я попросту не могла.

— Отлично, коллега! — искренне возрадовался давешний маг, похоже, мгновенно сообразивший, что ему теперь есть на кого меня спихнуть. — Вы как раз вовремя, эта студентка проходит именно по вашей специализации!

Я недоверчиво глянула на специалиста, с которым, если верить чародею, мне еще предстояло работать.

Ну и ничего особенного: среднего роста, довольно худой, с прямыми черными волосами, обрезанными чуть выше плеч. Хотя нет, присмотревшись, я поняла, что необычное здесь все-таки имелось. Черными у него были далеко не все волосы — только верхние пряди, а то, что лежало под ними, имело весьма причудливый окрас: иссиня-черное чередовалось с белоснежным. В этом сочетании была какая-то логика, которую, хоть ты тресни, ни за что бы не смог повторить даже самый лучший эльфийский парикмахер.

«А что, эпатажно», — чуть ошарашенно подумала я.

Маг был одет в черные штаны и черную же кожаную куртку; на рукавах ее я заметила серебряные нашивки, покрытые совершенно незнакомыми мне символами.

Он быстро шел от правой двери к пустующему месту за столом; и, глядя на его неровную, чуть хромающую походку, я вдруг ощутила очень пакостное чувство дежавю. Когда-то это уже было; когда-то я уже знала очень похожего на него человека...

— Вот как? — Рекомендованный специалист взялся за спинку стула, наконец-то развернувшись ко мне лицом.

И я окончательно выпала в осадок.

Не сказать, чтобы лицо это было красивым. Но вот запоминающимся — наверняка: глаза черные и блестящие, нос крючковатый, общее выражение физиономии мрачное донельзя — то есть типичный некромант, как их рисуют на лубках. Для полного сходства с картинкой ему недоставало разве что длинного черного балахона и хищно загнутого жезла с человеческим черепом на конце. Но сходство все равно имелось, и изрядное.

Но дело было не в этом.

Просто теперь я совершенно точно поняла, что раньше уже встречалась с этим магом. Более того — я его знала, и знала хорошо; много лучше, чем бы мне того хотелось.

Да. Гораздо лучше.

— Простите, а мы нигде... — начала я, уже понимая, что говорю откровенную глупость.

Маг вздрогнул, впиваясь глазами в мое лицо, и я прочла в его взгляде точно ту же смесь эмоций, что владели сейчас мной.

— Как ваше имя? — резко спросил он.

— Как вас зовут? — в ту же секунду спросила я.

— Что-то не так? — встрепнулся уже совсем было приладившийся задремать чародей.

— Нет-нет, все в порядке, — заверил его коллега, продолжая буравить меня взглядом.

Магичка дернула его за рукав.

— Испытание, Эгмонт! — напомнила она. — Вы готовы?

Эгмонт? Возможно, что его звали и так...

Предполагаемый некромант кивнул, не отрывая от меня настороженного взгляда. Видно, я тоже не слишком-то ему понравилась; вид у него, по крайней мере, был такой, словно он прикидывает, чем бы меня заклясть, чтобы получилось сразу и навсегда.

«Без боя не дамся!» — мрачно подумала я.

Магичка и колдун одновременно скинули правую руку. С ладони женщины сорвалось несколько сгустков темно-рыжего пламени, ладонь же чародея оставалась пустой; но тем чутьем, которое, возможно, имеется у всякого, избравшего магический путь, я ощутила силу, струящуюся из его пальцев. Инстинктивно я отшатнулась и прикрыла лицо руками.

Вовремя. Земля под ногами содрогнулась, и я почувствовала, как под ковром шевелятся паркетные доски. Пол выгнулся, точно спина огромной кошки; меня буквально смело этой прокатившейся волной, а секунду спустя передо мной уже стояла большая бронзовая статуя.

«Любят же они здесь бронзу», — машинально констатировала я.

Краем глаза я заметила, что чародейка — некромант в поле зрения не попал — опускает руку. Пальцы у нее изрядно дрожали.

Я поднялась на ноги — пол вроде бы стоял смирно, но стены все-таки немножко пошатывались перед глазами — и подошла к скульптуре.

Все, что могу сказать, — это было нечто четвероногое. Волк ли, собака ли — в конце концов, меня зовут не Аррани Лерикас и подобные нюансы никогда меня не занимали. Ноги четыре, хвост довольно длинный, уши острые и стоячие; морда тоже узкая, на вид довольно хищная, хотя зубов вроде бы и не видно. Глаза, единственная небронзовая часть скульптуры, были сделаны из черного матового камня; в них дрожали желтые огоньки, тем более странные при том, что свечей в комнате не имелось.

— И что мне с этим делать? — осведомилась я, тщательно осмотрев скульптуру со всех сторон.

— А что хотите, — пожала плечами магичка.

Я недоуменно уставилась ей в лицо. Нет, похоже, она не шутила; глаза, по крайней мере, у нее были абсолютно серьезные. На самом их доньшке я даже разглядела некоторую опаску.

— Что, совсем? — для порядка уточнила я.

— Совсем, — подтвердила она.

Я пожала плечами, невольно собезьянничав движение, и погладила бронзового пса — пусть это будет пес — между ушами.

От учительского стола донесся слитный вздох.

Я дернулась было посмотреть, в чем дело, но затылком почувствовала движение, зарождавшееся за спиной. Обернулась, рефлекторно вздергивая руки к лицу...

И сама не поверила своим глазам.

Бронзовая фигура пса встряхнула головой. Шагнула вправо и вперед, с характерной мгновенной мягкостью, которая так ценилась у наемников того маленького пограничного городка; и я не успела отшатнуться, прежде чем металлическая голова аккуратно потерлась о мою штанину.

Машинально я почесала пса за ухом.

Похоже, ему понравилось. Он прошелся по штанине еще раз, с явным неудовольствием выпрямился и принял прежнюю позу. По спине его пробежала судорога, и я еще успела заметить тот момент, когда живая бронза снова становится неживой.

— Интересно, — задумчиво произнес некромант. — Очень интересно... Как зовут это... хм... одаренное чадо?

«Сам ты чадо!» — чуть не сорвалось у меня с языка.

Но ответа не последовало. Развернувшись к учительскому столу, я увидела, что все чародеи находятся в легком ступоре, переводя глаза с меня на статую и обратно. Исключение составлял только Эгмонт, теперь смотревший на меня с некоторой заинтересованностью, — ну и тот маг, который сидел в самом центре стола. Последнему, похоже, все было до свечки, и он дремал, откинувшись на спинку кресла.

К чести гнома, он опомнился первым. Ожесточенно подергав бороду и, наверное, приведя таким образом мысли в порядок, он размашисто подписал свою ведомость. Еще через некоторое время к нему один за другим присоединились и другие экзаменаторы — даже задремавшего было мага поспешно ткнули локтем под ребро.

— Вы свободны, студентка, — сообщила мне чародейка; голос у нее был такой же ледяной, но я заметила, что тонкие пальцы нервно пощипывают краешек кружева, оторачивающего рукав. — Распишитесь в бумаге у секретаря — и отправляйтесь вон в ту дверь.

— А дальше куда? — спросила я, принимая перо из рук стриженной девицы.

Чародейка изящно приподняла брови:

— В студенческий корпус, разумеется. Насчет комнаты уточните у коменданта... и поторапливайтесь, студентка, не задерживайте экзамен!

Я поставила не слишком-то элегантную подпись в указанном мне квадратике, честно постаравшись не посадить на него кляксу. Подняла глаза; весь преподавательский состав бдительно за мной следил.

От такого внимания мне сделалось слегка не по себе. Я неловко воткнула перо в чернильницу, буркнула под нос нечто вроде: «До свидания» — и направилась к правой двери. Взгляды магов царапали мне спину.

Львы, украшающие собой дверь, смотрели серьезно и немного устало, напоминая давешнего чародея. Я уже взялась за ручку, сделанную из черненого серебра, когда услышала за спиной тихий голос некроманта:

— Когда комендант спросит вас, на какой вы зачислены факультет, отвечайте — боевой магии. Если не поверит — скажете, чтобы все вопросы задавал магистру Рихтеру. Вам все ясно, студентка?

Я застыла на пороге, от неожиданности опустив занесенную было над ним ногу.

Факультет боевой магии?!

Мрыс эт веллер, но я же работаю исключительно по иллюзиям! Ну почти исключительно...

Дело было даже не в этом. Просто факультет боевой магии считался одним из престижнейших в Академии; доступ туда контролировался настолько жестко, что, как я слышала, не были редкостью года, когда чародеям не удавалось набрать и половины курса.

Причины такой популярности были просты: не только я любила слушать менестрелей, многословно воспевающих сей романтический труд.

— Что-то случилось? — тоскливо осведомился центральный маг, сообразивший, что поспать ему так и не удастся.

— Н-нет, все в порядке...

— В таком случае извольте поспешить! — Магичка сделала резкое движение кистью — и меня буквально выбросило во двор, напоследок наподдав тяжелой дверью по ягодицам.

Дверь с грохотом захлопнулась за моей спиной.

Я стояла посреди двора, невольно потирая ушибленное, смотрела на сомкнувшиеся

створки и чувствовала, как по лицу медленно расползается совершенно идиотская улыбка.
Я сделала невозможное.
Я поступила в Академию Магических Искусств.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой рассказывается об умении правильно находить себе друзей и врагов, переделывать вторых хоть в какое-то подобие первых, пользоваться чьей-то хорошей (или не очень) репутацией и создавать свою собственную, к хорошим не имеющую ни малейшего отношения

Минуты через две я сообразила, что радость — это, конечно, здорово, но только тогда, когда она подкрепляется чем-нибудь материальным. На данный момент из всего материального меня интересовали: комната, кровать и чего-нибудь поесть (причем именно в таком порядке).

Так, чего там нам, значит, говорили? Найти студенческий корпус?

Знать бы еще, где искать...

Я наконец-то сообразила осмотреть окрестности. Так. Прямо по курсу кирпичная стена корпуса, в ней широкая дверь, снабженная крыльчком в три ступеньки и даже перильцами. Направо, в торце прямоугольника, который и представлял собою внутренний двор, тоже стена, тоже с дверью, но уже не такой приметной, без крыльца и перилец. Сзади, разумеется, опять-таки стена — а чего бы вы хотели? И слева, наконец, ворота, через которые я и зашла сюда шесть часов тому назад. Надо думать, Академия представляла собой большую букву «П», по ее углам я увидела четыре башни, высоко возносящиеся в небеса. Вокруг одной из них уже зажглись первые несколько звезд.

Ешкин кот, слегка обескураженно подумала я, сколько же сейчас времени?

Определить это мне не дали. Сбоку послышалось отчетливое постукивание каблуков, я машинально обернулась на звук — и в меня с разбегу врезалась какая-то девица неопознанных внешности и происхождения. Девица была невысокая, но довольно увесистая, так что я с трудом удержалась на ногах.

Вот удержаться от краткого «мрыс эт веллер!» оказалось куда сложнее.

— Нечего стоять где ни попадя! — окрысилась девица, тоже, надо думать, знакомая с относительно нормативной лексикой волкодлаков.

— Нечего разговаривать в таком тоне! — парировала я.

Девица внимательно осмотрела меня с ног до головы. По мере осмотра выражение ее лица менялось с раздосадованного на ехидное, закрепившись наконец на последнем.

— Сперва оденься поприличнее, а потом уже станешь болтать, — фыркнула она. — Что, тоже в чародейки захотелось? Чтобы магией дырки в сапогах замазать, да?

— Заткни хрюкальце, — вежливо посоветовала я, с трудом сдерживаясь от более заковыристой фразы.

— Что ты сказала? — с нехорошей ласковостью в голосе осведомилась девица.

Я запоздало вспомнила, что выпускницы Академии все, как одна, славятся премерзким характером, но отступить было некуда, и я мрачно уточнила:

— Что, со слухом проблемы?

Девица резко дернула ладонью; с ее пальцев слетело несколько маленьких молний, синхронно дернувшихся ко мне.

Не раздумывая, я протянула руку вперед, выставив ее ладонью вверх. Молнии, чуть замедлив ход, подлетели к ней вплотную. Обернулись вокруг запястья; поколебавшись, первая из них нырнула в середину ладони. Я ощутила только легкое покалывание.

За первой последовали вторая, третья и четвертая. Дождавшись последней, я сжала руку в кулак, с трудом удержавшись, чтобы не съездить им по морде скандальной девицы.

Но этого не понадобилось. Она и так смотрела на меня такими глазами, которые бывают исключительно после хорошей оплеухи.

— Всем все ясно? — для порядка уточнила я.

Девушка нервно кивнула.

— Вот и замечательно, — заключила я.

— Студенческий корпус там? — Я ткнула пальцем в противоположную стену.

Она мотнула головой, ткнула пальцем в торцевую. Что же, здесь, значит, здесь. Ничем не хуже.

Говорить «спасибо» я почему-то не стала.

Дверь в студенческий корпус была хоть и неприметной, но до ужаса тяжелой — наверное, в расчете на то, что хоть немного выпивший адепт попросту не сможет ее отворить. Но во мне не было ни капли алкоголя, так что я, промучившись с полминуты, все-таки сумела проскользнуть вовнутрь.

Когда я просачивалась туда, мне показалось, что дверь подозрительно втянула носом воздух. Учítывая, что носа у нее не имелось, я списала это на свое общее переутомление — или просто на здешнюю магическую обеспеченность.

Внутри было сухо и темно. Чадили факелы, укрепленные на стенах; я принялась: из-за поворота коридора пахло съестным — и решительно пошла на запах.

За поворотом обнаружилась небольшая будка, освещенная светящимся шаром. Шар плевался искрами, но, когда одна упала мне на руку, я обнаружила, что она абсолютно холодная.

Над будкой висела аккуратная табличка с надписью «Комендант».

Я подошла ближе. Никакого коменданта внутри не имелось, а имелся молодой парень, мускулистый, светловолосый и довольно симпатичный.

— Кгхм, — сказала я, не придумав ничего другого. — А где комендант?

Парень поднял на меня мрачные глаза.

— Ну я за него, — недовольно буркнул он. — Чего надо?

— Того! — обиделась я. — Первокурсница я, поступила сегодня.

— Значит, надо ключ, — вздохнул он и полез куда-то в шкафчик, сиротливо притулившийся рядом. — Ты с какого факультета?

— Боевой магии, — гордо сказала я.

Парень выронил ключ из рук и, забыв его поднять, воззрился на меня снизу вверх.

— Заливаешь, — уверенно сказал он. — К нам девушек не берут.

— Все вопросы к магистру Рихтеру, — сладким голосом сказала я, вспомнив рекомендацию некроманта.

— Да? — подозрительно уточнил он.

— Иди спроси.

— У него, пожалуй, спросишь... Ладно. — Он поднял ключ и торжественно вложил его мне в руку. Улыбнулся, продемонстрировав белые клыки: — Я Хельги Ульгрем, вампир. А тебя как зовут?

— Яльга Ясица, — машинально ответила я. — Человек.

— Что, Хельги, уже поймал девушку? — весело спросили из-за спины. — Нет, этот вампирюга нигде не пропадет!

Я обернулась; там стояли два эльфа, похожих друг на друга как две капли воды. Я попыталась найти хотя бы одно отличие и поняла, что у меня, видно, двоится в глазах. Отличий не было.

— Кусай ее, придурок, пока не убежала! — рассмеялся правый эльф, нарушая симметрию.

— Это не девушка, — серьезно сказал Хельги. — Это моя однокурсница, Яльга... как твоя фамилия?

— Ясица, — осторожно сказала я, не совсем представляя, как мне должно отнестись к ситуации и к эльфам.

— Ух ты, — ожидаемо сказал левый эльф. — А мы тут Полин повстречали. Трясется, говорит, на нее напали десять рыжих ведьм, покусали и отобрали золотые сережки. Одну пару на всех десятерых. Так это ты была?

— Что ты врешь, — вмешался правый. — Не сережки, а браслетик!

— Или кольцо обручальное?

— Если так, нечего рыдать. У нее их много...

— Если что, у тетки займет...

— Меня зовут Эллинг, — сказал правый эльф, улыбаясь во все сорок зубов. — А этого — Яллинг, он мой брат. Мы тоже на боевом, только на третьем курсе.

— Ты им не слишком-то верь, — вмешался Хельги. — Во-первых, они на втором, а во-вторых, этот, — он ткнул пальцем в назвавшегося Эллингом, — как-то больше на Яллинга смахивает...

— Ой-ой-ой! — хором протянули эльфы.

— А что это она на боевом факультете делает, а? — спохватился предполагаемый Эллинг.

— По распоряжению Рихтера, — ответил за меня вампир.

— Ну у этого шарики давно за роликами, — отмахнулся Яллинг.

— Не скажи, — серьезно сказал Эллинг. — Раньше у нас девочек не было.

— Ну и разве это от большого ума? На лекции и посмотреть не на кого, пиши себе и пиши...

— Когда это ты лекции писал? — возмутился Хельги. — Вечно бегаешь ищешь, у кого бы скатать!

— А ты вообще молчи, страж порядка, — отмахнулся эльф. — Не видишь, мы тут девушку очаровываем!

— Давайте вы меня потом очаруете, — устало предложила я. — А то я уж сильно спать хочу.

— А, так и быть! — Правый эльф, кажется, он назвался Эллингом, ткнул левого в бок: — Слышь, нам еще к Вигго надо, он обещал динамиту привезти...

— Хорошо ему, его не обыскивают... — вздохнул левый.

— И вас бы не обыскивали, — хмыкнул вампир, — если бы в прошлом году вы актовый зал не взорвали.

— Это была его идея! — хором воскликнули эльфы, указывая друг на друга пальцами.

— А тебя здесь в прошлом году вообще не было, зубастый! — добавил один из них. — Так что прикинься ветошью и не отсвечивай.

— Зубками, пока не превратились в клыки, — уточнил второй, цитируя известную балладу, и оба расхохотались, уворачиваясь от чего-то круглого и поблескивающего, чем запустил в них Хельги.

— Прощай, о неподкупный коридорный бдун! — донеслось уже из-за поворота.

— Школьная достопримечательность, — буркнул вампир, глядя эльфам вслед. — Братья аунд Лиррен, так их растак...

— Эльфы? — зачем-то уточнила я.

— Чистокровные, — кивнул Хельги. — Они классные, только, главное, с ними пари не заключать. Денег у них мало, зато спорят всегда на большие суммы. Так что, даже если победишь, выигрыша все одно не получишь...

— Учту, — усмехнулась я. — Слушай, а ты что, тоже с первого курса?

— Ну да, — пожал плечами вампир.

— А как ты тогда уже...

— Так я же с платного отделения, — поняв, что я хотела спросить, пояснил он. — У нас еще курсы были, подготовительные. Ну я и засыпался... на спор пронес в корпус бутылку гномьей самогонки. Входную-то дверь я обманул, только оказалось, что надо было обманывать и межкомнатную...

— А, так ты тут в наказание? — дошло до меня.

— Ага... — понурился Хельги. — Хотя я-то легко отделался, вот двери — досталось. Теперь всех проверяет, даже магистров.

— Она что, разумная? — немного испугалась я.

Вампир пожал плечами:

— Вроде нет. В них, говорят, поселили простейших элементарей, вот они и бдят... Ладно, уже почти одиннадцать, а после двенадцати по коридорам ходить запрещено. Какая там у тебя комната?

— Девятая, — сверившись с номерком, болтавшимся на ключе, ответила я. — Это далеко?

— Не знаю, — честно сказал он. — Я к вам на этаж только снаружи поднимался.

— Как это?

— А, по веревке... ладно, мрыс с ним. Там дальше лестница будет, ваш этаж второй. На третьем библиотека, там же есть переход в учебный и церемониальный корпуса. Разберешься, дело простое. Завтра, кстати, первым уроком у нас боевая магия.

— Спасибо, — хмыкнула я.

— Да пожалуйста... И еще одно: заблудишься — у привидений дорогу не спрашивай. А то они тебе укажут...

— А у кого спрашивать? — на всякий случай уточнила я.

Хельги выразительно покрутил пальцем у виска.

— На дверях комнат есть номера, — сообщил он. — Читать, надеюсь, умеешь?

Я только фыркнула в ответ.

Признаться, в тех лубках на тему магических школ, которые мне доводилось просматривать — их было немного, от силы штук пять, но разнообразием они все одно не отличались, — на пути в комнату героиню ждало немало интересных приключений. Что же, учитывая, что я изумительно подходила под классическую лубочную героиню — рыжая, сирота, характер вредный и склонный к мелкому пакостничеству, — я не без оснований надеялась на свою законную долю экстрима.

Но судьба, очевидно, не читала лубков. Пренебрегала она и менестрелями; оттого, видимо, не зная, что ей положено делать, она лишила меня всякого намека на интересный путь.

Лестница — красивая, старинная, с хитрыми металлическими перилами — уже осталась позади, компанию ей составили: коридор короткий, коридор длинный, еще один длинный, отстоящий от предыдущего под прямым углом, — а комната с цифрой девять все никак не появлялась на доступных мне горизонтах. Вообще, нумерация здесь была какая-то странная: первая комната, например, соседствовала с триста шестнадцатой и сорок восьмой. Так что я уже отчаялась найти искомое, когда на левой стене замаячила медная девятка.

Я рванула к двери так, словно за нею бесплатно раздавали акции гномьих банков. Уже сжав пальцы на прохладной ручке, я сообразила, что магическая дверь запросто может затребовать с меня какой-нибудь пароль.

Обошлось. Дверь, даже не шмыгнув носом, распахнулась на необходимую мне ширину. Я переступила порог, прокручивая на пальце колечко с ключом, и только сейчас сообразила, что таковой мне так и не потребовался.

Дверь и без того была открыта.

Причем, похоже, изнутри. Взгляд мой, ознакомления ради скользивший по комнате, мигом наткнулся на два больших круглых глаза, испуганно взиравших на меня из дальнего угла. Я моргнула; глаза моргнули в ответ, взмахнув ресницами так, что я невольно ощутила слабый ветерок.

За две секунды обоюдного рассматривания я поняла, где видела эти глаза — да и всю остальную личность, прилагавшуюся к ним в комплект. Это была та самая девица, с которой мы малость поцапались во дворе; напрягши память, я вспомнила, что один из близнецов отреккомендовал ее как Полин.

Постойте-ка, внезапно дошло до меня. Она что, моя соседка по комнате?

— Э-э... — пробормотала предполагаемая соседка, в голову которой, видно, явилась точно та же несложная мысль.

Я решительно закрыла за собой дверь и подошла к свободной кровати. Плюхнулась на нее, стащила сапоги, сняла куртку и аккуратно развесила ее на спинке близлежащего, а точнее, близстоящего стула.

Этого времени возможной соседке хватило на то, чтобы малость осмелеть и отлепиться от прикроватной стенки, — на коврик, висевшем аккурат за спиной Полин, обнаружилась изрядная дырка, которую, похоже, та чисто автоматически прикрывала своим телом. Она вперилась в меня тем хищным взглядом, который, по идее, вырабатывается только у опытных сыщиков примерно к девятнадцатому году напряженной работы, да и то не у всех. Под этим взглядом мне моментально вспомнились и дряхлые сапоги, побережь которые стоило хотя бы из уважения к возрасту, и потрепанная куртка, сменившая одни боги знают сколько владельцев, и штаны, служившие мне верой и правдой уже не первый год.

Да и то сказать, сама я тоже была невеликой красавицей. Мало того что рыжая (впрочем, волосы как раз мне нравились — длинные, пушистые и с золотистым отливом), так еще и веснушчатая — весна там не весна, а на моих щеках и носу всегда имелась целая россыпь конопушек. Кожа бледная и полупрозрачная, как у сказочного вампира, — реальные вампиры в лице Хельги опровергали все рассказы, демонстрируя вполне себе достойный загар. Глаза непонятного цвета — то ли серые, то ли зеленые, то ли голубые. Ногти короткие, обгрызенные — спасибо, хоть форма не подкачала: если постараться, можно и отрастить.

Полин, даром что и ее красавицей назвать было сложновато, была моей полной противоположностью. Маленькая и кругленькая, она как будто вся характеризовалась этими двумя словами. Круглые глаза светло-голубого цвета, круглое напудренное личико с подкрашенными губками и оттененными веками; даже сережки, посверкивавшие у нее в ушах, представляли собой маленькие золотые шарики. Волосы у Полин были каштановые, стриженные по последней моде — коротко, выше плеч, — и зачем-то стянутые в миниатюрный хвостик.

Одежда у нее стояла, пожалуй, раз в семь дороже, чем моя. Тем не менее, рассмотрев ее получше, я раздумала огорчаться и комплексовать. Несмотря на то что гардероб пополнялся, бесспорно, исключительно самой Полин, выглядела она, мягко скажем, немножко странно.

Во-первых, создавалось впечатление, что шмотки покупались с учетом «завтра начну худеть» — меньше нужного примерно на размер. Светло-голубые брючки из мягкой эльфийской ткани обтягивали крепкие ножки Полин так туго, что мне казалось: вот-вот бисер, обильно украшающий штанины, разлетится в разные стороны.

Во-вторых, Полин определенно нравились прибабасы — чем больше, тем лучше. Помимо бисера, упомянутого выше, мною были замечены: цветная вышивка на вороте рубашки и ее же рукавах; светло-голубые граненые бусины размером с четыре крупных горошины — из них был составлен пояс, обматывавший бедра Полин разиков так восемь; браслет из тех же бусин, бренчащий на правом запястье, и, наконец, забавные кожаные висюльки на стоявших у кровати сапогах.

Пока я рассматривала Полин, Полин рассматривала меня. Вроде как по взаимной договоренности; наконец у нее составилось общее впечатление, и она оторвала взгляд от моего правого сапога, со дня на день грозившего запросить каши.

— Привет, — несколько настороженно улыбнулась она. Улыбка вышла профессиональная, с демонстрацией всех тридцати двух зубов, причем без ожидаемого золотого. — Меня зовут Аполинария де Трийе, я из Межинграда. Можно просто Полин... А ты кто?

— Привет, — в тон ответила я. Подумав, улыбнулась, правда не разжимая губ. Вышло не шибко хорошо, ну да я и не старалась. — Яльга Ясица, из... — Тут я замялась, прикидывая, стоит ли говорить, как именно я провела последние лет так десять. Но города, подходящего на роль малой родины, отчего-то не находилось, и я, не особенно раздумывая, ляпнула: — С юга.

— Надо же, — чуть усомнилась Полин. «Все вы такие», — мрачно подумала я. С юга, — значит, чернявый и загорелый. А я что, виновата? Между прочим, все честно, не с востока же?.. — А ты дворянка, да?

Я пожала плечами. Начиналась самая неприятная часть знакомства, включающая в себя ознакомление с родословной. Что же... на эту тему я давно уже выучилась высокохудожественно врать.

— Как посмотреть. Дед по матери был бароном в таборе.

— Ты что, ромка? — ахнула Полин. От неожиданности она даже подалась вперед, бисер скрипнул особенно жалобно. — Да нет, что ты врешь... ты же светлая да рыжая...

— А это потому, — наставительно сказала я, — что папа у меня был кицунэ. Оборотень с Восточных островов, — пояснила я, заметив недоуменный взгляд с соседней койки. — В лиса перекидывался... м-да, пока крестьяне не поймали. За вороватость и кровожадность... Да ты не бойся, оборотничьи способности по женской линии не передаются...

«Все», — удовлетворенно подумала я. Полин была готова — осталось нарезать ломтиками, полить соусом по вкусу и подать к столу. Она смотрела на меня с таким священным ужасом, что я мысленно погладила себя по голове.

— А ты с какого факультета? — вежливо улыбнувшись, уточнила я.

— С алхимического... — растерянно ответила Полин. Зуб даю, она девица тертая, но проверить мои слова было решительно невозможно. Разве что явиться на Восточные острова, переловить всех тамошних кицунэ и затребовать у каждого справку о потомстве — в рамках всенародной переписи населения. — А ты? С некромантического?

Я нарочито небрежно пожала плечами:

— С боевого.

Полин малость оживилась.

— У вас, говорят, там такой магистр... — поднимая брови, сообщила она.

Я заинтересовалась:

— Какой?

— Ну-у... такой. — Алхимичка передернула плечиками, а на лицо ей сошло неземное блаженство. — Сразу видно, боевой маг. Такой... ну типа опытный...

Я загрузилась, стараясь припомнить среди комиссии столь лаконично обрисованную личность. Так, кто там вообще был? Центральный маг с донельзя усталым видом... позвякивающая ведьма в белой кофточке... гном... мелированный — или натуральный, мрыс его разберет — некромант... суровая дама с эльфийским ожерельем... тот, молодой и стильно небритый, с пальцами, которые прям сами собой растопыривались в веера...

Под описание не подходил ни один.

А может, магистр мечты Полин попросту отсутствовал на испытании?

— А у вас кто? — прекратив бесплодные попытки, поинтересовалась я. — В смысле алхимию кто ведет?

— Эльвира Ламмерлэйк, — скорчила рожицу алхимичка. — Ты ее наверняка заметила, суровая такая, вечно в зеленом ходит. Ногти такие... брр, не ногти, а когти какие-то!

«Завидуем, однако», — привычно отметила я. У самой Полин ноготки были длинные, подточенные специальной пилочкой и покрытые розовым лаком с блестками. Но Эльвирин маникюр все одно смотрелся как-то внушительнее.

— Слушай, — вдруг припомнила я, — мне тут Хельги про какие-то подготовительные курсы говорил...

— Так ты и Хельги знаешь? — заново расцвела Полин. — Хельги Ульгrema, вампира, да?

Я недоуменно кивнула. Полин хихикнула.

— Он такой рисковый! — чуть порозовев, поведала она. — Представляешь, по веревке лез на третий этаж!

— Зачем? — поразила я. — Женский этаж второй, он что, так стремился в библиотеку?

Полин немножко поскучилась:

— Ну промахнулся, с кем не бывает... Ну ладно, Хельги еще куда ни шло, но Генри!.. Ты знакома с Генри Ривендейлом?

Я помотала головой.

— А что, должна?

— Да нет, — досадливо отмахнулась алхимичка. — Я его даже в глаза не видела, но все говорят, он будет учиться с нами! Представляешь, он вампир, из жутко древнего рода, вдобавок еще наследный герцог Ривендейл! Говорят, красивый, как... — Полин замялась, явно подыскивая подходящее сравнение, и выпалила: — Как бог!

Я с сомнением хмыкнула. Из всех богов, изображения которых попадались мне на глаза, я запомнила только Одина фьордингов (седой, одноглазый, кротость нрава читается по лицу), ихнего же Локи (рыжий, нахальный, так и хочется проверить, на месте ли кошелек) и словенского Семаргла (вообще выглядевшего как полуптица-полупес). Мои стандарты красоты явно не совпадали с божественными.

Ладно, мрыс с ними, герцогами, магистрами и вампирами. Если я хоть что-то понимаю в людях, на подобные темы Полин может распространяться практически бесконечно.

— Так что за курсы?

Полин изящно взмахнула ладошкой. Браслет соскользнул по предплечью вниз.

— Да не грузись... Были тут такие курсы, специально для коммерческого отделения, а что? Ну там основы магии — как активизировать резерв, как произносить заклинания... Разве тебя там не было?

— Я не с коммерческого. Я по льготному тарифу, — сказала я, чувствуя, как в животе опять шевелится нечто холодное и противное. Мрыс эт веллер, я же ничего этого не знаю! Их учили, а я... ладно, если я стану худшей, это не так уж обидно, но если меня и вовсе выкинут из Академии?

Ладно, решительно сказала я себе. Мрыс с ними всеми. Утро вечера мудренее — тем более такого вечера, когда одна неожиданность следует за другой. Ешкин кот, вдруг поняла я, — до чего же я устала!.. Я же сама не верила в то, что смогу поступить...

В конце концов, успокаивающе бормотала какая-то часть моего сознания, будем решать проблемы по мере их поступления. Первый пункт программы-минимум уже позади. А дальше пусть все будет, как того пожелают боги.

Я слезла с кровати, расправила на ней одеяло. Интересно, сколько лет мне не доводилось спать на настоящей постели? Ну лет восемь точно...

— Завтра во сколько вставать? — уточнила я у Полин, сворачивая снятые штаны в аккуратный рулончик. За ними последовала рубашка; Полин, до того спокойно сидевшая на постели, неожиданно приподнялась, с интересом разглядывая мой голый живот. Я было удивилась — чего это она там нашла? — но секундой позже до меня дошло. Ну да, разумеется. Не алхимичка первая, не она же последняя...

— Ой, Я-альга... — восхищенно выдохнула девица, похоже борясь с желанием потрогать меня пальцем, — это у тебя что такое? Хинди, да?

— Татуировка это, да! — гордо откликнулась я, не обратив внимания на странное, не иначе как ругательное слово.

— Эльфийская?

— Нет, — я мотнула головой, перебрасывая косу через плечо. — Говорю же, ромка я. Такие всем ромкам положены.

Хвала богам — и ромским, и лыкоморским, и эльфийским тоже, для комплекта, — Полин, похоже, никогда не занималась этнографией. Иначе она бы в два счета поймала меня на лжи: никакими татуировками нормальные ромки не хвастаются, да и ромы в принципе тоже. Эльфийская? — а почему бы нет! Вообще-то лично у меня такой вот стиль больше ассоциируется именно с Перворожденными — абстрактный орнамент, состоящий из веток, листьев и цветов, на первый взгляд не несущий никакого смысла. Но стоит присмотреться — и из хитросплетения линий на миг, не больше, выглянет непонятная руна, а может быть,

даже несколько рун. Мрыс дерр гаст! — я знала не так уж много языков, писать так и вовсе умела только по-лыкоморски; но никогда, ни на одной вывеске, будь та вывеска эльфьей, человеческой или гномской, мне не приходилось видеть таких букв. Резкая и одновременно изящная, точно вычерченная единым росчерком пера... хотела бы я знать, что за народ пишет такими вот знаками.

И еще — откуда эта мрысь вообще на мне взялась.

— Так во сколько завтра вставать? — Сдернув тесемку, я быстро расплела косу, попутно кое-как разодрав спутавшиеся волосы пальцами.

— В восемь начало лекций.

— Спасибо, — кивнула я, залезая под одеяло.

Стираная простыня холодила кожу. Я свернулась квадратиком, привычно собирая вокруг себя тепло; веки налились свинцом, и я уже не слышала, когда Полин наконец задула свечу и тоже легла спать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой Судьба решает наконец следовать проторенным маршрутом и одаряет героиню подходящими случая событиями, встречами и сведениями. Здесь появляются герцоги, вампиры, гномы и прочие личности, чьи аналоги многожды воспеты менестрелями

Я проснулась, когда солнце уже наполовину вылезло из-за горизонта. Его лучи мягко освещали подоконник, чисто протертый тряпочкой, саму тряпочку, живописно растянутую по спинке кровати Полин и книжку, забытую хозяйкой на одеяле. Книжка была эльфийская; судя по сердечку, сомнительно украшавшему собой обложку, это был любовный роман. В сердечке была нарисована изящная миниатюра: прекрасная блондинка в платье винно-красного цвета, без сил обвисшая на руках у рокового вида личности мужского пола. На физиономии у личности каким-то непостижимым — наверное, магическим — образом крепилась половинчатая белая маска.

«Роман», — окончательно убедилась я. Правильно, пока идеал, частично воплощенный во всяких там вампирах, шляется по далеким краям, стоит подготовиться к его приходу, читая соответствующую литературу. Научный такой подход, основательный. В Академии наверняка ценится высоко... В Академии!

Мрыс эт веллер келленгарм!

Полин уже не было — не иначе как умчалась на урок. По моим прикидкам, было семь утра с лишним; лекция должна была начаться с минуты на минуту.

Бормоча про себя оборотничьи фразеологизмы с многократным повторением слова «мрыс», я запрыгнула в штаны, натянула сапоги и залезла в рубашку. На ходу зашнуровывая ворот, я вылетела за дверь и только тогда сообразила, что не знаю, куда идти.

В коридоре было пусто. Из комнат не доносилось ни звука; похоже, все адепты, кроме меня, уже явились на уроки. У-у, мрыс дерр гаст, — что, Полин не могла меня разбудить?!

Так. Без паники. Что там говорил Хельги? Переход в учебный корпус, кажется, на третьем этаже...

Я со всех ног рванула назад по коридору. Поворот, еще один... я вылетела на лестницу и, перепрыгивая за раз по две ступеньки, побежала наверх.

На третьем этаже обнаружился еще один коридор — точный близнец того, что остался этажом ниже, разве что по стенам не имелось дверей, а висели какие-то картины. Большая часть была портретами, но я особенно не присматривалась. Быстрее, еще быстрее... мимо широких дверей с надписью «Библиотека», мимо еще какой-то двери, маленькой и темной, с надписью, уж вовсе не поддающейся расшифровке...

Плитка под ногами была скользкая, так что я ничуть не удивилась, когда в один

прекрасный момент стершийся каблук на левом сапоге подстроил мне очередную пакость. На бегу я поставила ногу чуть-чуть набок — этого достало, чтобы поскользнуться и упасть, причем очень неловко, на не вовремя подставленное колено.

Это был уже перебор.

— Уау-у-уу! — в голос взвыла я.

— Что с вами такое, адептка? — испуганно спросили сверху.

Я подняла голову, смерив вопрошавшего донельзя мрачным взглядом. Это был вчерашний гном; на всякий случай он даже отошел от меня на пару шагов, не иначе как желая обезопаситься от моих возможных чар.

Будучи существом предприимчивым, я немедленно поняла, какую пользу могу извлечь из этой встречи.

— Извините, магистр... э-э...

— Фенгиаруленгеддир, — с готовностью представился гном.

Я попыталась повторить сказанное про себя и чуть не сломала язык.

— Извините, а как добраться до кабинета... хм... — Только тут я сообразила, что не знаю, на какую лекцию вообще спешу.

— Боевой магии? — выручил меня гном. Увидев мое удивленное лицо, он пояснил: — Да я только что от вас, уточнял кое-что... Тут недалеко, адептка. За поворотом вторая дверь слева. На ней табличка.

— Спасибо! — искренне кивнула я. Гном смотрел на меня с нескрываемым любопытством; только сейчас до меня дошло, что я так и продолжаю сидеть на полу, потирая ушибленную коленку. Поняв это, я встала, подтянула за ремень упавшую сумку.

Гном кивнул и, обогнув меня, с достоинством прошел по коридору.

— А звонок давно был? — крикнула я ему в спину.

— Три минуты назад, — не оборачиваясь, ответил магистр.

Сделав из сказанного нужный вывод, я поспешила в указанном направлении.

Дверь нашлась там, где и сказали. И табличка на ней имела: черные буквы складывались в сообразное сочетание «Боевая магия». Я прочла надпись, чтобы быть уверенной, что не ошиблась; потом прочла еще раз, чтобы убедиться, что все верно; потом еще раз...

Входить было страшно, но надо. Я замешкалась перед дверью еще на несколько секунд, пытаясь справиться с неожиданным, ничем не оправданным страхом; потом взяла себя в руки, постучалась и, не дожидаясь ответа, растворила дверь.

Внутри обнаружилась достаточно обширная комната, освещенная утренним солнцем. У самой близкой ко мне стены висела доска, темно-коричневая и прямо-таки девственно-чистая. Возле нее стоял учительский стол. Дальше, метрах в двух, начинались парты, за которыми сидело человек двадцать адептов, синхронно повернувших ко мне лица.

Я замялась, немного смутившись от такого внимания.

— Не стойте на пороге, студентка, — холодно приказал мне подозрительно знакомый голос. — Дурная примета. Почти такая же дурная, как опоздание в первый учебный день.

Это был давешний некромант. Он, как легко догадаться, сидел за уже помянутым учительским столом. «Что-то здесь не вырисовывается», — беспокойно подумала я. На двери кабинета лыкоморским языком было написано «Боевая магия»; по лицу же магистра было сразу видно, что не кем иным, как штатным темным магом, он быть попросту не может.

— Э-э... — выдавила я из себя, пытаясь сообразить, как бы это потактичнее узнать, не ошиблась ли я кабинетом. — А я... а вы...

Магистр повернул ко мне голову, встряхнув ею при этом так, будто он хотел отбросить с лица мешающие волосы. Совершенно бесполезное движение: с правой стороны у него имелось что-то вроде челки — широкая прядь, обрезанная на пару сантиметров ниже виска. Длина была выбрана самая неудачная: слишком маленькая, чтобы челку можно было заправить за ухо, но достаточно большая, чтобы волосы лезли в глаза. Похоже, обрезано

было недавно, — по крайней мере, настолько, что некромант еще не успел отвыкнуть от когда-то полезного движения.

— Заходите, студентка, — тоном, исключаящим всякую возможность другого решения, приказал он. — И учтите, что повторять это в третий раз я не стану.

Я сочла за лучшее заткнуться и решительно перешагнула порог. Взгляд моментально нашарил среди адептов знакомое лицо: вчерашний вампир Хельги тоже узнал меня, клыкасто улыбнулся и помахал рукой.

Как назло, все парты были заняты — кроме первой, самой близкой к столу некроманта. Я в принципе даже догадывалась почему. Но выбора не было, и я села на пустую скамейку, повесив сумку на специальный металлический крючок.

— Итак, продолжим с того места, на котором остановились. Меня зовут Эгмонт Рихтер. — Некромант взмахнул левой рукой, и на доске проявилось его имя, каковое я быстренько записала. — Я магистр боевой магии и декан вашего факультета. — («Ешкин кот!» — подумала я, и, судя по лицам, не только я.) — Многие из вас, насколько мне известно, стремились попасть именно сюда. Исходя из этого, я рассчитываю на то, что вы готовы приложить определенные усилия для достижения... хм... некоторых высот. Рассчитываю также и на то, что вам известны условия, на которых вы здесь оказались. Работа, работа и еще раз работа. Помните о том, что никого я сюда не приглашал. На место каждого из вас претендует длинная очередь кандидатов. Достанет одной ошибки, чтобы это место оказалось вакантным.

Класс молчал. Я покосилась на Хельги — тот сосредоточенно внимал.

— Боевая магия, — Рихтер встал и обошел стол, становясь к нам лицом, — одна из сложнейших отраслей магического искусства. Для того чтобы освоить ее в полной мере, мало иметь некоторые способности. Прежде всего боевая магия — это упрямство, воля и, повторюсь, работа. А также определенная дерзость, способность оригинально мыслить и умение найти свой собственный выход из сложившейся ситуации.

Я уважительно приподняла бровь. Ценю наглость и хороших ораторов. Не сказав о себе ни слова, маг тем не менее ухитрился заручиться уважением аудитории: ведь, добившись в своем предмете таких высот, он просто обязан был обладать всеми вышеперечисленными свойствами, причем иными даже в высшей степени.

Ну да. Попробуй такого не зауважай — сразу по потолку размажет.

— Мне хорошо известно, что каждый из вас жаждет именно практики. Смею вас разочаровать: практики у вас пока не будет. Будет теория, и в больших количествах. Если кто-то чем-то недоволен — я с радостью подпишу разрешение на перевод к алхимикам или телепатам.

«Не дождетесь», — с неприязнью подумала я.

— Впрочем, опыт подсказывает, что, когда теория наконец закончится, очень многим придется об этом пожалеть... Да, и еще: я никого не вынуждаю ходить на мои лекции. Равно как и конспектировать их. Но предупреждаю, что принимать у вас экзамены буду именно я.

Я представила себе экзамены в его исполнении и содрогнулась.

— И последнее. Вот это очень рекомендую записать и — для самых забывчивых — обвести в рамочку, чтобы после ко мне не было никаких претензий. Итак. Доступ адептов в личные лаборатории преподавателей строго запрещен. За безопасность своей лаборатории я ничуть не опасаюсь, но предупреждаю сразу: тому, кого поймаю на попытке взлома, достанется по заслугам. Надо сказать, что это я говорю каждый год, и все равно всякий раз отыскивается очередной герой, жаждущий неприятностей. Не думаю, что ваш курс сделается исключением из правила, но считаю своим долгом предупредить: неприятности будут настолько крупными, насколько мне хватит воображения. Меня все поняли? Все, значит. Отлично. Я запомню...

«Интересно, чего это он там такое прячет?» — мгновенно подумалось мне. Должно быть, что-то серьезное, ибо если не так, то к чему подобная строгость? На что хватит воображения... хм... Не сомневаюсь, что фантазия у него богатая!

— На этом вступление заканчивается. Итак, тема первая. — Он еще раз дернул левой ладонью, и доску покрыли многочисленные символы. — «Боевая магия и равновесие стихий».

Я торопливо окунула перо в чернила и записала тему. Подумала и подчеркнула ее волнистой чертой.

Через пятнадцать минут у меня уже было написано почти что семь с половиной страниц. Эгмонт — то бишь конечно же магистр Рихтер! — говорил достаточно медленно, для того чтобы успевать записывать, но достаточно быстро, чтобы не успевать отвлекаться. Перо мое скрипело по бумаге, пару раз я все-таки посадила кляксу, но в общем получалось неплохо. Тем более неплохо, если учесть, что последний раз я держала перо в руках то ли восемь, то ли девять лет тому назад.

В классе, к слову сказать, стояла мертвая тишина. Не считая скрипа перьев, разумеется.

Записывая, я то и дело косилась на магистра. Дело в том, что я пыталась сопоставить три имевшихся у меня в наличии картинки: первую я почувствовала вчера, испытыв преме́рзостное чувство дежавю, вторая сложилась вчера же, но на основе чуть более свежих впечатлений, а третья... третья складывалась прямо сейчас, на первом уроке.

Я сидела недалеко от доски и потому смогла подробно рассмотреть лицо мага. Достаточно подробно, чтобы понять: мне оно не нравится. Совершенно не нравится. Несмотря на весь донельзя эпатажный вид. Вообще, Рихтер выглядел каким-то... неправильным, то ли больным, то ли что. Кожа у него шелушилась, точно обветренная; тонкие губы были покрыты трещинами, а глаза — раскосые, кстати, почти как у меня, — очень нехорошо блестели. Глаза эти мне не понравились особенно — у хорошего человека они так блестеть не станут.

Определенно у нас с Полин были совершенно разные вкусы.

Он был одет в черное, и мне невольно еще раз вспомнились некроманты с ярмарочных лубков. В кабинете было тепло, но куртка его была застегнута наглухо, а на руках я заметила перчатки — тоже черные, кажется кожаные, и без пальцев, как у эльфийских мечников. Удобно для воина — так в ладони не проскальзывает рукоять, — но боевому магу редко приходится действовать мечом.

— Герцог Ривендейл, — мягко сказал магистр, отрывая меня от размышлений, — повторите, пожалуйста, мою последнюю фразу.

Я обернулась, вспомнив рекомендацию Полин. Герцог Ривендейл... кажется, Генри, а может быть, и не так. Красивый темноволосый вампир, сидевший на третьей парте, даже не брал в руки пера. Хельги смотрел на него с откровенной неприязнью, тот вообще его не замечал, и я невольно удивилась таким братским чувствам. Раньше мне доводилось слышать, что вампиры — достаточно дружная раса.

Темноволосый с некоторым вызовом посмотрел на Рихтера.

— Боевая магия и равновесие стихий, — заявил он.

— Это наша тема, и она записана на доске. Я просил вас повторить мою последнюю фразу.

Вампир промолчал, глядя на магистра с тем же вызовом.

— Я не настаиваю на записи лекций, если у вас такая хорошая память, что вы способны запомнить их с голоса. Однако с памятью, как я вижу, имеются проблемы?

— Я не считаю, что запоминать это настолько необходимо.

Рихтер равнодушно пожал плечами:

— В таком случае извольте покинуть кабинет.

— С чего это вдруг?

Намечался скандал. Студенты оживились, и я в том числе. Кое-кто заинтересованно смотрел на вампира, кое-кто — на магистра; на лицах у некоторых читалось явное неудовольствие невозможностью сделать ставки.

Эгмонт выглядел абсолютно спокойным.

— Я правильно вас понял? — с новыми вкрадчивыми нотками уточнил он. — Вы

считаете, что отлично знаете боевую магию и без моих... хм... не столь необходимых лекций?

— Я считаю, что это всего лишь пустая болтовня. Я приехал сюда учиться боевому искусству, а не впустую тратить время...

— Замечательно, — так же вкрадчиво сказал магистр. Он повел по воздуху ладонью, и парты вместе с сидящими за ними адептами плавно отодвинулись к стенам. В центре комнаты возникло пустое пространство. — В таком случае выходите и докажите, что вам и в самом деле ни к чему мои уроки.

Вампир слегка замялся. Похоже, он не думал, что дойдет до поединка.

— Ну же, — по-прежнему спокойно произнес Рихтер. — Я не герцог, но, смею заверить, не привык терпеть оскорбления. Или, быть может, вы предпочтете извиниться?

Если такая идея у вампира и была, то сейчас она окончательно исчезла. Вспыхнув, он вышел из-за парты к доске.

Картинка была — прямо бери и вставляй в рамку. Героическая гравюра «Битва Зла с Добром». Вампир, даром что он был не блондин, изрядно напоминал представителя последнего. В каждой его черте сквозило врожденное благородство; вот уж кому не нужно было таскать с собой свернутое в рулончик родословное древо, чтобы всем и каждому сразу сделалось ясно, сколько поколений благородных предков стоит за его спиной. По моим прикидкам, их — то бишь поколений — должно было быть никак не менее двадцати. Об этом свидетельствовали и чеканный — хоть сейчас на монету — профиль, и донельзя мужественная линия гладко выбритого подбородка, и пылающий взгляд, и темные густые кудри, мягкой волной падающие вампиру на плечи. А уж общее-то впечатление... Благородные предки есть благородные предки; их не пропьешь, даже если использовать для этих целей полтора литра крови старого алкаша. Право слово, меня так и подмывало бросить в воздух чепчик, ну или — за неимением такового — хотя бы показать герою одобрительную двухпальцевую рогульку.

Про Эгмонта же и говорить не стоит: рядом с великолепным Ривендейлом он выглядел как пес общеизвестной дворянской породы на фоне мраморного дога. Единственное желание, которое он возбуждал, — это дать в хрюкальце, и чем быстрее, тем лучше.

Магистр небрежно присел на краешек своего стола, глядя на вампира с нехорошим задумчивым интересом.

— Начинайте, — пригласил он.

Ривендейл колебался. Похоже, что его благородной натуре претило нападать на безоружного. Вампир не слишком-то уверенно нащупал рукоять шпаги.

— Не заставляйте меня нападать первым!

Голос Эгмонта хлестнул не хуже кнута; вампир вздрогнул и одним отточенным движением выхватил шпагу из ножен. Он мягко, по-кошачьи, шагнул вперед, замахиваясь свободной левой ладонью, из кончиков пальцев которой вылетел большой, в два кулака, фиолетовый пульсар. Второго шага вампир сделать не успел. Пульсар схлопнулся вовнутрь себя; шпага вывернулась из руки Ривендейла и с громким звоном упала на пол.

Рихтер сидел по-прежнему неподвижно.

— Все? — спросил он. — Или продолжим?

Герцог покраснел и подобрал шпагу. На этот раз он действовал быстрее: я не успела заметить, когда он взвился в воздух, молниеносно расправив черные кожистые крылья. Взмах, проблеск металла — надо полагать, выпад шпаги...

Глухой удар.

Вампира отбросило в сторону. Не успев смягчить удара, он со всего маху врезался в стену и, с секунду удержавшись в вертикальном положении, сполз вниз.

Он мгновенно вскочил на ноги. Серебряный обруч слетел с его волос; сами волосы изрядно растрепались, да и радикально-красный цвет лица не добавлял вампиру аристократизма. Но даже сейчас он выглядел, как, должно быть, выглядят Светлые Боги, уже практически побежденные Темными Силами.

— Так нечестно! — голосом, исполненным благородного негодования, воскликнул он. Честное слово, мои руки сами потянулись за несуществующим чепчиком. — Вы... вы сильнее! У вас есть накопительный амулет!

— Здесь не рыцарский турнир, — прищурился Эгмонт. — Но дабы ваша честь не подвергалась сомнению...

Он стянул с правого запястья тонкий металлический браслет с крупным камнем в середине.

— Больше амулетов у меня нет. Вы довольны?

Вместо ответа вампир ринулся вперед.

Дальше все случилось очень быстро. Рихтер шагнул навстречу Ривендейлу; а в следующий момент вампира словно ветром подняло в воздух. Мелькнули черные крылья, а потом все сделалось, наоборот, очень-очень медленным, и я могла в подробностях рассмотреть, как вампир падает спиной вниз на подставленное колено Эгмонта.

Мрыс эт веллер, мгновенно поняла я, маг же его убьет! Попросту сломает ему позвоночник...

И время вернулось в обычный ритм.

Ривендейл грохнулся об пол так, что я на секунду испугалась, что он проломит каменные плиты и рухнет вниз, в гости к некромантам. Еще с полминуты он лежал неподвижно, а потом дернулся и застонал.

Эгмонт наклонился и, не особенно напрягаясь, вздернул вампира на ноги. Тот стоял, но нетвердо; от бывшего благородства остался разве что орлиный нос, да и тот почему-то смотрелся уже не столь чеканно.

Магистр едва ли не за шкурку подтащил вампира к двери и распахнул ее одним пинком.

— Медпункт дальше по коридору, — сухо сказал он, устанавливая Ривендейла с той стороны. — Двойка за урок. Домашнее задание: подготовить доклад о способах нападения на мага с холодным оружием. На следующем уроке прочтете его в классе и, может быть, получите шпагу обратно. Все ясно?

Вампир судорожно кивнул. Магистр захлопнул дверь.

Класс молчал. Было слышно, как жужжит сумасшедшая осенняя муха, бьющаяся в стекло.

Эгмонт поднял шпагу, выроненную Ривендейлом, и задумчиво покрутил ее в руках.

— Неплохо, — пробормотал он. — Клеймо Ястреба... Семейное оружие, по всему виду... Даже отлично. — Он положил шпагу на стол, рядом со стопкой пергаментов, и посмотрел на нас. Посмотреть на него в ответ никто не решился. Кроме меня: я уже и так исверлила его взглядом, так что бояться мне было нечего. — Итак, мы остановились на магической экологии. Экологией в магической науке называется... Записываем, господа adeпты, не тормозим...

Возражать, равно как и отлынивать, почему-то никто не посмел. Через две секунды мы уже синхронно скрипели перьями.

Естественно, я жаждала объяснений. Поняв всю ситуацию в целом, я тем не менее не сумела уловить частностей — а они-то, разумеется, и есть самое интересное! Кто вообще такой этот Эгмонт Рихтер? Кто такой Генри Ривендейл? Что, мрыс дерр гаст, за запрет на взлом лабораторий и что за намеки на попытки осуществить таковой?

На мою удачу, под руками имелся Хельги — если судить по вчерашнему знакомству, вампир явно не страдал повышенной молчаливостью и запросто мог ответить на все мои вопросы. Вдобавок он учился здесь дольше, чем я, значит, наверняка успел выяснить кучу интересных подробностей.

Не все же ему, в конце концов, в библиотеку лазить по веревке?..

Едва прозвенел звонок, как я хищным рывком оказалась возле вампира. Тот, как ни странно, обрадовался: меня немедленно представили целой куче adeптов, из которых трое были эльфами, пятеро — вампирами, а еще трое — гномами. Благородного Ривендейла еще

не было: верно, не вернулся из медпункта.

Я не слишком-то хорошо схожусь с людьми. Но это если говорить о *настоящих*, глубинных связях; если же речь идет о легком, ни к чему не обязывающем знакомстве — здесь все зависит от настроения. Иногда из меня и слова не вытянешь... но сегодня, спасибо богам, случилось иначе.

Уже через три минуты общения я почувствовала себя своей — настолько, насколько это было возможно на данном временном отрезке. Среди эльфов шовинистов не водится, гномы же оценивают знакомцев по их возможностям и талантам, в последнюю очередь обращая внимание на половую и расовую принадлежность. Вампиры... насчет вампиров я не была уверена, — может быть, кому-то и пришла в голову мысль: «Нечего тут девицам делать!» — но озвучивать ее никто не стал. На меня играла еще и рекомендация Рихтера — каким-то невероятным образом (скорее всего, впрочем, Хельги проболтался) все уже знали, что на факультет меня зачислил сам магистр.

— А что, раньше у вас девушек не было? — вспомнила я лубки. Там, помнится, частенько случалось, что главная героиня, рыжая ведьма-студентка, оказывается единственной девицей чуть ли не за всю историю факультета.

Темноволосый эльф — Келефин аунд Дарру? — качнул головой:

— Да нет, отчего же... Бывает. Вон хотя бы — видишь, у окна стриженная блондинка в коротком плаще? Это Матильда ле Бреттэн, аспирантка. Она у второго курса боевую магию ведет.

— У второго? — Я осмотрела указанную Матильду, не нашла в ней ничего интересного и вернулась взглядом к эльфу: — А почему не у первого? Я так понимаю, чем младше студенты, тем меньшая квалификация требуется от магистра...

Эльф пожал плечами:

— Не знаю. Может быть. Только Рихтер всегда работает с первым курсом. С первым — и еще с пятым и шестым. Всегда.

— Я слышал, — вмешался в разговор вампир, которого звали Логан, — это оттого, что основа — самое главное. Вроде как заготовку для меча должен делать мастер...

— Ну да, — хмыкнул Хельги, — это в его стиле. Скромность чувствуется за полторы версты.

— Ну а чего ему скромничать? — Логан ухмыльнулся, на миг продемонстрировав впечатляющие клыки. — Он как-никак боевой магистр — это что-то да значит, верно?

— А что это значит? — уточнила я, обрадовавшись, что разговор свернул в нужное русло.

На меня уставились двенадцать пар изумленных глаз.

— Ты что, Яльга? — выразил общее мнение эльф Куругорм. Был он, кстати сказать, младшим братом эльфа Келефина — это было ясно и по именам, похоже, этих двоих называли в честь знаменитых братьев, героев седой эльфийской древности. Древность была настолько седая, что никто и не помнил, чем таким эти братья ухитрились отличиться. Однако если их имена и поныне не забыты, значит, они были однозначно герои, иначе чего бы их стали помнить?... — В самом деле не в курсе, кто такой наш Рихтер?

Я честно помотала головой, и на меня тут же обрушился поток сведений.

Выяснилось, во-первых, что боевой маг Рихтер просто изумительный, едва ли не лучший в мире. Даром что не слишком-то старый, хотя для человека тридцать с хвостиком — это, конечно, уже практически дряхлость. Полтора года тому ему даже предлагали занять место в Совете КОВЕНа — после того как почтенный Т'ари аунд Велленсдар оказался совсем не почтенной свиньей. Магистр отказался, сославшись на необходимость профессионального роста. Аргументация была приблизительно такая: вот стану я членом Совета и к чему тогда стремиться? Так и жить незачем станет...

Во-вторых, моя интуиция в очередной раз меня не подвела — характером Эгмонт оказался ну натуральный зверь, к тому же зверь ехидный и коварный, и пощады от него ждать никому не приходится. К своим, вопреки традиции, он был особенно строг, так что

боевому факультету сочувствовала вся Академия. С другой стороны, только Рихтер нам и был по-настоящему опасен — все прочие магистры с нами старались не связываться, дабы не осложнять отношений со столь нехорошим коллегой.

На этом подкрепленные наблюдением сведения заканчивались и начинались самые что ни на есть мифы. И главной легендой, разумеется, была Та Самая Лаборатория Рихтера — именно так, все с большой буквы.

Никто не знал, что именно там находится. Но предположения ходили самые разные — от мегаамулета, способного все Лыкоморье снести зараз, до сумасшедшей жены, запертой в шкаф. Кто-то утверждал, что именно там, в специальных скляночках, мучаются духи особенно нерадивых адептов, взятых Рихтером на перевоспитание. Кто-то говорил, будто никакая там не лаборатория, а самая натуральная берлога, в пол которой воткнуто двенадцать ножей: каждое полнолуние магистр перекидывается волком, оттого в промежутках и ходит такой злой. Самые романтичные студенты — думаю, впрочем, что скорее уж это были студентки — верили, что там хранится некоторая вещь, принадлежавшая прежней Рихтеровой возлюбленной. Портрет там, браслетик, оборочка какая, на худой конец! — в общем, нечто, над чем магистр регулярно роняет скупую мужскую слезу. Правильно, по всем канонам и лубкам, у него просто обязана быть несчастная любовь — а то чего он ходит весь такой циничный и в черном?

Выслушав последний вариант, я поняла причину сладких вздохов Полин.

— Слушайте, а мы на лекцию-то не опоздаем? — вдруг вспомнила я, когда смеяться было уже больно. — Что у нас сейчас?

— Некромантия, — заявил, сверившись с листком, Куругорм. — Это где?

— Кгхм, — солидно заявил гном Снорри. Все взгляды немедленно устремились на него. — Насколько я знаю жизнь, вот на это лучше не опаздывать.

Гном хорошо знал жизнь. Очень хорошо.

Некромантию преподавала вчерашняя позвякивающая ведьма. Похоже, что она меня запомнила, — по крайней мере, дважды я ловила на себе ее заинтересованный взгляд. Однако взгляды взглядами, а к концу лекции я поняла, что здешние магистры друг друга стоят. Нет, некромантка со звучным именем Шэнди Дэнн (имя это рождало во мне какие-то смутные, но упрямые ассоциации, которых я так и не сумела расшифровать) не вызывала вампиров на дуэли и не выбрасывала их в коридор. Была она тиха, вежлива и лишь самую чуточку ехидна, но, если я хоть что-то понимаю в жизни, подраться с Эгмонтом вышло бы безопаснее. Хотя бы потому, что Рихтер прикончит сразу, а эта мало того что упокоит, так потом еще поднимет и всласть поиздевается.

После того как общительный Хельги рассказал мне на перемене несколько баек, первоначальное впечатление только усилилось. Как поведал мне осведомленный вампир, некромантка была тот еще символ школы, ибо никто не знал, с какого конкретно года она здесь преподает. Кто-то причислял ее к отцам... тьфу ты, матерям-основательницам, кто-то утверждал, что магичка, как кикимора, завелась вследствие того, что обиженный жизнью и невеликим гонораром строитель вмонтировал в почти готовую стенку ма-ахонькую такую куколку, выглядящую ну в точности как магистр Дэнн. Сторонники этой версии также утверждали, что тому, кто эту куколку выковыряет из стены, некромантка будет служить по гроб жизни, а все оценки за экзамены выставит автоматом.

Лично мне как-то большеглянула версия номер раз — ибо возраст Шэнди Дэнн оставался для меня абсолютной тайной. Мрыс бы ее знал, сколько ей лет, — выглядит от силы на тридцать пять — сорок, но глаза... такой взгляд я видела только у эльфов, тех еще долгожителей.

— А еще говорят, — продолжал вещать вампир, то и дело косясь на оставленный позади кабинет, — будто на нее наложено проклятие! Самое настоящее, Яльга, такое, что хоть сразу гроб заказывай! Только она тетка умная и проклятие обошла!

— Как?

— А вот так! Проклятие над ней и посейчас висит, но подействует оно только тогда,

когда на ней не будет ни единой белой ниточки. Так что, во что бы она ни была одета, одна деталь туалета у нее всегда белая! Потому ее и прозвали Белой Дамой...

— Ага! — поддакнула нарисовавшаяся откуда-то Полин. — Кофточка, например, или повязочка... А еще я слышала, будто наш Афилогет — это ее любовник, которого она заколдовала за измену...

— Чушь собачья! — отрезал Хельги. — Афилогет — это обычная флуктуация, летающая лужа эктоплазмы!

— Афилогет — это... — Я выразительно посмотрела на алхимичку.

— Это наш замковый призрак, — поморщившись, объяснил вампир. — Та еще тварь. Учти, спрашивать у него ничего нельзя, особенно дорогу — заведет туда, куда и магистрам-то ходить не стоит.

— Ты уже говорил, — напомнила я. — А что...

— Он не тварь! — перебила меня обиженная алхимичка. — Он такой забавный!.. А если он всем рассказал, как ты лазил на третий этаж вместо второго, то это ни о чем еще не говорит!..

Хельги обиженно фыркнул, из чего я сделала вывод, что эта история в свое время имела большую огласку.

— Что у нас сейчас? — спросила я, наблюдая за тем, как Полин косится в сторону вампира. — Какая лекция?

— Пара по бестиологии, — недовольно ответил Хельги, который тем не менее был явно рад возможности уйти от неприятной темы. — И на сегодня все. Надо еще в библиотеку сгонять за учебниками.

— Яльга, а форму тебе уже выдали? — опять вклинилась алхимичка.

— Форму? — Я покосилась на Полин с сомнением, но та едва ли собиралась меня разыгрывать. — Какую еще форму?..

Видя, что разговор принимает чисто женскую направленность, вампир поспешил слиться, предварительно объяснив мне, где находится кабинет бестиологии.

— Школьную форму, — глядя на меня, как на дурочку, сообщила Полин. — Теоретически нам всем в ней положено ходить — и ученикам, и магистрам. На самом деле все носят что хотят. Черный такой плащ, штаны под цвет... называется «а не поиграть ли нам в некромантов?». У меня пока что тоже нет — сходим к завхозу, ладно?

— Ладно, — кивнула я. — Я сейчас на бестиологию, а ты?

— На фэйриведение, — сделала гримаску Полин. — Встретимся внизу, возле входа, хорошо?

— Пусть будет, — кивнула я.

Бестиология проходила в большом кабинете, большую часть которого занимали разнообразнейшие чучела — здесь, кажется, были представлены почти все твари, обитающие в северо-восточной части Ойкумены. Некоторых я знала по рассказам, с некоторыми — хвала богам, этих было не так уж и много — встречалась лично. Ни в одну из этих встреч я не проявила особого героизма: со всех ног убежала от аванка, молодого, глупого и потому не успевшего меня схарчить, переждала на дереве ярость целой своры Кон Аннон (какой дурак сказал, что на людей эти псинки не нападают?! Еще как нападают, когда больше жрать нечего!). Имела маленькую, но очень неприятную встречу с виверной — к счастью, по лесу эта тварюка передвигается хуже, чем по открытой местности, а лес оказался совсем рядом.

Хельги я все это рассказывать не стала, справедливо рассудив, что незачем обеспечивать себя лишней отрицательной рекламой. Вампир, как я уже успела понять, отнюдь не отличался молчаливостью. Кто его знает: вдруг завтра вся школа окажется в курсе, как я позорно убегала от какой-то дохленькой виверны?! Не объяснишь же, что убегали мы вдвоем, причем пару мне составил благородный рыцарь, пятью минутами раньше честно собиравшийся исполнить свой долг по части усекновения гадов...

Кстати, бежал рыцарь куда быстрее моего, даром что ему приходилось тащить тяжелые доспехи, меч и длиннющее копье. Не иначе как сказались тренировки, — скорее всего, эта

виверна была уже не первой на его счету.

Преподавал бестиологию тот самый молодой маг, на лице которого я узрела вчера столь явно выраженную гордость из-за принадлежности к КОВЕНу. Нам он представился как Марцелл Руфин Назон — «можно просто магистр Назон». Судя по тройному имени да еще по специфической форме носа, бестиолог был уроженцем южной части континента, скорее всего, происходил из Лация или Сатрики. Этот факт несколько приподнял чародея в моих глазах, хотя, бесспорно, лучшей для него характеристикой оставалось то, что он работал именно здесь. После двух первых лекций я поняла, что кого попало в магистры не берут, и потому приготовилась слушать Марцелла-и-Руфина со всевозможным вниманием.

Лекция была, что называется, вступительная — «рекламная», по выражению ехидного Хельги. Долго и красочно описав все стороны предмета, магистр продемонстрировал нам избранные чучела из своей коллекции, рассказал несколько профессиональных баек и перешел к краткому обзору будущего курса. Рассказывал он неплохо, может быть даже забавно, правда, лично мне немножко резала слух его привычка называть адептов «господами магами». Не люблю, когда ко мне относятся с этакой снисходительностью.

— На занятиях по бестиологии вы узнаете множество теоретических сведений и приобретете незаменимые практические навыки, — соловьем разливался Марцелл Руфин. — Вы узнаете, например, как можно победить василиска, каковы магические свойства перьев из хвоста птицы Рох, к какому отряду принадлежат легендарные Кон Аннон, Псы Преисподней...

— И к какому? — заинтересовалась я, вспомнив, как милые собачки грызли ствол вековой сосны, на которую предварительно меня загнали.

— К четнопалым, госпожа магичка, — ответил Марцелл, едва скользнув по мне взглядом. — У этих собак, в отличие от их одомашненных родственников, на конечностях имеется по четыре пальца.

Я заинтересовалась. Память услужливо подбросила картинку: пес, по-кошачьи дерущий лапами кору... на красновато-коричневой поверхности остается пять желтых полосок...

— Подождите, магистр Назон, но ведь когтей у них пять?..

Магистр споткнулся. Замер. Смерил меня куда как более пристальным взглядом.

И начал говорить.

Из того, что он мне объяснял, я с трудом разобрала половину. Выходя на молекулярный, субмолекулярный (убей боги, не знаю, что означает это слово!) и тонкомагический уровни, приводя в пример цитаты на эльфийском, гномьем и старолыкоморском языках, чертя на доске всевозможные графики и схемы, он пламенно объяснял мне что-то, в чем я не понимала ни мрыса. Слова, по отдельности вроде бы и понятные, складывались в совершенно невразумительные фразы; мозги мои завязывались в морской узел, но все-таки меня достало, чтобы понять: к ответу на поставленный мною вопрос магистр пока что не приблизился ни на пядь.

— Все это, бесспорно, весьма познавательно и интересно, — вежливо сказала я, когда поток красноречия наконец-то иссяк. — Но скажите мне, господин маг, — последняя фраза была призвана польстить честолюбию магистра, — с каких это пор пять — четное число?

Я всегда обладала пакостной, но ценной способностью называть вещи своими именами. Марцелл задохнулся новой порцией аргументов, Хельги толкнул меня локтем в ребро: эльф Келлайн, сидевший на две парты левее меня, одобрительно показал мне большой палец. По выразительной физиономии Перворожденного расплзлась довольная улыбка; гном же, сидевший с ним в паре, вообще откровенно ухмылялся в бороду.

Сомневаюсь, чтобы это укрылось от взгляда магистра. Но только лишь до меня дошло, сколь сильно я его подставила, как в коридоре прозвенел звонок. Страждущие знаний чада миглом ломанулись на волю; я подхватила сумку и совсем было уже собралась составить им компанию, как Марцелл наконец выдавил из себя полноценную фразу:

— Оставайтесь, адептка!

Вряд ли он приказал мне сделать это, собираясь похвалить за бестиологические познания. Понимая, что ничего хорошего мне не светит, я осталась — только тоскливо проводила глазами последнего адепта, выходявшего в коридор.

Несколько секунд бестиолог нервно мерил шагами кабинет. Я с опаской следила за ним: походило на то, что сейчас мне крупно (ну или не очень — хотелось бы так!) влетит. В принципе я даже догадывалась за что; вот только... ну неужели он не понял, что я сама меньше всего стремилась к такому эффекту?! Он же *магистр*, учитель — разве не ясно, что я всего лишь хотела уточнить, вовсе не ставя под сомнение его преподавательский авторитет?

«Нет», — обреченно поняла я, когда Марцелл резко остановился рядом со мной. Грозно глянул в глаза, беззастенчиво используя разницу в росте:

— Адептка Ясица, — голос у него был спокойный, а тон можно было бы назвать даже вежливым, но мне тем не менее внезапно захотелось отодвинуться подальше, — вам стоит задуматься над своим поведением. То, как вы вели себя на этом занятии, просто... просто непозволительно!.. Я в жизни не припомню такого нахальства... да вы вообще отдавали себе отчет, с кем разговариваете? Как вы посмели обратиться к магистру таким образом?

«Таким образом»? Я лихорадочно вспоминала, что именно сказала не так. Меньше всего я ждала, что меня обвинят в хамстве; честно сказать, особой воспитанностью я не отличалась — гм, я выросла не при царском дворе! — но и в особой невоспитанности тоже замечена не была. Тем более в первый же день, на лекции... магистр, за кого вы меня держите — за дуру или за самоубийцу?..

— А... а что я сказала не так?

— К преподавателям, к вашему сведению, надлежит обращаться «магистр» и добавлять фамилию, адептка. А не измышлять новые варианты и...

И тут до меня дошло. Он обиделся на то, что я назвала его «господин маг», — да, такого эффекта я уж точно не ожидала! Ошеломленная такой странной реакцией, я пропустила часть внушения мимо ушей; магистр же тем временем продолжал:

— Запомните, адептка, лучшим украшением для девушки является скромность!

Эта сентенция меня добила. Как частенько случалось и раньше, язык сработал вперед разума — за это меня, бывало, били, если, конечно, успевали поймать:

— Так это для девушки, магистр Назон, а мы ведь не на танцульках? Для вас я адептка, а лучшим украшением адепта лично я прежде считала любовь к знаниям. Спасибо, что указали мне, где именно я ошиблась! Да и, вы знаете, я не думала, что человека с высшим магическим образованием можно оскорбить обращением «господин маг»...

Нет, я не остановилась — у меня еще было что сказать, ибо когда это случалось так, чтобы у Яльги Ясицы вдруг закончились слова?! Просто магистру надоело стоять столбом, с открытым ртом вникая гласу рассудка (хочется верить, что я была похожа в тот момент на аллегория мудрости). Он вмешался, а я замолкла, запоздало вспомнив, где и с кем сейчас пререкаюсь.

— Не надо дерзить мне, адептка! Ступайте отсюда и подумайте над своим поведением! И еще поразмыслите над тем, что даже если коллега Рихтер и выказал к вам такое расположение, то это вовсе не означает, будто все прочие учителя мгновенно прониклись к вам ничем не обоснованной симпатией!..

«И это называется расположение?!» — озадаченно подумала я, вспомнив потенциально любимого декана.

Но спорить не стала. Уже напорилась на сегодня, верно?..

«Ох и настучит он на тебя Рихтеру!» — мрачно пророчествовал внутренний голос.

«День определенно удался», — хмуро подумала я, сидя у себя в комнате.

Смеркалось. На фоне синего неба отчетливо вырисовывался силуэт соседней башни — по словам Полин, это была Башня Изысканий, иначе называемая Астрономической, и венчал ее длинный Солнечный шпиль. Аккурат под шпилем имелась небольшая площадка, откуда адепты, изучающие астрономию, наблюдали за ходом светил.

После бестиологии мы, как и сговорились, встретились с Полин у входа в учебный корпус. Пронырливая алхимичка, уже успевшая все здесь изучить, отвела меня сперва в библиотеку, а потом в гардеробную комнату. И там и там делами заправляли гномы. Но библиотекарь не вставал ни в какое сравнение с завхозом — о, тот был поистине великолепен. Никогда в жизни я не встречала более гномского гнома — существа, наиболее полно и ярко воплощавшего в себе все свойства Подгорного Народа.

Маленький, сухой, с длиннющей седой бородой, которую он благоговейно перебрасывал через плечо, со сверкающими черными глазками и морщинистым лицом, гном, пожалуй, сумел бы вселить ужас и в более морально стойкого человека, чем я. Выдавать нам плащи просто так он отказался наотрез. Затребовав по своим каналам всю документацию, так или иначе компрометирующую нас с Полин (слава богам, пока что ее было мало — по крайней мере, на меня бдительный гном сумел нарыть только постановление о зачислении на боевой факультет, бесплатное отделение), завхоз тщательно исследовал ее на предмет порчи, подделки и каких-то других деяний, известных только гномам, и то, наверное, не всем. С некоторым разочарованием убедившись, что все в порядке, гном отложил бумаги, впился в нас глазами и приступил к инструктажу.

В общем, через полчаса я вывалилась из гардеробной, прижимая к сердцу свернутую в рулончик одежду. Гном-завхоз знал свое дело: мысль, что я могу ненароком порвать или испачкать святыню, повергала меня в благоговейный ужас. Теперь, зная, какие кары полагаются за умышленную и неумышленную порчу столь ценного для школы имущества, я уже не была уверена, что так сильно нуждаюсь в халявном плаще.

— Да ладно, не грузись, — махнула ладошкой Полин — свой плащ она тем не менее тоже несла очень бережно, следя, чтобы полы не волочились по грязным плитам. — Он всегда так... А знаешь, что было, когда кто-то из наших ненароком стул поломал?.. На общей магии? У-у, там такой ор стоял, что ажно Солнечный шпиль вздрагивал! «Телепортация — это, конечно, хорошо, но зачем стулья ломать?!» — очень удачно передразнила алхимичка старого гнома.

Из гардеробной донесся возмущенный вопль, и мы прибавили шаг, запоздало вспомнив, что гномы, как правило, отличаются очень хорошим слухом.

Итак, что мы за сегодня умудрились сделать?.. Подведем итог: побывали на трех лекциях, причем на одну опоздали, а на другой поругались с педагогом; получили учебники и форму; подклеили первое и подштопали второе (похоже, предыдущий владелец моего плаща не особенно серьезно отнесся к жутким и страшным карам, которыми нам грозил завхоз). Словом, день прожит не зря.

— Сиди-ишь? — скрипуче поинтересовались от двери. Я вскинула голову: из косяка выглядывало какое-то существо, определить которое одним словом лично у меня не получалось. Да и не одним, знаете ли, тоже. Цвет, объем, форма... оно было другое, вот и все. Из другого измерения.

Единственное, что поддавалось хоть какой-то характеристике, — это выражение морды. Было оно наглое, вредное и пакостное настолько, что я невольно поискала взглядом табурет. Такой физиономии кирпича будет определено мало.

— Сты-ыдно, да? — тем же нравоучительно-пакостным тоном продолжило существо. — Обхамили магистра, да, теперь вот мучаемся?

— Тебя не спросила! — буркнула я, поняв, что табуретки в комнате не имеется. Кровати же, не иначе как на всякий случай, были привинчены к полу шурупами.

Полин, сидевшая на соседней кровати, испуганно вжалась в стенку.

— А ты мне не хами, не хами! — обиделось существо. — Ишь ты, какие теперь адепки пошли!.. Я тебе не кто-нибудь, я почетная элементарь!.. Вот проживешь сколько я, будешь тогда хамить!.. Я ей дело говорю, а она тут еще выкаблучивается!

Значит, это наша элементарь... Смерив ее тяжелым взглядом, я отвернулась к стенке и накрылась подушкой. Да. Помнится, соседка по комнате меня предупреждала, что флуктуация нам досталась до ужаса скандальная...

«Прибавить к списку еще один пункт. Поругалась с элементарью...»

Визгливый голос флукуации еще некоторое время пробивался через тонкую подушку, но скоро он смолк. А может быть, это я просто адаптировалась к новым условиям существования?..

Спать, Яльга. Всем спать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

на протяжении которой героиня так или иначе утверждает, что человек ко всему способен приспособиться, а ежели к чему и неспособен, так для этого чего-то и хуже

Погода стояла просто замечательная. Небо, по-осеннему прозрачное, голубело сквозь эльфийское стекло; старая береза, росшая как раз перед окном, тихо шелестела ветвями. Солнце, просвечивающее сквозь листья, делало их похожими на тоненькие золотые пластинки. Вот один оторвался от ветки и медленно поплыл вниз...

Я проводила взглядом покачивающийся листок и вернулась мыслями в кабинет.

День сегодня был определенно исторический: второй парой у нас стояло практическое занятие по боевой магии, первое для нашего курса. Что ни говори, а теория уже успела всем основательно надоесть; тема магической экологии оказалась донельзя скучной, учили ее только потому, что история с Генри Ривендейлом не успела еще изгладиться из памяти. Практики ждали все, и я не была исключением.

Беда была только в том, что это историческое событие наложилось на другое, — и эффект, как частенько случается в такой ситуации, оказался весьма предсказуем. Как раз накануне один из семи наших вампиров отмечал двадцатилетний юбилей; вечером, понятно, мало кто интересовался конспектами, а утром и подавно было не до того. Мандрагоровая самогонка — в просторечии «мандрагон» — оказалась на удивление коварной: если вечером адепты еще удивлялись, почему этот напиток запрещен в большинстве цивилизованных государств (бормотуху пьют, спиритус пьют, а мандрагон им чем плох?!), то к утру вопросы отпали сами собой.

Если бы боевая магия стояла первой парой, то основам будущей профессии обучалось бы только двое — непьющая я да гордый Ривендейл, который, как выяснилось, в рот не брал жидкостей, на бутылке коих не нарисовано по меньшей мере пять звездочек. Думаю, перед действием мандрагорового спирта спасовал бы и Рихтеров авторитет: алхимия есть алхимия, против нее не попрешь. Но к третьему занятию пришли практически все — не было от силы двоих или троих.

Практикум у нас проходил в совершенно незнакомом мне кабинете. Это была просторная комната, в плане представлявшая собой идеальный квадрат; деревянный пол сплошь покрывали какие-то руны, а из мебели здесь имелась только небольшая грифельная доска. На нее мы все смотрели с большой надеждой, ибо там было написано заклинание, то самое, которое нам было должно отработать. Увы, доска не была расположена делиться практическими навыками. А без них любое заклятие есть не более чем набор звуков.

Парт, скамеек или хотя бы стульев в кабинете не водилось. Мы столпились у дальней стены; Ривендейл, стоявший недалеко от меня, пробормотал что-то касательно цивилизованности и приличных стран, но я не особенно прислушивалась. Гораздо больше меня волновали собственные познания. Получить двойку на практикуме, конечно, плохо, но дело было не только в этом. Даже теоретических занятий с Рихтером мне хватило, чтобы понять: большим человеко-, эльфо- или вампиролюбием тот не отличается, и защищаться сейчас нам придется всерьез. Очень даже всерьез. Сомневаюсь, чтобы магистр применил против нас что-нибудь убивательное, но дураку понятно, что чара будет опасная.

Так, или примерно так, я рассуждала про себя, пока Рихтер кратко излагал суть сегодняшнего занятия. Эгмонт — это вам не Ривендейл; к нему я прислушивалась,

закономерно опасаясь какой-нибудь пакости.

— Заклинание Щита, которое, бесспорно, вы уже успели отработать, защищает от магических воздействий любой направленности до третьего уровня включительно. До третьего — это если техника соблюдена до мелочей; я не жду от вас такого совершенства и потому применю атакующее заклинание второго уровня, достаточно слабое, чтобы вы сумели его отразить. Занятие будет проходить следующим образом. Адепт встанет у дальней черты. — Рихтер указал рукой в сторону левой стены: на полу метрах в шести от нее и впрямь обнаружилась широкая темная линия. — Я встану в двадцати шагах, у другой черты. На счет «три» я применю заклятие, адепт же попытается его отразить. На случай если попытка окажется неудачной, стена заранее смягчена. Надеюсь, травм не будет.

— Я тоже на это надеюсь, — пробормотал себе под нос Хельги — вампир был бледный, аж с прозеленью, а на щеке у него отчетливо виднелись пять длинных царапин. Во вчерашней пирушке он не участвовал: у вампира была большая любовь — алхимичка Ликки де Моран, с которой он и провел весь вечер. Судя по производственной травме, весьма бурно.

— Ничего, — хмуро шепнул в ответ случившийся рядом Келефин. — Медпункт близко, если что — поползешь.

Хельги покосился на болтливого эльфа так, что сообразительный Перворожденный быстренько смылся подальше, счастливо избежав необходимости ползти до медкабинета самому. Причем не дожидаясь Эгмонтовых чар, прямо сейчас.

— Ну что... — Рихтер пересек кабинет, остановившись у второй указанной им черты. — Добровольцы есть?

Добровольцев, естественно, не нашлось. Народ, и без того стоявший довольно плотно, начал сбиваться еще плотнее. Передние попытались прошмыгнуть назад; но задние, сообразив, что их в таком случае ждет, сомкнули ряды и устояли.

— Студент Ульгрем, — приказал Эгмонт, так и не дождавшись появления добровольца, — вперед и с песней.

Я скрестила пальцы, вампир благодарно кивнул и неохотно подошел к своей черте. На лице его читалась сложная смесь эмоций; впрочем, какой бы сложной она ни была, я запросто бы выразила ее четырьмя словами: «Мрыс эт веллер келленгарм!» Хельги определенно проклинал сейчас Эгмонта, юбиляра, мандрагон, себя и весь прочий мир разом.

— Готовы? — спокойно спросил Рихтер. — Раз. Два...

— Три! — едва ли не хором выдохнула вся группа. — Хельги, давай!..

Увы, вампир не внял нашим мольбам. Хельги даже не успел сложить пальцы в правильный жест — заклинание Рихтера запросто смело его с ног и впечатало в спружинившую стену. Все произошло гораздо быстрее, чем я могла бы предположить.

— Как хорошо вы отработали заклинание, студент Ульгрем, — холодно сказал Эгмонт, наблюдая, как растрепанный Хельги поднимается на ноги. — Не подскажите, сколько времени вы над ним работали? Два часа? Или, может быть, четыре?

Вампир хмуро промолчал.

— Вы, вероятно, были заняты? — с той же холодной вежливостью продолжил Рихтер. — Чем-то высоконаучным, не правда ли?..

— Я...

— Не надо оправдываться, — перебил его магистр. — И лгать тоже не надо. Я отлично понимаю, студент Ульгрем, что общество студентки де Моран вам гораздо приятнее моего. О конспектах и домашней работе тем более умолчим. Даже такой монстр, как я, не в силах помешать столь светлым чувствам. Мне остается только склониться перед ними — и всячески им способствовать. По мере скромных сил. Напомните, на каком факультете учится студентка де Моран? На алхимическом? Я в два счета устрою вам перевод туда же. Вы сможете видеть друг друга едва ли не круглые сутки, а боевую магию можно будет и вовсе не учить...

Вампир в панике замотал головой. Как и я, он ничуть не сомневался, что Рихтер

запросто может исполнить обещанное. Даром что у алхимичек Хельги ждал бешеный успех, подобный исход дела почему-то совсем его не прельщал.

— Свободны, студент Ульгрем. — Рихтер скользнул по кучке адептов оценивающим взглядом. — Как я понимаю, добровольцев нет и теперь?.. Ладно. Студент Вигтрам!

Вампир-юбилар, слегка позеленев, покорно шагнул вперед. Следующие пятнадцать минут зрелище было до обидного однообразным.

Я не ошиблась: ни один адепт из нашей группы не отрабатывал вчера этого клятого заклинания. Результат, естественно, получался весьма предсказуемый: отразить заклятие Эгмонта так никто и не сумел. Стенка, в которую впечаталось уже штук восемь адептов, приобрела отчетливо вогнутую форму.

Рихтер медленно зверел. В принципе я неплохо понимала магистра, ибо вряд ли его порадовало столь редкое единодушие. Зная же характер любимого наставника, я догадывалась, что кончится все это плохо.

Что же, я не ошиблась и на этот раз.

— Что-то я не понимаю, — вкрадчиво сказал Эгмонт, когда очередная жертва, оказавшаяся Куругормом, отлипла от стены. — Вам было дано домашнее задание?

— Было, — хрипло согласился эльф, пытаясь привести в порядок изрядно разметающуюся прическу.

— Ах все-таки было?.. А то я, знаете, даже слегка засомневался. Вы вообще кто, боевые маги или алхимички? У вас что, тьму на простейшее заклинание не достало? Или просто это никому не надо и домашние задания можно не учить?

Группа откликнулась слитным неразборчивым гудением.

— Замеча-ательно, — протянул магистр. В его голосе послышались новые нотки; народ, даром что и не учил еще телепатию, отлично понял, чем это чревато. Мы сбились еще плотнее, и я, оказавшись в первом ряду, затосковала. — И что мне с вами прикажете делать? Может быть, не мучиться особенно, а? Отчислить всех и сразу, без диплома?

— Мы учили! — не слишком-то уместно брякнул Хельги. Оглядевшись в поисках поддержки и не обнаружив таковой, он толкнул меня локтем в ребро. — Просто... ну...

— Учили, — без особенного желания поддержала вампира я. — Было дело.

— Вот как? — прищурился Рихтер. — В таком случае, студентка Ясица, вы не откажетесь продемонстрировать, что именно вы учили?

Мрыс эт веллер келленгарм! Я запоздало попыталась ввинтиться в толпу, но ничего не вышло. Адепты, сообразившие, что отыграются не на них, сомкнули ряды, словно гномы, защищающие святыню клана.

Ладно. Сама напросилась. Я пошла вперед, хмуро рассматривая руны на полу. До черты было около десяти шагов; этого времени мне достало, чтобы собрать себя в некоторое подобие кулака.

Так. Что у нас с заклинанием? Текст записан на доске; по-эльфийски я понимаю с пятого на десятое, но транскрипцию рун приблизительно знаю. Знать бы жест... а по-хорошему, так еще и состояние мыслей, то, как мне должно чувствовать себя в момент отражения удара...

Надо было вчера порепетировать, Яльга, ох как все-таки надо!.. Боги, тихонечко взмолилась я, честное благородное, с этого дня все домашние задания учить стану в срок! И к практикумам готовиться буду аж за две недели! Только бы сейчас все обошлось...

Черта оказалась гораздо ближе, чем хотелось бы лично мне. Я встала за нею, подпернула рукава. Покосилась на доску, на всякий случай повторяя про себя транскрипцию.

— Готовы? — осведомился Рихтер, которому, видно, уже надоело ждать столь тормозную адептку.

Я поискала в голове слова, не нашла и ограничилась нервным кивком, и в тот же момент Эгмонт сделал резкое движение кистью, будто стряхивая с нее воду. На меня метнулось что-то серое и прозрачное; защитным жестом вздернув руки к лицу, я выкрикнула заклинание.

В следующий момент меня отбросило назад, тугая тяжесть ударила в лицо так, что перед глазами точно взорвался маленький фейерверк. Я упала на пол, больно ударившись локтями. Полежав так несколько секунд, перевернулась на живот и потрясла головой. Носу мигом сделалось тепло и мокро; спохватившись, я торопливо зажала кровоточащий орган двумя пальцами.

— Нос цел? — деловито спросил кто-то из вампиров.

— Мг'ыс эт веллег'! — невнятно ответила я, пытаюсь выяснить ответ на заданный вопрос.

Подошел Рихтер. Я мрачно посмотрела на него снизу вверх; если это называется «техника безопасности», честное слово, значит, меня зовут Шэнди Дэнн!

— Это уже хоть на что-то похоже, — констатировал магистр. С легким недоумением я расслышала в его голосе некоторый оттенок одобрения. Проморгавшись, я как раз успела заметить, как Эгмонт щелкает пальцами, мгновенно унимая мое мини-кровотечение. — Готов поверить, что вы, студентка Ясица, что-то вчера все-таки читали. Обратите внимание, Щит был поднят слишком высоко, поэтому вся сила удара пришлась на лицо. — Магистр протянул мне руку; после некоторого колебания я все-таки ею воспользовалась. — Ну что, следующий?..

— А можно еще г'аз? — в нос спросила я. Теперь мы с Рихтером стояли лицом к лицу; вблизи он был не такой страшный, как это представлялось издали. Ростом, по крайней мере, и впрямь не вышел — выше меня от силы на несколько сантиметров. Да и физиономия не такая уж вредная — скорее слегка удивленная.

— Еще раз? — приподнял бровь Эгмонт. — Зачем вам это, студентка?

На его интерес мне было, мягко выражаясь, начхать. Только что я обнаружила, что выпачкала кровью единственную рубашку, и теперь была крайне недовольна жизнью.

— Так можно или нет?

Пауза. Заинтригованные адепты, кажется, даже перестали дышать.

— Ладно, студентка Ясица. Вставайте в позицию.

...В общей сложности я отработывала это заклинание пять раз. Все были довольны: адепты смогли спокойно вздохнуть, не боясь, что следующим этапом пойдет избивание младенцев с ними в главных ролях, Рихтеру пришлось по душе такое учебное рвение, а я... А что я? Где бы еще я смогла потренироваться с магом такого уровня?

На пятый раз я даже не пошатнулась, когда заклинание скользнуло по прозрачной поверхности моего Щита. Жест оказался простым, как три серебрушки, образ мыслей — тоже; фишка здесь была в том, чтобы представить перед собой максимально прочную стенку. Вообще-то по канону предлагалось представлять именно щит — не зря же заклинание называлось Щитом! — но мы с каноном определенно разошлись во мнениях. Виной всему было мое богатое воображение: в момент удара мне отчетливо представлялось, как щит выворачивается у меня из руки, попутно вывихивая мне кисть.

Но на этот раз...

— Х-ха! — невольно вырвалось у меня. Улыбка невольно расплзалась по лицу; кажется, вот сейчас я и впрямь выполнила все правильно, абсолютно так, как это и нужно было делать.

Эгмонт несколько раз хлопнул ладонью об ладонь. Типа поаплодировал... ну-ну. Я и без него знала, что у меня получилось здорово.

— Отлично, — будто прочтя эту мысль, подвел итог магистр. — Будем считать, студентка Ясица, что на этот раз вам все сошло с рук, но в последующем, я надеюсь, вы станете отработывать домашние задания дома, а не в классе. Студент аунд Дарру, ваша очередь!..

— А может, еще одна попытка? — с надеждой предположил Келефин. — Может, Яльга еще не до конца поняла, а?

— Возможно, — не стал спорить Рихтер. — Это вы проверите сами, на следующем практикуме. Ну, студент аунд Дарру?.. Студентка Ясица, вы абсолютно свободны!

Я поспешила занять прежнее место рядом с вампиром.

— Когда ты ухитрилась отработать заклинания? — удивленно спросил Хельги, едва наша кучка вывалилась в коридор. — Ночью, что ли?

Я выразительно покрутила пальцем у виска:

— Да я их вообще не учила!

Вампир недоверчиво фыркнул.

— Ага, а я — Великий ковенский Магистр!

— Слушай, ты, — разозлилась я, для верности ткнув Хельги пальцем в грудь. — Когда бы я их, по-твоему, учила? Я вчера со всеми на юбилее была!

— Вот я и спрашиваю, — не отступился Хельги. — Когда?

Поняв, что медицина здесь бессильна, я обогнула вампира и направилась дальше по коридору. Впереди, в двух поворотах, нас ждал кабинет Фенгиаруленгеддира, точнее, обещанная гномом лабораторная работа по общим чарам.

— Яльга! — Вампир нагнал меня, пошел рядом. — Ну ладно, не хочешь — не говори! Но ты крутая, я даже не думал!.. Нет, честно...

— Крутая, — на ходу кивнула я. — Как вареное яйцо... или даже круче? А? Ты как считаешь?

— Не ехидничай! — взъерошился вампир. — Я ее тут нахваливаю, а она!.. Лабораторную-то поможешь написать?

Я пожала плечами и глянула на вампира снизу вверх.

— Да куда ж я денусь?

Лабораторная была не особенно и сложная. Я написала ее быстро, минут за двадцать, но гном не был бы гномом, если бы позволил своей адептке просидеть хотя бы секунду без дела. Мне немедленно вручили учебник, велел открыть его на странице восемнадцать и читать параграф про телекинетические чары.

Их нам задали и на дом. Учитывая, что общая магия ждала нас уже завтра, отрабатывать телекинез нужно было сегодня после занятий; вспомнив практикум по боевой магии, я поняла, что на этот раз выучу все до последней руны.

А то кто его знает?..

До комнаты я добрела, что называется, на честном слове и на одном крыле. Голова болела, ноги подкашивались, в горле першило, в желудке громко урчало — короче, полный комплект. В комнате меня не ждало ничего хорошего: только домашнее задание Фенгиаруленгеддира, отработка навыков практического телекинеза. Если бы к навыкам добавился, ну, скажем, бутерброд, я, быть может, шла бы с несколько большим энтузиазмом. Но еды в комнате не имелось — Полин, вчера окончившая недельное сидение на очередной диете, отметила это радостное событие маленьким кутежом. Сегодня же алхимичка с подружками умчалась в город — сразу после лекций они отправились по магазинам. Еще бы. В этом и была, цитируя бестиолога, великая сермяжная правда: что еще утешит нежную женскую душу, как не новая юбка, с треском, но все-таки застегнувшаяся на похудевшей талии? Особенно если юбку приглядели заранее и раньше она вовсе отказывалась сходиться?

Мне новая юбка не грозила — стипендию выдавали в конце семестра, а до него еще было как пешком до Аль-Буяна. От голодной смерти меня спасала родная столовая — еда там, хвала Богам, была абсолютно бесплатная. После первой же дегустации я поняла, в чем здесь вся экономическая соль. Походило на то, будто таким путем администрация Академии избавлялась от нищих студентов, не способных питаться в платных трактирах. Даже мой желудок, не шибко-то избалованный деликатесами, сопротивлялся тому, чтобы в него запихивали вот *это*. В принципе я неплохо его понимала.

Ушлые братья аунд Лиррен (столовая для них была прибежищем на крайний случай, таким запасным доком — когда присланное родителями золото приходило к закономерному концу, близнецы были вынуждены окапываться здесь) даже сочинили о столовой свой маленький гимн. Целиком я его не помнила, но кое-что все-таки удержалось в измученной некромантией и алхимией памяти. Были там примерно вот такие строки:

Сидел адепт в столовой,
Не сытый, не голодный.
Сидел адепт в столовой,
Жевал и думал так:
Котлета есть котлета,
Так что же все же это?
По виду — хлеб плюс мясо,
По вкусу же — башмак.
Опять погнулась вилка
О прочный тот предмет,
Но черствой коркой хлеба
Я зубы отточил.
Опять погнулась вилка,
И целиком котлету
В один прием привычно
Я разом проглотил.
На миг разжался сфинктер,
И стукнулась котлета
О прочный мой желудок —
Окаменевший мой.
Что делать, нет ведь выбора,
Приходится есть это.
Съедобное съем вечером,
Когда вернусь домой...

Как все эльфы, братья отличались некоторыми способностями к литературе. Этот гимн давно уже ходил по школе, его переписывали от руки и заучивали наизусть, а кое-кто, говорят, даже предлагал выбить его на дверях столовой. Директор, прочитав предложенный экземпляр, возмутился, но как-то вяло — так что гимн-таки вырезали, только без высочайшей санкции, перочинным ножиком. В итоге дверь заменили, заодно вселив туда элементарь.

Маленький исторический экскурс вкупе с народным эльфийским творчеством слегка отвлек меня от собственных страданий. Я немножко приободрилась, но в этот момент в животе булькнуло с особенным трагизмом, а в конце коридора замаячила знакомая дверь с медной цифрой девять и до блеска истертой ручкой. Настроение заново рухнуло под плинтус.

За дверью меня ожидала невеселая перспектива. Полтора часа непрерывной отработки чар — а телекинез мне дается с большим трудом, — так что уже через пять минут вся обстановка в комнате будет находиться в классическом состоянии «вверх дном». Еще через три минуты в стену застучат соседки, испуганные грохотом, звоном и непрерывным цитированием избранных мест из Большого академического словаря гномьей лексики и лингвистики. А потом, к ночи, придет Полин, которая вчера проводила в комнате уборку, — шума разом станет на порядок больше, в скандал с удовольствием включится наша элементарь... словом, все, вечер удался. И что самое главное, мрыс мне удастся потренироваться в другом месте — магзал давно уже оккупировали старшекурсники, а личной лаборатории, как у магистров, у меня все равно еще нет. Можно, конечно, выйти во двор, но все преимущество такого хода будет в том, что меня убьют всю сразу, а не по кусочкам. Гном-завхоз ревностно оберегал пришкольные территории, подчас изгоняя с них даже учителей.

Дверь я распахнула одним толчком — хотелось пинком, но элементарь нам досталась уж больно стервозная. Связываться с ней мне не хотелось: и без того настроение было

паршивое, зачем опускать его еще ниже?

Внутри было ожидаемо тоскливо. На столе Драконьим Хребтом возвышались учебники и тетради; на самом верху, возложенный на миниатюрное «Карманное пособие телепата», величественно покачивался трехкилограммовый фолиант «История лыкоморского чародейства». Из продуктов в комнате имелся графин с водой, стоявший на подоконнике. «Видно, остывает», — мрачно подумала я, прикладываясь к горлышку. Вода была горьковатая, вдобавок в ней плавали какие-то крошки и пылинки.

Ладно, приступим. Порывшись в гряде книг, я вытащила потрепанные «Основы магии». Так. Раздел первый, «Физические перемещения в пространстве». Глава вторая, «Телекинез».

Я села на кровать, заложив нужную страницу пальцем. Голова болела не переставая; больше всего мне сейчас хотелось лечь, свернувшись в комочек, и положить на лоб что-нибудь холодное. Мрыса с два. Надо готовить этот клятый телекинез...

Так, что бы нам такое слевитировать? Графин нельзя, он стеклянный... подушку тоже нельзя, она слишком легкая... О, а слевитируем-ка мы собственный сапог!..

Я быстренько разулась, установила правый (или левый, каждый сапог попеременно служил то тем, то другим) на середину коврика. Размяла пальцы, вчиталась в текст заклинания.

«Ладони, пластичные и гибкие, подобны листьям, колеблемым ветром»...

Выругавшись на авторов за излишнюю метафоричность, я устала кончики пальцев на сапог и с выражением прочла начальную формулу.

Голенище слабо дернулось, потом перекинулось на другой бок. Я властно повела ладонью; сапог оставался неподвижен, что, впрочем, и к лучшему, ибо, повинуйся он моему мановению, у нас мигом не стало бы целого стекла. Зато появилась бы маленькая кучка осколков.

Ну-ка, чего тут у нас неправильно? Пробормотав под нос заклинание отмены предыдущей задачи (элементарная чара, три руны: «Кон», «Аль» и «Дель»), я вперилась хищным оком в текст формулы. Ага, вот здесь я, кажется, допустила ошибку... ну-ка, а если вот так?

Я повторила формулу, изменив ударение в последнем слове. Сапог оставался недвижим; снова выругавшись, я вспомнила про ладони, размяла их еще раз и, честно стараясь представить себя деревом, мягко взмахнула пальцами.

О чудо! Обувка, перевернувшись каблуком вверх, взлетела в воздух; голенище уныло болталось, точно пиратский флаг в полный штиль. Воодушевившись, я симметрично изогнула пальцы, стараясь выровнять сапог в пространстве. Нечего ему плавать подошвой вверх.

Вместо того чтобы переворачиваться, сапог дернулся и взмыл под потолок. Недовольно фыркнув, я повторила движение — на этот раз куда более резко.

Сапог, не будь дурак, повторил мой жест, со всей дури вмазавшись грязной подошвой аккурат в самую серединку двери.

Оттуда немедленно высунулась недреманная элементарь.

— Ты, знахарка деревенская! — рывкнула она так, что сапог отнесло в сторону звуковой волной. — У тебя руки откуда растут, недотепа ты рыжая?! Послали боги наказание, у всех люди как люди, эльфы как эльфы, у меня одной сие недоразумение бежит! Читать сперва научись, а после уже и колдуй! А то опосля таких вот гениев Академию по камушку собирать приходится!..

Мр-рыс дерр гас!.. Отвлекишись на скандальную флуктуацию, я забыла о чарах; они отреагировали весьма соответственно, и грязный сапог, утратив летучесть, приземлился точнехонько на мою подушку, оставив там красивый отпечаток. Элементарь тем временам продолжала излучать праведное негодование; ее скрипучий голос ввинчивался мне в голову,

точно качественное сверло. Я зажала уши руками, но это не помогло. Даже с плотно заткнутыми ушами я отлично слышала каждое слово.

— Глаза б мои на тебя не смотрели! — разорялась элементарь.

— Ах не смотрели бы?! — не выдержала я. Формула сама встала перед моими глазами; я произнесла ее без единой запинки, сразу же после последнего звука мягко взмахнув ладонями.

Дверь вырвало из петель, изогнуло по диагонали. Протестующий вопль элементарии слился с предупреждающим треском древесины; сообразив, я добавила в формулу еще несколько слов, придающих материалам пластичность. Ну-ка, ты у меня сейчас попрыгаешь! В прямом и переносном смыслах... Ага, еще вот так! И вот так! И с прискоком, и на месте, и двумя углами вместе!.. А морским узлом тебя еще ни разу не завязывали?! Я тебе щас обеспечу такой вот опыт — чтобы было о чем потомкам рассказывать!..

Дверь вертелась, словно веретено у умелой хозяйки, как бешеная, сливаясь в единый кокон, перепоясанный блестящим ободком (кажется, это была медная ручка). Элементарь уже не вопила, только тихонечко подвывала, но я не обращала на это никакого внимания. Так. Кисти у меня жестковаты, движения слишком резкие... попробуем понежнее, поаккуратнее...

Триста шестьдесят градусов сорок четыре секунды. Ага. А теперь еще две секундочки. Нет, не три, а только две!.. Ага, вот так, теперь уже лучше...

Обеими руками я точно оттолкнула от себя некую невидимую тяжесть — дверь вынесло в коридор, где было больше простора для маневра. Я ощущала себя девчонкой, гонящей по ручью кораблик из сосновой коры; дверь летала туда-сюда, так, что Афилогет (видела я, кстати, и его — ничего впечатляющего, так, белая мокрая летающая тряпка) обзавидовался бы. Пару раз ее впечатывало в стену, но штукатурка покамест не сыпалась, так что все было в порядке.

— Отпусти, хозяйка, — наконец взмолилась флуктуация. — У меня голова кружится, щас вовсе отвалится...

— А у меня завтра практикум по общей магии!

— Хозяйка, все сделаю! — Дверь вышла на бреющий полет, оттого голос элементарии сорвался на визг: — Только отпусти-и меня-а!

— Эт-то еще зачем? — удивилась я, перебирая пальчиками. Дверь завернулась в мертвую петлю, совершила серию бочек. Изогнулась, избегая ближайшего знакомства с окном. — Мне тренироваться надо, сама же говорила: мол, я неумелая...

— Умелая-умелая, хоть сейчас тебя в магистры бери! — Элементарь не рисковала высовываться наружу, поэтому голос ее звучал несколько глухо. — Хозяйка, дура я у тебя, что ж поделаешь? Ну смиловись, не то у вас дверь щас без охраны останется!

— Нужна нам такая охрана!

— Я на курсы слетаю! По дополнительной профессиональной подготовке!

— Вот еще, деньги на тебя тратить! Тут самим жрать нечего, а она...

— Покушать принесу! — клюнула на удочку элементарь. — Вкусенького! У меня в печной дверце родственники живут, курочку горяченькую прямо с противня для тебя снимут!

Я немножко сбавила темп вращения.

— Ага, недожаренную?

— Что ты! — Элементарь, прочувствовав перспективы, решила закрепить достигнутый успех. — Самое лучшее, самое свежее... только для вас, королевна!

«Свихнулась», — озабоченно подумала я. Мрыс с ним, с титулованием, но на «вы», говорят, элементарь называла исключительно нашего Рихтера, да и то, наверное, после личного знакомства.

— Книжки принесу — из библиотеки! Скелеты из кабинета бестиологии! Шмотки из театрального кружка-а-а! Все для вас, госпожа хозяйка, только отпусти-ите меня! У меня голова кружится, я вообще инвалид умственно-охранительного труда!

— Ты мне сейчас всего наобещаешь, а потом у тебя даже уголька не выцарапаешь!

— Мамой клянусь! — искренне выдохнула флуктуация. — Пусть у меня косяк перекосит, если сойду!

— Перекосит, не сомневайся, — пообещала я, опуская руки. Дверь медленно подплыла к проему и аккуратно встроилась обратно. — За мной не заржавеет. И не только косяк, но и засов, и дверное полотно, а ручку и вовсе с мясом выдерну!

Судя по обреченному полустону-полувздоху, флуктуация ничуть не усомнилась в моих палаческих способностях.

Словом, когда ближе к десяти часам в комнату влетела довольная Полин, прижимавшая к себе огромную раскрашенную сумку, внутри установилась полная и всеобъемлющая гармония. Тетрадь с записью самых интересных левитационных ходов лежала у меня в сумке (туда элементаль косилась с большой боязнью), учебник общей магии занял привычное нижнее место в завалах на столе, а я, сидя на подоконнике, с аппетитом поедала куриную ногу. Остальная курица, уложенная на тарелку и поставленная рядом, источала в атмосферу необыкновенно притягательные запахи.

От удивления алхимичка выпустила из рук сумку. Та мягко плюхнулась на пол, и наружу немедленно вывалилась какая-то пестрая тряпочка.

— Яльга, это что такое?

— Боевая добыча, — невнятно ответила я, алчно вгрызаясь в курицу. Желудок, впервые за долгое время получивший нормальную порцию еды, заткнулся и не бурчал — не иначе как от удивления. — В смысле законный трофей.

— Ты что, гнома обокрала? — ахнула алхимичка.

Я задумалась. А то я знаю, кто именно стоял тогда у печки! Может, это и гном был, почему нет?

Полин помялась, с не меньшей жадностью поглядывая на птицу.

— А... а мне можно? — наконец решилась она.

Я великодушно кивнула.

— Может быть, перчику, хозяйка? — заискивающе спросила элементаль. Подперев щеку ладонью, она с умилением наблюдала, как я методично расправляюсь с окорочком.

От такого Полин едва не выронила уже наполовину отломанное крылышко.

— Хозяйка?!

— Хозяйка, хозяйка. — Я покрутила в жирных пальцах обглоданную кость, прикидывая, осталось ли во мне еще немножко места. Выходило, что осталось. — А чего такого? У всех есть хозяева, вот и у нее теперь появился... в смысле появилась. Нет, перцу не надо, оно и так неплохо.

— Не позавидуешь ей, — хмыкнула соседка. — С тобой жить трудно, меня, того и гляди, в герои запишут. А уж повиноваться... у-у...

Я пропустила подкол мимо ушей, аккуратно слевитировав кость в мусорное ведро. Глядя на идеально ровную траекторию полета, элементаль дрожала и до половины вжималась в дверное полотно.

Я закрыла глаза подтянула ноги к подбородку. В желудке мирно урчала съеденная курятина (враги обойдутся, еще их такой вкуснятиной кормить), голова уже не болела, уроки на завтра были сделаны. Из щели, правда, изрядно дуло, но даже это не могло испортить неожиданно хорошего настроения. Мир сделался уверенным, стабильным и прочным; иное в нем прогнозировалось, иное становилось сюрпризом, но большую часть я все-таки могла изменять. По собственному желанию... в конце концов, что проку в профессии мага, как не этот дар менять реальность, приспособливая ее под свои нужды?..

— Ой, Яльга, я ж тебе юбку еще не показала!

Судя по звуку, Полин метнулась к расprostертой по полу сумке. Я только плотнее закрыла глаза, оперлась спиной о деревянную раму.

Вот теперь все окончательно сделалось правильным и привычным. Откинувшись к стене, я вспомнила каждый этап дня: лекцию по некромантии, практикум по боевой магии,

лабораторную работу у Фенгиаруленгеддира... наезд элементарии, отработку «практических навыков», изумительно вкусную курицу...

Да, с удовольствием подумала я. Есть в жизни счастье.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

наглядно иллюстрирующая принцип: «Кто не работает, тот не ест!»

Поймал мышку — ешь не спеши!

Надпись в студенческой столовой

К концу рюеня месяца я поняла, что не стоит ждать от природы милостей, а от столовой — нормальной еды.

Маленькое предисловие: элементария, не иначе как напуганная элементами высшего пилотажа, честно выполняла все поставленные условия. Как то: мне не хамила, дверь открывала и закрывала на редкость исправно, а когда к нам как-то попытался вломиться голем, упущенный, как выяснилось позже, кем-то из аспирантов, она шепотом рассказала ему про меня такое, что беднягу как ветром сдуло. Ураганным, ибо нашли его потом на чердаке противоположного корпуса.

Но вот с едой вышел напряг. Видно, родственникам в печной дверце не пришлось по сердцу периодическое похищение еды прямо из печки. Как-то раз, отправившись за добычей, элементария вернулась ободранная, с астральным синяком под астральным глазом и, разумеется, с пустыми руками. Утешать ее пришлось мне же: я занималась этим весь вечер, а под конец флуктуация, светясь от гордости, сообщила, что так и не выдала, кому конкретно она таскала продукты. Я, признаться, не поверила — но, судя по тому что разбираться так и не пришли, элементария не лгала.

От идеи поговорить с другими родственниками, в дверце погреба, я все-таки отказалась. Хотя, надо признать, соблазн и был велик. Но если мне повезло однажды, вовсе не означает, что станет везти и впредь: не знаю, какие наказания полагаются адептам за кражу еды, но проверять на собственной шкуре мне не хотелось.

Да и вообще, халява — она халява и есть. Благодарю судьбу за то, что она тебе ее послала, — а когда ручеек удачи иссякнет, не вздумай роптать и требовать продолжения банкета. А то в следующий раз и того не обломится.

Словом, я вздохнула и перешла на столовскую, совершенно неудобоваримую еду.

Нет, в привередливости меня не упрекнул бы и самый предвзятый критик, но вся беда была в том, что тамошняя еда ощущалась в организме только те четыре минуты, которые требовались мне на то, чтобы прожевать и проглотить халявную снедь. Все. До желудка съеденное не долетало, не иначе как растворяясь прямо в полете.

Магия же требовала сил. Требовала энергии, которой в свою очередь необходимо было откуда-то браться; особенно худо было по вторникам, когда у нас было несколько практических занятий в день. С последнего я тащилась вообще никакая, выжатая, точно лимон после близкого знакомства с любителями кисленького. Первый закон магии — да и не только — в принципе ее: «Все откуда-нибудь да берется». На некромантии, впрочем, эту аксиому формулировали немножко по-другому, и лично у меня от этой формулировки по спине всякий раз пробегали целые стада предупреждающих мурашек. «Лишь ничто возьмется из ниоткуда». Да...

Да ладно, мрыс с ней, с некромантией!.. Главное, что энергии тоже необходимо откуда-нибудь браться. Я же... я же ходила вечно голодная, как Полин на третий день диеты, стараясь не особенно провожать глазами чужие монетки и продукты.

Мрыс эт веллер келленгарм, обозлилась я, в очередной раз отработывая заклинания на пустой — и громко об этом оповещающий! — желудок. Да что проку в том, чтобы учиться на колдунью, если я не могу себе даже приличной еды раздобыть, а?! Должна же в мире быть хоть какая-то справедливость... а если ее и нет, сейчас появится!..

Так. Подумаем хорошенько — что мы умеем делать лучше всего? Пока что вершиной нашего магического таланта остаются иллюзии — дело пускай и старое, но знакомое и любимое. А если в иллюзиях нуждался трактир на том позабытом богами полустанке — неужто здешние корчмари так не любят грамотную рекламу?.. Надо просто поискать, вот и все. Кто ищет, тот всегда находит; если Яльга Ясица поставила перед собой цель, то всему, находящемуся между нею и целью, дешевле сразу же отойти в сторону. А лучше отпрыгнуть и закопаться куда-нибудь поглубже.

И я пошла искать будущее место подработки.

...Я всегда знала, что отличаюсь повышенной наглостью при полном отсутствии совести. Вообще-то, как меня просветили позже, прерогатива искать себе оплачиваемую подработку испокон веку принадлежала старшим курсам — столица еще не знала столь нахальных девиц, которые, не проучившись и месяца, уже начинают гнуть пальцы и тянутся загребущими ручонками к золотым, серебряным, медным — нужное подчеркнуть.

Узнай я это раньше, может быть, никакой подработки бы и не случилось. Нет, вряд ли бы во мне проснулась маленькая затюканная совесть — просто я бы побоялась конкуренции, ведь тягаться со старшекурсниками мне и в самом деле не по плечу.

Хотя... это если старшекурсники будут с моего факультета. Потому как, хоть мои достижения в боевых чарах ограничивались пока что тремя атакующими заклинаниями плюс одним защитным, все они выходили на редкость убойными. Лично я себе напоминала тяжелую катапульту: мрыс ее поставишь так, чтобы ядро попало прямо в цель (меткостью я, увы, не отличалась), но если оно хоть куда-то попадет... «Сымай порты, ховайся в бульбу», — как говорят в таких случаях товарищи из дружественной Хохландии.

Так что это еще вопрос, кто кого должен бы бояться...

При всем своем нахальстве я понимала, что в особенно хорошую корчму меня никто не возьмет. Редкому преуспевающему корчмарю захочется проблем с законом — а таковой отнюдь не поощрял приема на службу адептов, не закончивших образование и не получивших еще ковенского сертификата. Закон же — спасибо батюшке царю! — в Лыкоморье хоть не любили, но уважали: мало полагаясь на честь и совесть подданных, он имел в арсенале множество способов испортить нарушителю жизнь. Одна гибкая система штрафов чего стоит!..

Полагаясь на личный опыт, здравый смысл и дарованное богами везение, я прочесала весь город — от Южных ворот до Северных — и потом еще раз в другую сторону. Разумеется, большая часть моего внимания пришлась не на главные улицы. Тот трактир, судьба которого была уже мною предрешена, находился не на широком проспекте. Но и в откровенных трущобах мне делать нечего — я, конечно, боевой маг и все такое, но если я успею дочитать заклинание, то отскребать от стены придется незадачливого криминального элемента, а если не успею — то скорее уж меня.

Кстати, форменный черный плащ с нашитой эмблемой — синий цветок, доверчиво распахнувший лепестки, — творил чудеса. За три дня, потребовавшиеся мне для осмотра территории, ко мне ни разу никто не пристал. То ли все хорошо разбирались в геральдике — цветок традиционно был символом боевого факультета, — то ли в ботанике. Дело было в том, что это замечательное растение, с научной точностью отраженное на эмблеме, оказалось опасным хищником, цапавшим все, что имело глупость пролетать, проползать, проходить мимо. При этом выглядело столь невинно, что у незнающего человека не возникло бы и тени подозрения на его счет.

Да. Небольшое лирическое отступление: по словам Рихтера, именно таким и должен быть настоящий боевой маг. Не особенно выделяющийся в толпе, не вызывающий дикого панического страха... но связываться все-таки не рекомендуется. Если, конечно,

связывающийся не горит желанием прямо сейчас узнать, есть ли жизнь после смерти. Учитывая же, что еще одним характерным признаком нашего цветка была уникальная способность мимикрировать, меняя цвет, форму и размеры всего, чего только можно, но при этом сохраняя одно неизменное свойство — вечное желание что-нибудь сожрать, — я справедливо полагала, что хоть в чем-то, но подхожу под канон.

Возвращаясь к теме: трактир я нашла на третий день. По всем признакам, это было классическое оно: старая вывеска тем не менее недавно обновлялась, название приличное («Пьяный демон» — чем худо?) и, главное, так и наталкивающее на ассоциации чародейного толка. Заходя внутрь, однако, я все-таки скрестила пальцы и попросила богов сделать так, чтобы ни пьяные, ни трезвые демоны сюда не заходили. По крайней мере, в мои рабочие часы.

Внутри было ничего так — уютненько, как сказала бы Полин. Пол посыпан опилками, в окна вставлена слюда, а не дорогое стекло, эльфийских вин вкупе с гномийскими настойками в меню не значит. Несмотря на близящийся вечер, торговля шла ни шатко ни валко — самое то, что мне и было нужно.

Хозяин, крайне унылого вида гном, скучал за стойкой. Да уж. Такая физиономия, исполненная поистине мировой печали, могла отпугнуть любого недостаточно голодного посетителя. Даром что запах с кухни долетал вполне достойный... я принялась, с наслаждением различая аромат съедобной немагической еды. Кажется, что-то мясное. И с подливкой.

Желудок обиженно дал понять, что такого издевательства над собой не потерпит. Я сглотнула, прогоняя видение нормальной еды прочь, и решительно пересекла полупустую залу.

Гном-корчмарь даже не заметил, когда я остановилась возле стойки. Глаза на меня он поднял лишь после того, как на нее оперлись две наглые ведьминские конечности. На одной из таковых, кстати, болтался тоненький браслет, который я собиралась выдать за Жутко Опасный, Но Сообразно Полезный В Быту Амулет. Видно, наружность незваной гостьи произвела на свободного предпринимателя некоторое впечатление — в кои-то веки мои рыжие волосы (самый ведьмий цвет!) плюс наглое выражение физиономии сыграли на руку мне, а не конкурентам.

— Яльга Ясица, — вежливо, но твердо сообщила я, когда гном добрался взглядом до моих глаз. — Студентка Академии Магических Искусств, третий курс. — Врать мне не хотелось, но пришлось. — Факультет боевой магии, диплом на олимпиаде по созданию иллюзий. Вам нужен маг?

Последнюю фразу я постаралась произнести не как вопрос, а как самое что ни на есть нахальное утверждение. Кажется, получилось, — по крайней мере, в глазах корчмаря возник некоторый интерес.

— А зачем мне нужен маг? — осведомился он.

Я кашлянула, оперлась на стойку надежнее. И начала говорить.

Речь эту я составляла добрых полтора часа, сопя над пергаментом «точно голодный дракон», если верить определению Полин. Пергаментов, кстати, ушло штук пять — в порыве вдохновения я то строчила как ненормальная, то, сжав зубы, вычеркивала строчку за строчкой, а свитки все-таки были бесконечные. Итог же я заучивала два последних дня, с выражением рассказывая его Полин, Хельги, элементали и — когда три предыдущих жертвы вырвались и малодушно сбежали — собственному отражению в зеркале.

Так что теперь, получив наконец в свое полное распоряжение живого и настоящего зрителя, я пребывала в полном восторге. Это не могло не сказаться на моих ораторских способностях: гном слушал меня раскрыв рот, я же, видя такой энтузиазм, спешно добавляла все новые и новые аргументы. Вещала я что твой царский герольд; трое эльфов, тихо жевавших гречку за соседним столом, один за другим наострили уши. Наемник-вышибала, бдительно маячивший у двери, — и тот начал коситься в мою сторону.

— Вот за этим-то вам и нужен маг! — триумфально закончила я, почувствовав, что

начинаю уставать.

Гном ошеломленно потряс головой, точно стараясь вытряхнуть из ушей застрявшие там слова.

— Ладно, — с некоторой оторопью сказал он. — Пошли-ка тудой, поговорим.

«Тудой» оказалось маленькой комнаткой за стойкой. Я села на продавленный стул, гном опустился в потертое кресло. Судя по обстановке, я все-таки не ошиблась: корчма явно не находилась на пике популярности.

— Ну рассказывай, — велел гном, отрывая меня от размышлений. — Чего можешь-то?

Что я умела в совершенстве — так это отвечать вопросом на вопрос.

— А вам чего надо?

Корчмарь подумал, машинально комкая бороду в руке:

— Ну... веселое чего-нибудь сбавать можешь?

Я на секунду задумалась, потом щелкнула пальцами. Посреди комнаты немедленно материализовалось трое эльфийских менестрелей (внешностью очень напоминавших троих эльфов из моей группы — надеюсь, ни Келлайн, ни Келефин с Куругормом в «Пьяного демона» не заходят). Менестрели были в некотором подпитии, что только добавляло им веселья: лютня, флейта и маленький барабанчик звучали не то чтобы в такт, но ноги почему-то так и просились в пляс. Все трое усиленно корчили забавные физиономии, причем лично мне больше всего понравился лютнист: наяривая на своем инструменте нечто подозрительно напоминавшее обычный тыгдын,² он выглядывал из-под длинных темных волос с такой комичной мрачностью, что разом напомнил мне Куругорма, завалившего зачет у Шэнди Дэнн, Рихтера, косящегося из-под знаменитой челки, и классического лубочного злодея, в шелку наблюдающего за перемещениями главной и безнадежно любимой им героини.

— Остроухие... — насмешливо хмыкнул гном. — Ничего, сойдет. Чего еще сможешь? Ну... вот если клиент какой напьется до лепреконов,³ можешь его отсель выставить, да чтобы он к нам еще раз захотел зайти?

— А вышибала у вас на что? — поразилась я.

Корчмарь досадливо дернул бороду, точно проверяя, а не приклеенная ли.

— Вышибала... Он, знаешь ли, денгу считает — только свист стоит. Ежели денек спокойный, то одна денюжка, а ежели какого пьянчужку выбросить прочь — так совсем другая. Ну а коли, не приведи боги, ему еще и по морде прилетит, — совсем в разорение вгонит!.. Да и кому ж еще раз сюдой зайти захочется, ежели в прошлый тебя отсюда ласточкой выбросили?

Я задумалась покрепче. Эльфы, поняв все как надо, потихонечку прекратили свой тыгдын и ненавязчиво растворились в пространстве.

Поначалу я собралась продемонстрировать корчмарю богатую коллекцию бестиологических монстров. Но потом меня посетила совершенно гениальная идея; я зажмурилась, как можно точнее представляя результат, а когда открыла глаза...

— Ты чего это тут делать собрался, а, мерзавец?!

От открытой двери к нам двигалась гномка, невысокая, зато настроенная крайне решительно. Весь ее облик, начиная от аккуратного передника и заканчивая крахмальным чепцом, показался мне в тот момент ужаснее всякого демона — хоть пьяного, хоть трезвого. Особенный страх внушал сковородник, зажатый в правой руке.

— Дети плачут, жена извелась вся, а он тут с друзьями лыковку хлещет! А ну пшел домой, пьянь несчастная! Забыл, что завтра мама приезжает?!

² Национальный гномский танец, играется в три аккорда, но это не главное. Главное — по струнам погромче бить.

³ Лепрекон — маленький коренастый человечек из ирландской мифологии. Традиционно — охранитель собственного горшочка с золотом. Здесь «до лепреконов» — в смысле «до зеленых чертиков», ибо лепреканы традиционно же изображаются в зеленой одежде.

— Дорогая... — с мольбой выдохнул гном, глядя на неожиданную гостью как василиск — на таксидермиста. — Дорогая... ну что ты, солнышко... Я больше не буду...

— Не будет он! — фыркнула гномка, упирая руки в боки. — Так я тебе и поверила, брехуну! А эти тоже мне друзья! Только и горазды, что первач с утреча хлебать! Да вам хоть спиритусу налей, все выжрете!

— А... а...

Честное слово, гном был полностью морально уничтожен. Поняв это, я щелкнула пальцами, спешно убирая иллюзию; едва разгневанная гномка исчезла с глаз долой, как корчмарь шумно выдохнул и вытер рукавом пот со лба:

— Ну девка, даешь... Твоя работа?

Я гордо кивнула и, подумав, пояснила:

— Могу так, а еще могу по-другому. Если, скажем, не супругу начаровать, а друга. Чтобы позвал отмечать дальше, в другом трактире... показать?

— Не-эт! — замахал руками корчмарь. — Я тебя и так возьму. Только одно... Как, бишь, тебя кличут?

— Яльга Ясица.

— У тебя, Яльга, этот... сер... чер... ну документ!..

— Сертификат?

— Ага, точно! Сертификат у тебя имеется?

— Нет, — не смущаясь, сказала я. — Но имеется справка об отличной учебе. Показать?

— Да не, не надо... Это же я не для себя, а для Податного Приказа. А то они там звери... Ладно. Значица, так. Что касемо работы и гонорара...

Мы ударили по рукам минут через сорок горячего обсуждения, споров и попыток встать и уйти прочь. Работать мне нужно было четыре дня в неделю, получая шесть золотых за месяц ударного труда или три — ну ладно, ладно, четыре! — золотых за спокойную работу. Плюс бесплатная кормежка в пределах трех серебрушек. Касательно темы иллюзий никаких распоряжений не поступило: гном целиком и полностью положился на мое воображение, сказав, что моей головы «и на двоих бы хватило». Кажется, он еще так и не отошел от явления горячо любимой супруги.

Часть гонорара я затребовала вперед. В том числе тарелку гречки с мясом и кружку молока, нежно любимого мною с самого детства. Трое эльфов уже ушли, служанка протерла стол, и я с чистой совестью за него села. А что — удобное место, у окна.

— Яльга, — неожиданно окликнул меня гном, когда я в очередной раз с наслаждением глотнула молока. Я вопросительно посмотрела на корчмаря: выглядел он слегка смущенным. — Ты вот что скажи... а настоящую Розалию вот так развеять сможешь? Ну не навсегда, часика на два...

— Не знаю, — серьезно сказала я, поддевая на вилку кусочек мяса. — Надо потренироваться. А что?

— Ты не думай, — заговорщицким шепотом поделился со мной гном. — Я, ежели что, в долгу не останусь. Потренируйся там, ладно?

— Ладно, — покладисто кивнула я.

И отхлебнула еще молока.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой наконец-то начинают происходить яркие и красочные события. Здесь заключаются пари, взламываются кабинеты, шипят твари из учебника бестиологии и гневаются магистры. И еще вопрос, что из перечисленного оказывается опаснее...

Вообще-то я была какая-то неправильная. Если ты рыжая сирота, если при этом тебе всего только девятнадцать лет и обучаешься ты в Академии Магических Искусств, да еще не

где-нибудь, а на факультете боевой магии, значит, жизнь твоя предопределена. Быть тебе до окончания университета символом студенческой вольности, таким знаменем свободы, развевающимся над серыми бастионами трудовых будней. Выражаясь проще и понятнее — рыжим adeptкам от веку положено влипать в истории, дружить со светловолосыми вампирами (впоследствии рекомендуется довести дело до брака, хотя бы и фиктивного) и изводить преподавателей всяческими магическими шуточками. Я же...

Из всего списка у меня имелся разве что вампир — да и тот совершенно не в том смысле. Матримониальных да и всяких прочих планов на Хельги я не строила, чему он был несказанно рад: личная жизнь у него была ключом — только успевай уворачиваться. Девушки за него едва не сражались. Мне в эту схватку лезть не хотелось, да и победа в ней уж точно осталась бы не за мной. На переднем плане, выражаясь штампами, у меня стояла учеба. Я честно выучивала все, что задавали, и даже немножко сверх того, если оставалось время. Если с бестиологией можно было и схаявить, то алхимию, некромантию и боевую магию приходилось заучивать до предела. Особенно некромантию. Алхимия — очень логичная штука, там все неизвестное можно вывести из известного, да и боевая магия давалась мне сравнительно легко. А вот некромантия... Я честно просиживала штаны над нашим учебником, до посинения конспектировала лекции, вслушивалась в каждое слово, произнесенное магистром Дэнн, — и все едино никак не могла понять предмет. Я не чувствовала его логики. Его внутренней, жесткой схемы, той основы, стоит понять которую — и дальнейший путь мигом делается на порядок более осмысленным.

К середине пазимника месяца до меня дошло, что некромантия попросту не мой предмет. Я сдалась и, даже не пытаясь чего-то понимать, начала тупо зазубривать заданное. Шэнди Дэнн поджимала губы, но, видно, и она оставила все надежды откопать во мне некромантический талант.

Какие уж тут истории, какие магические штучки...

Но от судьбы все-таки не уйдешь. А судьба моя определенно решила, что не стоит опровергать чаяний всего немалого студенческого коллектива. Хотите историй — их есть у меня. Будет вам знамя. Как заказывали.

А там уж, господа хорошие, не обессудьте.

Все началось вечером шестнадцатого пазимника. Это была суббота, предыдущая неделя выдалась тяжелой, и я с чистой совестью вкушала заслуженный отдых. Помимо отдыха в тот вечер я вкушала яичницу с ветчиной, запивая таковую простоквашей, — дело было в трактире «Под пентаграммой», испытанном многими поколениями adeptов месте. Еда здесь была приличная, выпивка дешевая, колдовства не запрещали, — верно, поняли, что дешевле разрешить сразу. Именно поэтому «Под пентаграммой» особенно не колдовали. Что проку чаровать, если это все равно не запрещено? Заклинаний и на занятиях хватает...

Собственно, я бы с радостью устроилась на работу именно сюда, но для клиентов «Под пентаграммой» я определенно не вышла мастерством. Чтобы удивить, испугать или восхитить мага, а уж тем более adeptа, нужна серьезная квалификация. Зато и ходить сюда было близко, и народ собирался интересный — да и деньги у меня все-таки водились. Короче, чего это я так оправдываюсь? Захотела — пришла сюда, и точка!

Народу было много. Народ хотел жить и знал, что это желание несовместимо с питанием в нашей столовой. Дверь то и дело хлопала, впуская или выпуская очередного adeptа; в зале было шумно и весело, благо спиртных напитков хватало на всех. Служанки сбивались с ног, не успевая разносить заказы; сегодняшний менестрель играл без передышки, не делая между песнями никакой смысловой паузы. Это поощрялось: в шапку к нему летели золотые и серебряные монетки. Последних было больше, но заработок все равно внушал уважение. Ну а паузы... что паузы? За шумом все равно мрыс разберешь, что за баллада сейчас поется...

Я мирно жевала яичницу, когда дверь распахнулась в очередной раз. Внутрь ввалилась маленькая толпа, в которой я, кстати, заметила достаточное количество знакомых лиц. Хельги, близнецы аунд Лиррен, гном из нашей группы, алхимик Вигго фон Геллерт, про

которого Полин прожужжала мне все уши. Да и сама Полин, к слову... О, надо же, и Генри Ривендейл!.. Вот это новость! Благородные герцоги ходят по грязным трактирам?

Половина народу повалила к стойке, другая бросилась занимать места. Как назло, свободный стол был только один — соседний с моим, — а на всех его не хватило. Можно было бы попросить табуретки от моего стола, за которым я сидела в гордом одиночестве, но пивные кружки на коленки не поставишь — скатываются. Выход нашелся только один.

— Яльга, к тебе можно? — деловито спросил правый близнец, устанавливая кружку на стол поудобнее. По-моему, это был Эллинг.

Я кивнула, сосредоточенно отпиливая кусок яичницы вилкой.

— Что пьем? — жизнерадостно осведомился левый. — Эльфийское вино, что ли? Богатая стала, да? Гномий банк ограбила, да?

— Простокваша это, да! — Я наклонила кружку, демонстрируя остатки содержимого.

— Слышь, она прям факультет позорит, — усмехнулся правый, тыкая левого локтем в бок. — Ей, вообще, правила сказали?

— Ой, Яльга! — шумно обрадовалась случившаяся рядом Полин. — Можно я к тебе немножко подсяду? Ой, ты не представляешь, кто тут есть!

— Пшедштавляю, — нечленораздельно возразила я. — Вампир твоей мечты, верно?

— Даже две штуки! — Алхимичка ухватила меня за локоть, а пальцы у нее были до ужаса цепкие. Я осторожно попыталась высвободиться — Полин мешала мне орудовать вилкой, — но не преуспела. — Там еще Хельги есть, тоже с твоего факультета!.. Ой, Яля, и дура же ты все-таки!.. С такими парнями учишься, и никакого эффекта...

— Эффект есть, — мрачно заметила я. — Это с контактами проблемы. Но, в конце концов, контакты уже по твоей части.

Полин загрузилась, честно пытаясь понять, что именно ей сейчас сказали и что ей следует делать: обидеться навеки или возгордиться примерно до того же самого. Я, пользуясь короткой паузой, доедала яичницу.

Народ подходил, стучал кружками о столешницу, ругался, когда щедро налитое пиво проливалось через край. Я кивала, некоторым делала ручкой и всеми силами изображала, как жутко рада всех видеть. Нет, мне дадут сегодня поесть, а?!

— О, Яльга, познакомься! — жизнерадостно возвестил предполагаемый Эллинг. Я умоляюще посмотрела на него поверх кружки, но эльф продолжил, не заметив моего взгляда: — Генри Ривендейл, настоящий герцог из древнего рода!.. Восемнадцатый, кажется, да?

— Двадцать первый, — поправил его брат.

— Двадцать первый настоящий герцог в роду настоящих герцогов! Между прочим, школьная достопримечательность. Почти как мы, ха!.. Генри, это Яльга Ясица, человек.

— Очень приятно, — быстренько сказала я, едва в речи эльфа замаячила долгожданная пауза.

Вампир кивнул. Кивок вышел аристократический: его хотелось назвать маленьким небрежным поклоном. Темные глаза Ривендейла наскоро обежали мое лицо и доступную взгляду фигуру. Чуть сощурились: вампир явно отметил потрепанную куртку, многожды стиранную рубашку и полное отсутствие украшений.

— Яльга у нас тоже знаменитость. — Довольный жизнью Хельги братски похлопал меня по спине. — Между прочим, единственная девушка на всем курсе!

— На факультете боевой магии? — неожиданно переспросил Ривендейл.

— Ну да, — недоуменно ответил Хельги. — Мы же с ней в одной группе, ты что, не замечал?

— И чего в этом хорошего? — Генри отодвинул непечатую кружку. Пена в ней стремительно оседала, но вампира это не заботило: видно, поднятая тема была ему гораздо важнее. — Боевая магия — это мужская профессия, женщинам здесь не место. Все равно ни мрыса дельного не выйдет. Видел хоть кто-нибудь хоть когда-нибудь приличного воителя-женщину? Причем не на лубках, а на самом деле?

Народ дружно заматал головами. Полин во все глаза смотрела на меня: как я отвечу. Я

продолжала спокойно доедать яичницу.

— Женщина, — презрительно взглянув на меня, продолжил мысль великолепный Ривендейл, — да что она может? Ни выпить, ни закусить толком, а уж о драке и вовсе говорить не хочется! Вот сидит такая, — вампир обличительно указал на меня перстом, — тоже мне гордость боевого факультета! Молоко из кружки тянет... Да у нее не то что сил — у нее ума на боевую магию не достанет! Мозги под другое заточены, вот и все. Такой вот с мечом пофорсить захочется — а ты ее на поле боя из-под огня вытягивай, ты же ведь мужчина! Рыцарь, мр-рыс дерр гаст!.. Ну зачем женщинам сражения? По их возможностям, им из всех схваток положено знать только родовые!

Я с сожалением отставила пустую кружку. Пить все одно было уже нечего, а драться пока еще незачем. Во всяком случае, с применением тяжелых метательных орудий.

Вампир выдержал выверенную паузу. Полин глядела на него, подперев щечку ладонью, и только кивала в ответ на каждое слово. В глазах у моей соседки плескался розовый туман. Честь женщин как класса ее не задевала.

— Боевой маг, — продолжил вещать Генри, — это чисто мужская профессия! Он должен быть...

— Могуч, вонюч и волосат, — в тон ему закончила я на диво свежую и гениальную мысль.

В трактире повисла нехорошая тишина.

Прерванный на полуслове вампир смерил меня холодным взглядом.

— Хорошая шутка, — наконец признал он. — Смешная такая. Обхохочешься.

— В хрюкальце давно не получал? — мрачно осведомилась я, уже понимая, в какие влипаю проблемы. — Так это я тебе мигом устрою...

Генри насмешливо приподнял левую бровь.

Собственно, проблемы меня уже не пугали. Яичницу я доела, простоквашу допила — а это было главное, за чем я сюда явилась, — так что можно было вплотную заняться развлекательной программой. Так сказать, с хлебом покончили — приступим к реализации зрелищ.

Хельги топтался рядом, явно раздражаемый сложной моральной дилеммой. Ему одинаково не хотелось ссориться ни с родовитым вампиром, ни со мной.

— Послушай, Яльга, — наконец решил он, — он не хотел тебя обидеть...

— Разве? — искренне удивились мы хором.

— Магичка! — хмыкнул вампир, успевший раскрыть рот буквально за секунду до того, как это сделала я. — Варила бы зелья, шептала бы над котлом... а не лезла куда не просят!.. Мало того что человек, так еще и женщина!..

— Ты! — окончательно взбеленилась я. — Шовинист клыкастый! Да меня, между прочим, на этот факультет определил сам магистр! А тебя за деньги взяли, так что молчал бы!..

— У Рихтера шарики давно уже за роликами, — усмехнулся вампир. Вторую часть фразы он легко пропустил мимо ушей.

— Уй, как интересненько! — восхитилась я. — Стало быть, это не тебя месяц назад по полу валяли? До сих пор об дырку в полу спотыкаюсь...

Ривендейл побледнел, потом покраснел. Потом пошел пятнами; возразить ему было нечего, потому что именно так все и было. По полу его валяли как нашкодившего щенка, причем на глазах у всей группы — захочешь, не забудешь. Но последняя моя фраза дала ему микроскопическую возможность отразить удар.

— Я же говорю, женщина. — За эту возможность Генри уцепился едва не зубами. — Нормальный маг об удобстве печется, а вы — об узорных каблучках да эльфийских набойках! Эти, из Совета КОВЕНа, полказны на туфли растратили!.. Была бы мужчиной — сапоги бы носила, как все порядочные маги!

— Ой носила бы, — покладисто согласилась я, выкладывая на столешницу ноги в неизменных сапогах — по очереди одну за другой. Сапоги, надо отметить, были совершенно

бесполое. В них даже не различались право и лево: очень удобно спросонья, особенно когда опаздываешь. — И чего только не носится? Вестимо, эльфы-сапожники не дают... эти, как их там... каблучники!

Тут вмешалась Полин, усмотревшая в словах герцога (тех, про каблучки, набивки и растратчиц из Совета) намек на себя и свою замечательную тетюшку. Честь «женщин вообще» интересовала Полин мало, но за свою собственную она стояла насмерть. Спуску не дала даже великолепному Ривендейлу. То, что сказала девица, было громко, эмоционально и абсолютно неразборчиво. Полин брала силой звуковой волны, смысл тут оказался бы даже лишним. Женщина, что с нее возьмешь?

Я подумала, что в чем-то вампир был все-таки прав.

Наконец алхимичку успокоили. Потребовавшегося на успокоение времени герцогу хватило, чтобы успокоиться самому и собраться с мыслями для следующего удара. И лучше бы последнего — спор затягивался, и умный Генри начинал понимать, что может и не выйти из него победителем. Как настоящий мужчина, всем прочим схваткам он предпочитал те, про которые заранее знал, что не проиграет.

— Ну ладно, — медленно произнес он. Глаза его сверкали не хуже чем у Рихтера; герцог всеми силами старался скрыть этот азартный блеск, но даже многолетняя выучка была не в силах ему помочь. — Ладно. Может быть, я ошибся. Может быть, тебе... Яльга, — да, Яльга, так ведь тебя зовут? — самое место на нашем факультете. Может, твоя матушка была валькирия и чулки вязала исключительно из человеческих кишок. — «Ты даже не представляешь, насколько прав», — мрачно подумалось мне. — Но ты стремишься в мужской мир, женщина. А в этом мире не принимают слов на веру. Может быть, ты и в самом деле крутой профессионал. Тогда сделай так, чтобы мы в это поверили. А пока не сделаешь — ничто не переубедит меня в том, что ты просто рыжая пигалица, запрыгнувшая слишком высоко.

— Конкретнее, милый, — нежно улыбнулась я. — Или конкретность в мужском мире тоже не поощряется?

— Конкретнее? — Он прищурился. — Хорошо! — Вампир сделал движение, как будто хотел наклониться вперед, но счел этот жест чрезмерно азартным и оттого остался на прежнем месте. — Лаборатория Рихтера. Зайди туда и выйди. Желательно целиком, а не по частям... хотя нет, какое там — просто зайди. Вот тогда я согласен признать, что был неправ.

Я помолчала, постукивая пальцами по столу. Рванный мотивчик становился все быстрее и быстрее — через минуту я поймала себя на том, что выстукиваю озорную козерышку и сердце, что характерно, бьется точно в том же темпе. Я не герцог, мне нет нужды скрывать свой азарт!..

— Я слышала, герцогское слово дорогого стоит?

Генри, чуть помедлив, кивнул. Он явно не понимал, о чем это я.

— А сколько конкретно оно стоит? В лыкоморских золотых, э?

Вампир замялся. В карих глазах запрыгали нолики. Мой вопрос поставил его перед непростой дилеммой: назвать слишком дорого — уступить мне, назвать слишком дешево — поступиться честью рода. Гордость боролась в нем со скупостью; не дожидаясь, пока кто-нибудь из них возьмет верх (признаться, я опасалась, что гордость проиграет), я ударила ладонью по столу:

— Сто монет, герцог. Сто полновесных золотых монеток, каждая с профилем царя-батюшки на реверсе. В таком случае я согласна.

Про необрезанный край я добавлять не стала, испугавшись, что дело дойдет до дуэли. Как же, фамильная честь! «Как, вы считаете, что восемнадцатый... нет, двадцать первый герцог из рода Ривендейл станет обрезать у монеты ребро?!»

— Ладно, — подумав, кивнул вампир. Он опять пошел пятнами — не иначе как от моей несказанной наглости. Это я сочла за комплимент. — Если выиграешь, я заплачу тебе сто золотых. Ну а что будет, если ты проиграешь?

Я пожала плечами.

— Все, что могу предложить, — это конспекты по бестиологии. Остальное мне слишком дорого. Можешь забрать и самого Марцелла в нагруз...

— Если ты проиграешь, — перебил меня Ривендейл, — ты напишешь заявление на перевод. К алхимикам, некромантам, телепатам — выбирай сама. Напишешь, подпишешь и положишь Рихтеру на стол. Ставки приняты?

— Приняты, — после паузы согласилась я. — Но за такое сотни золотых не хватит. Еще пятьдесят монет, герцог, — иначе я разрываю договор.

— Идет, — кивнул он. — Значит, полтораста золотых против твоего заявления?

Я молча протянула руку через стол. Вампир, чуть помедлив, протянул мне свою.

Рукопожатие было коротким и жестким.

Из трактира я ушла почти сразу: только договорилась, что доказательства взлома будут предъявлены завтра в десять. Народ, как я заметила, был весьма обрадован случившимся. Кое-кто даже делал ставки, правда большей частью на герцога. Я не обиделась: сама на себя не поставила бы и серебрушки.

Больше сидеть было незачем. Я выскользнула за дверь; снаружи было мокро, с темных вечерних небес накрапывал мелкий дождь. Мой плащ ни мрыса не спасал от влаги, но я все-таки нахлобучила на голову капюшон.

Свежий воздух (ну относительно свежий — здесь, на окраине, пахло весьма сообразно) подействовал на меня почти сразу. Все идеи в стиле «да я этот кабинет одной левой!» исчезли, точно их и не бывало. Я сосредоточенно закрипела мозгами, не обращая внимания на стекающие по лицу холодные капли.

Мыслей, как назло, не было никаких. Точнее, была одна: украсть из школьной конюшни лошадь — и только меня здесь и видели!.. Как я стану взламывать кабинет магистра? Тем более легендарную лабораторию легендарного Рихтера, не пожалевшего фантазии и силы чар?

Так, будем думать. Как эта дверь вообще может быть закрыта?

На ключ, на магический пароль, на элементаль. На какой-то четвертый, незнакомый мне способ...

Брызги грязной воды окатили меня с ног до головы. Я отшатнулась к обочине; мимо меня с топотом пронесся конник, крикнувший в мой адрес нечто малоприятное. Лошадиные копыта по очереди разбрызгивали все лужи, имеющиеся на этой дороге.

Все. Финиш. Сплю на ходу, прикидывая, как стану взламывать чужой кабинет.

Но взломать-то мне его надо! Карьера алхимички меня вообще-то вполне устраивала, — но учиться на одном факультете с Полин и ее болтливыми подружками?.. Да, и еще — чтобы все пять лет на меня косились с такими вот ухмылочками, а Генри удостоивал презрительных взглядов?.. Не дождетесь!

И к тому же мне очень нужны деньги...

Мне нужен выход, трезво подумала я. Мне срочно нужен выход... что же, кто виноват, если он географически совпадает со входом?

Со входом в лабораторию Эгмонта Рихтера, нашего декана. Человека, способного устроить мне множество разнообразнейших неприятностей.

Кажется, я знала, как сделать так, чтобы он мне их и устроил.

Я прошла по коридору, освещенному магическими шарами, оставляя за собой цепочку мокрых следов. На пути, хвала богам, мне не встретилось гнома-завхоза — за подобное нарушение чистоты мне досталось бы много чего хорошего. И магистров мне тоже не попало — что бы я стала отвечать на вопрос, зачем меня занесло в преподавательское крыло?

Самое лучшее, что я не столкнулась с Эгмонтом. Вот эта встреча уж точно была бы незабываемой. Про нашего магистра говорили, что он неплохой телепат — не знаю, так ли это, но проверять на себе отчего-то совсем не хотелось. Тем более когда на карту поставлено мое пребывание на боевом факультете.

Да, а еще полторы сотни золотых. Между прочим, этих денег мне хватит до конца года!

Не учебного, правда, обыкновенного, но и это, согласитесь, внушает некоторое уважение.

Я остановилась перед нужной дверью. Четвертая от начала коридора, светлое дерево, темная металлическая ручка. Металлическая же табличка, укрепленная чуть выше уровня глаз. «Эгмонт Рихтер, боевая магия», — гласила она. И еще пониже мелким шрифтом: «Лаборатория».

— ...И последнее. Вот это очень рекомендую записать и — для самых забывчивых — обвести в рамочку, чтобы потом ко мне не было никаких претензий. Итак. Доступ adeптов в личные лаборатории преподавателей строго запрещен. За безопасность своей лаборатории я ничуть не опасюсь, но предупреждаю сразу: тому, кого поймаю на попытке взлома, достанется по заслугам. Надо сказать, что это я говорю каждый год, и все равно всякий раз отыскивается очередной герой, жаждущий неприятностей. Не думаю, что ваш курс сделается исключением из правила, но считаю своим долгом предупредить: неприятности будут настолько крупными, насколько мне хватит воображения. Меня все поняли? Все, значит. Отлично. Я запомню...

Через замочную скважину я не увидела никакого света. Значит, Эгмонта не было в лаборатории — и я могла приступать. Воровато оглядевшись, я начертила ногой на полу оповещающую руну — на случай, если кому-нибудь из магистров захочется прогуляться перед сном.

Итак, приступим.

...Заклинание нарушения целостности. С пальцев сыплются мелкие искры; от напряжения я сжимаю зубы. Нет, не то... снова не то!..

Силовой удар. Дверь с косяком и стеной выгибается, как бумага под ветром, но все это не более чем насмешка — пол не дрожит, потолок стоит на месте; ха, да это простая иллюзия! Может, и дверь — это иллюзия? Может, настоящий вход расположен в другом месте?

— Al' morgina! — Пальцы разведены в стороны до упора, ладони прижаты друг к другу. Дыхание ровное, глубокое и ритмичное. — Aller vigda! Откройся!

Щщаз. Только шнурки погладит... Заклинание ключа. Заклинание огня.

Узкие кинжальные удары вокруг замка. По петлям. По, мрыс его побери, косяку!

Пустые хлопоты, как сказала бы одна моя дальняя родственница. А в итоге светит казенный дом (это если меня поймает Эгмонт) или алхимический факультет (если все-таки не поймает). И я еще не определилась с тем, который вариант не нравится мне меньше!..

Ну, девочка, хватит ныть! Попробуем пройти через запертую дверь?

Вперед!

...Через полчаса я устало прижалась к двери. Все. Я использовала все известные мне заклинания, включая те, которые мы еще не проходили на общей магии. Бесполезно. Моя магия разбивалась об эту дверь как волна о камень: вдребезги, на мелкие соленые брызги. Не зря Эгмонт говорил, что не беспокоится за безопасность собственной лаборатории. К чему беспокоиться, когда защита ее совершенна?

Но мне-то что до ее защиты?! Мне нужно проникнуть внутрь, я совершенно не хочу учиться на алхимическом... мрыс дерр гаст, ну как же я явлюсь завтра в наш трактир, если не взломаю сейчас эту дверь? Зачем я вообще ввязалась в этот спор? Зачем пришла сегодня вечером «Под пентаграмму»? Ну поела бы в столовой, не отравилась!..

Я же дала слово! Мне придется переходить, хочу я этого или нет...

Глазам вдруг сделалось очень тепло и влажно. Злясь на себя, я смахнула слезы и неожиданно пнула неподатливую дверь сапогом.

— А ну открывайся немедленно! — прошипела я, примериваясь ударить еще раз.

И дверь открылась.

Слезы мигом высохли. Удар сапогом по декановой двери — я отлично понимаю, что веду себя по-дурацки, как глупый ребенок. Представить, что дверь откроется в ответ на

пинок и бешеное требование не волынить...

Я, часом, не сошла с ума?

Кажется, нет, решила я, потрогав дверной проем. Лишние мысли мигом исчезли; я затерла сапогом лужицу грязной воды, натекающую с моего плаща, и решительно шагнула внутрь. Пока дверь так же неожиданно не закрылась обратно... пинай ее потом, не пинай — чудеса случаются лишь однажды.

Ничем иным, кроме как чудом, объяснить этого я не могла. Ну разве что извращенным Эгмонтовым чувством юмора: может быть, магистру доставляет удовольствие лупить по собственной двери сапогами.

Но в этом я почему-то сомневалась.

Внутри было очень темно. Темнота была явно магической: обычно я неплохо видела в полумраке, да и здешние окна должны были давать на порядок больше света. Как и открытая дверь... вспомнив про нее, я быстренько ее закрыла. Вряд ли Эгмонт сможет пройти мимо столь гостеприимно распахнутой двери — тем более если дверь эта ведет в его собственную лабораторию.

Возвращаясь к комнате: она была большая, где-то с наш кабинет для практикумов. У дальней стены я заметила, кажется, книжный шкаф, у другой — большой стол с алхимическими принадлежностями. Но сказать наверняка я не могла: эта странная темнота любой предмет превращала в тень, и я не была уверена, что книга или реторта не истают дымом под моими пальцами.

Я прошла вперед, стараясь ни на что не наступить и ничего не снести. Испуг сменился любопытством: как-никак я была единственным адептом, проникшим в святая святых нашего скрытного магистра. Надо было запомнить побольше, чтобы при случае рассказать приятелям.

Как ни обидно, но ни крючьев с насаженными на них головами былых врагов, ни колбочек со стенающими душами нерадивых учеников я почему-то не заметила. Приверженцев (а точнее, приверженок) второй популярной версии тоже ждало разочарование: никакого женского портрета, даже самого маленького, в лаборатории не имелось. Рихтер явно организовывал свой досуг иначе, нежели смутно надеялась Полин. По крайней мере, рыданиями под изображением бывлой возлюбленной он всяко не занимался.

Ну или тщательно это скрывал.

Моя рука, протянутая вперед, наткнулась на нечто большое, задрапированное тканью. Помедлив, я сдернула ткань — это был огромный кусок черной материи, взлетевший не хуже плаща у классического вампира. Под ним обнаружилось нечто прямоугольное, черное и блестящее; я подошла совсем близко, с любопытством уставилась на полированную поверхность, по которой скользили странные блики.

Блики исчезли, как будто их заслонила чья-то тень. Из черной пустоты на меня взглянуло бледное существо. Я отшатнулась, но существо не исчезло. Оно смотрело на меня, взявшись руками за границы зеркала изнутри.

Это была девушка. Среднего роста, с изящной фигурой, испортить которую не могла даже мешковатая одежда. Тяжелый плащ ложился складками за ее спиной; девица изгибалась, как кошка, демонстрируя невиданную гибкость.

Была она, кстати сказать, очень красива. Надо же, случается так, чтобы рыжеволосые были красивыми: ее волосы, медные с золотым отливом, завивались в крупные кудри, чуть пушились и, в общем, выдавали совершенно независимый характер. Как раз то, что требуется от этой прически... как ее там? «Утренний ветерок, шаловливо играющий с коротким локоном»? Помнится, Полин просидела в парикмахерской два часа, но нужный эффект так и не был достигнут — волосы были растрепаны, и только. Алхимичка ругалась, утверждая, что у нее неподходящий тип волос, но я подозревала, что, проплати она не шесть серебрушек ученику, а двенадцать золотых мастеру, итог был бы совершенно другим. Косметики на девушке почти не было, та же, которая была, выглядела на удивление естественно. Славная, в общем, девица... вот только глаза у нее были чересчур зеленые и

какие-то шальные. В них хохотала какая-то безумная сила; девица широко улыбалась, охотно демонстрируя неправильные зубы. То ли их было слишком много, то ли другое — я не особенно присматривалась. Не тянуло, знаете ли, слишком долго на них смотреть. Равно как и поворачиваться к зеркалу спиной или хотя бы вставать вполоборота. Откровенно сказать, стоять хотелось на расстоянии доброго меча из лунной стали — чтобы было на что принять неожиданный прыжок.

Стоило мне подумать о лунной стали, как девица перестала смеяться. Ее верхняя губа дернулась было вверх, но остановилась; девушка смотрела на меня, чуть прищурившись и оттого пригасив жутковатые зеленые огоньки.

От греха подальше я нагнулась, подбирая сброшенную ткань. Девица стояла неподвижно, следя за мной глазами. Я рывком накрыла зеркало материей, расправила сложившиеся неаккуратные складки. И только теперь до меня дошло, что это было мое собственное отражение.

Да. Кажется, Рихтер не просто так никого сюда не пускает...

Вдруг над моим ухом зазвенел беспокойный колокольчик. Я вскинулась, еще не поняв, что это означает, — а когда поняла, обмерла от ужаса. Кто-то подходил к сигнальной руне, оставленной мною в коридоре. Все ближе и ближе, целенаправленно. Прислушавшись, я разобрала приближающиеся шаги — очень, надо сказать, знакомые. Это был Эгмонт, я готова была поставить только что выигранное золото.

Я замерла, представив, что сейчас будет. Шаги приближались; что-то подсказывало мне, что магистр гуляет не просто так, а по делам и конечным пунктом его путешествия является как раз лаборатория.

В которой он меня сейчас и накроет.

Мой взгляд заметался по лаборатории, выискивая укромное место. Но его не было. Я стояла посреди комнаты как конная статуя Державе I посреди Главной площади — и шансы остаться незамеченными у нас со статуей были примерно равные.

Шаги приближались.

А, ладно, гори оно все!.. Я взмахнула руками, выплетая кружево заклинания. Что с того, что я делаю это в первый раз? Что с того, что Фенгиаруленгеддир запретил нам одиночную практику? Что с того, что...

Щелкнул ключ, вставляемый в замок. Я выбросила вперед обе ладони; на полу передо мной высветился зеленым правильный шестиугольник.

Дверь открывалась, впуская внутрь магический свет, но я уже падала, проваливалась в темноту, взрывающуюся навстречу мне ослепительной белизной.

Я приземлилась не слишком-то удачно — на колени, с размаху, будто из телепорта меня выбросило хорошим пинком. Не сумев сдержать движение, я упала на выставленные вперед руки; в ладони моментально впились сотни мелких камушков.

Помедлив, я встала на ноги. С непривычки меня слегка шатало, в мозгах наблюдалась подозрительная муть, а желудок бурно возражал против подобных способов передвижения — словом, телепортация мне понравилась гораздо меньше прочих магических искусств.

Еще и потому, что занесло меня вообще непонятно куда.

Кругом стояла ночь. Над головой мерцали мелкие звезды, но луны я не заметила, — может быть, ее закрыло тучей, а может быть, сегодня было новолуние.

Я неплохо видела в темноте. Вокруг, так далеко, как только хватало глаз, громоздились скалы, покрытые довольно-таки скудной растительностью. Напрягая не менее скудные географические познания, я предположила, что это один из отрогов Драконьего Хребта, причем, судя по всему, южный, находящийся на эльфийской территории. Говорят, северные отроги, принадлежащие Конунгату, отличаются куда более богатой флорой.

И фауной, к слову, тоже, так что мне, возможно, даже повезло.

Нет, ну кто это такой остроумный нашелся, хотела бы я знать!

Я настраивала телепорт очень точно, абсолютно как говорил Фенгиаруленгеддир, и ошибиться никак не могла. По идее, сейчас я должна была оказаться в коридоре перед своей

комнатой, но то, что имелось здесь в качестве пейзажа, уж точно не являлось коридором.

Вернусь — честное слово, найду и уши пообрываю! По самые лопатки!..

И крылья тоже...

Главное — как мне теперь отсюда возвращаться? За крыльями, стало быть, и ушами?..

Наверное, опытный маг мог бы вернуться по собственному следу. Я опытной не была, но, будь у меня карта, запросто телепортировалась бы обратно. Не так изящно, но для первого раза сойдет.

Но карты-то у меня как раз и не было. А это значит, что мне предстояла долгая и трудная — куда же без этого? — дорога до ближайшего города, беседа с городским магом и, если повезет, телепортация домой. Могло и не повезти.

Я не знала местности. Я никогда не бывала в горах. Я не умела добывать себе пищу — ни магией, ни охотой. Вообще, у меня были шикарные перспективы...

Все это промелькнуло у меня в голове буквально за пару секунд. Представив в красках, как я после месячного плутания возвращаюсь в Академию, где меня ждет в лучшем случае наказание, я едва не взвыла.

Боги мои, ну почему же мне так не везет?!

Рядом раздался тихий хлопок, я развернулась на звук и поняла, что настоящее невезение только началось. Потому что в паре метров от меня стоял магистр Рихтер — и такой ярости у него в глазах я еще не видела ни разу.

— Могу ли я узнать у вас, студентка, — медленно произнес он, и от его тона по спине у меня пробежал холодок, — что именно вам потребовалось в моей лаборатории?

Мрыс эт веллер, почти панически подумала я. Ну и что я ему отвечу? Что мы поспорили, смогу ли я взломать охранное заклинание?

Разве что только одно...

— В какой лаборатории? — наивно спросила я.

Эгмонт подошел ко мне вплотную. Лицо у него было очень спокойным, но от этого было только хуже. Ешкин кот, я догадывалась, что если он узнает, то мне влетит, но чтобы вот так...

— Не разыгрывайте комедии, студентка, — с тем же ледяным спокойствием в голосе продолжил он. — Напомните, я предупреждал, чтобы никто не смел совать туда носа?

— Я и не совала!..

— Хватит, — мягко сказал он, и рот мой захлопнулся без всякого участия разума. — Боги свидетели, я впервые вижу такую наглость. Вы не сумели спроектировать нормального телепорта — и всерьез рассчитывали незаметно проникнуть в охраняемую лабораторию?

Я обиделась. Телепорт у меня был вполне приличный, и не моя вина, что какой-то мерзавец — я даже смутно догадывалась какой — искажил его траекторию.

— Да сдалась мне ваша лаборатория!..

— Я сказал, хватит!

Глаза у него были очень нехорошие, такие, что я моментально вспомнила все жуткие рассказы, бродившие по Академии. Правда, рассказывали в основном про Белую Даму, но это как-то сразу забылось. Я с трудом подавила огромное желание зажмуриться. Еще несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза; потом я все-таки не выдержала и отвела взгляд в сторону. Магистр смотрел на меня так, словно прикидывал, каким заклинанием сподручнее меня прикончить.

Наконец он шагнул в сторону. Поднял руку; я опасливо покосилась на него, но расслабилась, поняв, что он всего лишь выстраивает телепорт до Академии.

Ладно, там меня, конечно, ждут далеко не самые приятные перспективы, но все лучше, чем торчать в этих предгорьях! К тому же зверское убийство явно откладывалось на потом... Плюс еще, после того как я оборву гаду Генри крылья, можно будет затребовать честно выигранные деньги...

А крылья повешу на стенку над кроватью.

— Не расслабляйтесь, студентка, — мрачно сказал Эгмонт, мгновенно спугнув

соблазнительное дизайнерское решение. — Мы с вами еще в Академии поговорим.

Он дернул кистью, завершая цикл; воздух перед ним сгустился и потемнел, на долю секунды складываясь в уже знакомую мне воронку...

И тут же распался обратно.

На лице у магистра отразилось искреннее недоумение. Он повторил цикл еще раз, еще раз...

Я наблюдала за ним с некоторым злорадством.

— Вы что-то говорили про мой телепорт? — не сдержавшись (все равно терять уже нечего!), съязвила я.

Рихтер пропустил мои слова мимо ушей. Он вытащил из кармана какой-то амулет и, зажав цепочку между пальцами, повторил обряд еще раз.

Ноль. Полный ноль.

— Великолечно, — наконец устало констатировал он. — Мрыс эт веллер, вы что, не могли телепортироваться в какое-нибудь другое место?

— А с этим что не так? — вызывающе спросила я.

— У вас какая оценка по общей магии?

— Пятерка, — тоном ниже ответила я.

— За такие знания я не поставил бы выше тройки... Кто-то блокирует эту местность, студентка Ясица, и делает это достаточно профессионально.

— Зачем? — удивилась я.

Он пожал плечами.

Я изящно приподняла бровь. Движение это я не так давно подсмотрела у Эльвиры и потом долго отрабатывала перед зеркалом. В итоге стало получаться вполне прилично, но у алхимички все едино выходило как-то выразительнее.

— И вы, преподаватель боевой магии, ничего не можете с этим сделать?

— Нет, — задумчиво сказал он, — здесь, пожалуй, тройки будет все-таки много. Два с плюсом и возможность отработки.

— Вы можете объяснить по-человечески? — обиделась я.

Общую магию у нас преподавал гном с труднопроизносимой фамилией, которую он скороговоркой назвал на самом первом занятии — и я единственная из всей группы догадалась ее записать. Теперь, озвучивая каждый свой вопрос, я неизменно добавляла в конце «магистр Фенгиаруленгеддир», и гном тихо млел от удовольствия. Разумеется, я была его любимой студенткой и училась не то чтобы совсем на халяву, но где-то рядом. Эгмонт, я думаю, это знал — вряд ли в Академии нашелся бы хоть один момент, касавшийся нашего факультета, который был бы ему неизвестен. Но тема телепортации у нас началась только на прошлом уроке, и знать ее целиком я в любом случае еще не могла.

— Какой амулет используется для преодоления магического барьера?

— Зуб василиска, — не задумываясь, отбарабанила я. — В металлической оправе, сплетенной из трех полосок: золота, меди и стали, ширину полосок смотри на странице триста девяносто четыре «Пособия боевого мага»...

— У вас имеется с собой вышеописанное? — спросил магистр, щурясь в темноту за моей спиной.

— А у вас? — язвительно поинтересовалась я.

— Ну если вон тот экземпляр согласится поделиться своими зубами...

Я рывком развернулась на месте — и едва не заорала от ужаса, увидев, как из-за соседнего утеса неспешно скользит толстое змеиное туловище, для какой-то надобности снабженное небольшими кожистыми крылышками. Массивная голова покачивалась в нескольких метрах над землей — точь-в-точь как на картинке в нашем учебнике по бестиологии.

Рефлексы в очередной раз взяли верх над мозгами — наверное, из-за численного превосходства. Я, все-таки закричав, метнулась в сторону, вскидывая вверх руки со сложенными лодочкой ладонями. С кончиков пальцев сорвался красный луч; василиск с

неожиданной скоростью отдернул голову вбок, и луч ударил в скалу, выбив из нее каменную крошку.

В следующий момент я уже не стояла, а летела куда-то влево. Твердь вывернулась из-под ног так легко, что я даже не успела этому удивиться — разве что поразились тому, с какой силой меня вмазало в плотную землю. Туда же, где я стояла секунду назад, уже обрушивался чешуйчатый хвост, украшенный ребристым наконечником весом в хорошее ядро.

В воздухе мелькнул еще один луч, куда ярче моего. Приподнявшись на локтях, я увидела, как Рихтер замахивается для второго удара; от первого на узкой морде василиска уже осталась обожженная полоса.

Василиск ударил головой, целясь в магистра, но тот успел отскочить, и змей попал по скале. Не знаю, из чего там у него был сделан череп — кажется, Эльвира как-то обронила заумное слово «кремнийорганика», — но от каменной глыбы только брызнули в стороны мелкие осколки.

— Arrgen larre virgenostis! — выкрикнул Эгмонт; не знаю, что это было, ругательство или заклятие, наверное все-таки второе. Из кончиков пальцев мага вылетело пять маленьких шаров, синхронно устремившихся к морде василиска.

Я не знала такого крутого волшебства и посему обошлась заклятием попроще. Из центра моей ладони вырвалась узкая огненная струя; василиск мотнул головой, и пламя, нацеленное по «уязвимой зоне вокруг глаз», о которой столько рассказывал наш бестиолог, скользнуло едва ли не по самим глазам.

Вот теперь, похоже, змей разозлился всерьез. Он тихо зашипел, и меня невольно продрало от этого звука — не знаю, что там пишут в наших учебниках, но так могли шипеть только те, кто жил на этой земле много раньше нас. Может быть, по официальной классификации василисков и не причисляли к фэйри, но тот, кто эту самую классификацию составлял, вряд ли видел василисков хоть где-то, кроме как на гравюрах.

Я сама не помню, когда успела вскочить на ноги. Ночное небо заслонила огромная голова; из распахнутой пасти на меня дохнуло чем-то донельзя вонючим. Я успела различить, как сверкают белые клыки... а потом земля вывернулась еще раз, меня снова дернуло, на этот раз вправо, — и я упала на обломки скалы. Дернулось было встать, но щиколотку пронзила резкая боль — такая, что перед глазами поплыли разноцветные звезды.

Мрыс эт веллер, неужели перелом? Все, теперь уж точно мне кирдык...

Раздался тихий хлопок, и василиск, вздрогнув, завалился набок. Учитывая его вес, это выглядело довольно впечатляюще; я машинально отдернула ногу, по которой едва не прилетело кончиком василискова хвоста.

Эгмонт стоял метрах в двух от меня. Он тяжело дышал и вообще выглядел так, словно только что задушил этого василиска голыми руками. С пальцев магистра до сих пор сыпались мелкие голубые искры.

— Вы в порядке, студентка? — хрипло спросил магистр.

— Почти, — не сразу ответила я. — Кажется, ногу сломала... Магистр Рихтер, но как...

— У василисков только две слабые точки... пасть и глаза. Глаза он бережет. Вы вынудили его раскрыть пасть... Так что у вас с ногой?..

— Не знаю, — честно сказала я. — То ли вывих, то ли перелом. Как это вы его, магистр?

— Это заклинание изучают на третьем курсе, студентка... — Он подошел ко мне, хромая заметно сильнее обычного. — Давайте я посмотрю, перелом ли это...

Я подтянула штанину, открывая щиколотку. Эгмонт сел на камень рядом со мной и осторожно ощупал мою конечность. Пальцы у него были холодные.

— Перелом, — констатировал он. — Сейчас...

Пальцы его неожиданно сделались очень горячими, я вздрогнула, невольно прошипев сквозь зубы нечто мало предназначенное для слуха преподавательского состава, а в следующий момент магистр уже убрал руку.

— Все? — недоверчиво спросила я.

Рихтер молча кивнул. Я осторожно ощупала пострадавшую конечность; нога ныла, явно жалуясь на судьбу, пославшую ей столь неуклюжую хозяйку. Но на этом ее недовольство заканчивалось.

— Спасибо... А вы-то как? — запоздало спохватилась я.

Эгмонт поднял правую руку, и я увидела, что куртка его разорвана от плеча до локтя. Края разреза уже успели пропитаться кровью.

— У нашего курса еще не было лечебной магии, — виновато сказала я. — Но я могу перевязать, если надо...

— Сперва вернемся.

Магистр встал на ноги, подошел к убитому василиску и сел на землю возле его головы, вытаскивая из рукава нож. За несколько секунд он вырезал из пасти змея один из клыков — нож двигался так легко, словно разрезал не кость, а масло.

Закончив, Эгмонт с явным сожалением покосился на три оставшихся клыка, а я вспомнила, что за зубы василисков на черном рынке дают золотом по весу. Увы, магическая материя, не подвергнутая предварительной двухмесячной подготовке, после телепортации моментально распадалась в совершенно немагическую труху. За труху, весьма полезную в строительных работах, кажется, тоже давали золотом, но в значительно меньшей пропорции.

— А золото у вас есть? — вдруг вспомнила я. — И медь со сталью?

— Я, как вы весьма прозорливо заметили, магистр боевой магии, — ехидно ответил он. — Справимся и без золота.

Рихтер, мрыс эт веллер, похоже, вообще не умел ошибаться. Он отлично справился и без золота, выстроив такой телепорт, за который, буде такой же сумела бы сделать я, гном с трудновыговариваемым именем Фенгиаруленгеддир поставил бы мне пятерку с плюсом и еще четыре занятия одобрительно фыркал бы в усы. Я с запоздалым стыдом сообразила, что все неприятные ощущения, испытанные мной во время первой телепортации, были вызваны исключительно моей неопытностью в деле построения телепортов.

Когда темнота не-пространства наконец рассеялась, мы стояли в той самой лаборатории, которую я столь удачно взломала тридцать минут тому назад. Там, разумеется, ничего не изменилось, но волшебный полумрак, скрадывавший контуры предметов, исчез, точно его и не бывало. Под ним оказалась скрыта достаточно просторная комната с высокими стрельчатыми окнами — по стенам висели полки, сплошь заставленные книгами. Прямо как в библиотеке... Еще там стояло несколько столов, на которых во множестве имелись весьма странные предметы, о предназначении которых мне оставалось разве что гадать. Четыре деревянных ящика, клетка, в которой устало сопели два потрепанных в прямом смысле слова фолианта — меж прутьев торчали клочки пергамента. Походило на то, что книги основательно передрались между собой. Да, еще зеркало, криво (ну темно было, не рассмотрела!) завешенное черной тканью.

И все. Вот вам и вся легенда. Я было огорчилась, но потом вспомнила про Генри, про выигранное золото и немного приободрилась.

Вот только как я докажу, что взломала-таки эту дверь?

Совершенно некстати мне вспомнилось, что магистр пообещал обязательно устроить мне разбор полетов, как только мы вернемся в Академию. Насколько я знала Эгмонта, он всегда выполнял, что обещал; так что к мыслям, безостановочно вертящимся в моей несчастной голове, прибавилась еще одна.

— Вы, кажется, предлагали свою помощь? — устало спросил Рихтер, отрывая меня от невеселых размышлений.

Я посмотрела на него; он уже снял куртку и сейчас осматривал собственное плечо, вывернув его для удобства под странным углом. Все-таки он был какой-то неправильный: судя по тому, что я видела, рана была достаточно глубокой, для того чтобы любое движение причиняло изрядную боль. Магистр же действовал так, словно никакой боли он не ощущал.

— У вас есть чем перевязать? И спирт?

— На верхней полке.

Полка была и впрямь верхней: дотянуться до нее не смог бы, пожалуй, и Хельги, превышавший меня ростом на добрую голову. Подумав, что вряд ли будет красиво в присутствии магистра залезать грязными сапогами на его любимое кресло, я щелкнула пальцами и попросту слевитировала на нужные полтора метра вверх.

Эгмонт посмотрел на меня с некоторым интересом.

— Пожалуй, я поторопился, — задумчиво произнес он. — Четверку по общей магии вы вполне заслужили. Но пятерки вам все равно пока что много. Я завтра же поговорю с магистром Фенги... Фенгиру... мрыс эт веллер, с магистром общей магии, чтобы он обратил внимание на ваши действительные познания.

— Рубашку снимите, — сухо сказала я, совсем не обрадованная перспективой спешной зубрежки общей магии.

В свое время, лет восемь назад, я провела пару месяцев в одной монастырской больнице. Больница, понятно, была бесплатная, предназначенная специально для бродяг, нищих и тому подобных кадров, давным-давно потерянных для общества. Даром что в большей части ярмарочных лубков эти больницы всячески высмеиваются, мне там понравилось: меня вылечили, накормили (не станем заострять внимание чем, ибо тогда это было не столь уж и важно) и даже позволили остаться, пока зима не пошла на убыль. За два месяца, что я там провела, меня научили нескольким полезным вещам, в частности перевязке; никогда не думала, что подобные знания могут мне пригодиться, а вот поди ж ты...

Зашивать я тоже умела благодаря все тому же монастырю. Но, посмотрев на неровные края раны, и впрямь довольно глубокой, я поняла, что это здесь не поможет.

— Василиски ядовитые? — мимоходом спросила я у Эгмонта.

— Ученые еще не определились, — настороженно ответил он.

— Ничего, скоро определятся, — жизнеутверждающе сказала я.

Интересно, мимоходом мелькнула мысль: о чем бы подумала Полин, если бы она находилась сейчас в этой лаборатории? Может быть, о том, как назавтра она стала бы рассказывать подружкам, сколь волнующе... нет, волнительно было оказаться в одной комнате с боевым магистром, вдобавок голым по пояс. Мне, в отличие от впечатлительной алхимички, приходилось видеть и более... хм... откровенные варианты. В конце концов, я десять лет бродила по трактам. Так что единственная цель, с которой я из-под ресниц рассматривала Эгмонта, была возможность выяснить его... ну скажем так, состоятельность как противника в не-магическом поединке.

В отличие от Хельги, гордившегося бицепсами, трицепсами и прочими мышечными изысками, Рихтер не походил на мускулистый платяной шкаф. Скорее, он был жилистым и прочным, как кожаный ремень; впрочем, я отлично помнила первое занятие по боевой магии и неплохо знала силу удара своего магистра. Другое дело, что того же Хельги я, быть может, рискнула бы вымотать, утомить долгим поединком — а вот с Эгмонтом, похоже, этот фокус провернуть было бы куда как сложнее. Во всяком случае, для меня. К тому же он явно был ничуть не менее гибким и быстрым, чем я, а гибкость и скорость были моими основными достоинствами.

Вот так.

Дальше я думать и анализировать не стала. Потому как гораздо больше меня интересовал другой вопрос: как я стану доказывать Ривендейлу, что все-таки взломала здешнюю дверь.

— Так что вы забыли в моей лаборатории? — напомнил о себе Эгмонт.

Отвечать правду не хотелось, но ничего другого, как назло, в голову не лезло.

— Мы поспорили, — неохотно ответила я. — С Генри... то бишь с герцогом Ривендейлом. Смогу ли я взломать ваши чары. На полторы сотни золотых.

— И что бы вы стали делать, если бы проиграли?

Я презрительно фыркнула, демонстрируя всю несостоятельность такого

предположения.

— В крайнем случае взломала бы замок шпилькой.

Магистр хмыкнул, явно сомневаясь в моих способностях взломщика. Помолчав, он спросил:

— Вы представляете, студентка, какую создали проблему?

— В смысле? — насторожилась я.

— В очень простом. Адептам все время хочется сунуть нос куда нельзя. И если магистр не хочет, чтобы они докопались до чего-нибудь серьезного, он должен создать им подходящую цель. Мрыс эт веллер, студентка, вы хоть понимаете, какую легенду разрушили?

Я попыталась потупить, но не преуспела. Интересно, какое наказание определит мне магистр? Припомнив, что он обещал сделать с тем, кому захочется посмотреть на его лабораторию изнутри, я почувствовала, как по спине пробегают целые стада мурашек. Прощай Академия... и, мрыс эт веллер, прощай выигранное у Ривендейла золото!

— Все, — завязала я кончик бинта бантиком и, отойдя, критически воззрилась на забинтованное. Вроде получилось неплохо.

Эгмонт пошевелил раненой конечностью и пришел к такому же выводу:

— Сойдет. Спасибо, студентка.

— Пожалуйста, — буркнула я.

Магистр щелкнул пальцами: к нему, размахивая рукавами наподобие Афилогета, подлетела рубашка. Скептически осмотрев разодранный рукав, он все-таки надел ее и потянулся за курткой.

Он был в перчатках, не сняв их даже тогда, когда сидел вообще в одних штанах. Эти перчатки уже начинали меня раздражать, и потому я не мудрствуя лукаво брякнула:

— Почему вы никогда не открываете рук, магистр?

Эгмонт прищурился, глядя мне в глаза:

— У каждого свои причуды, студентка. Я же не спрашиваю вас, почему у вас именно такая фамилия?

Пол вздрогнул и едва не ушел у меня из-под ног.

— При чем здесь моя фамилия? — спросила я, делая максимально безразличное лицо.

— Да, собственно, ни при чем... Просто, знаете ли, смотрю я на вас и думаю: все замечательно, одна фамилия не подходит. Ну какая вы Ясица? А вот, скажем, Леснивецка... но я же вам этого не говорю?

— Вот и дальше не говорите, — сказала я, не задумываясь о том, что вообще-то разговариваю с собственным деканом.

— Отлично, — кивнул он. — Значит, так, студентка... Я не знаю, как вы будете это объяснять вашим коллегам, но, если еще хоть один адепт появится в моей лаборатории — пеняйте на себя. Вам все ясно?

— Угу, — кивнула я. И замялась: уж больно красочными у меня получались картинки предполагаемого наказания. — Магистр, мне вещи собирать или как?

— То есть?

— Ну вы меня из Академии... того?... Или пока все-таки нет?

Эгмонт помедлил с ответом.

— Если бы не василиск, — наконец ответил он, — вы бы уже сидели на чемоданах. Но то, что вы хоть что-то ухитрились с ним сделать, достойно пятерки по боевой магии или, учитывая обстоятельства, просто продолжения обучения.

Я едва не подпрыгнула на месте от радости.

— Но учтите то, что я вам сказал.

— Учту! — пламенно пообещала я. — И вообще забуду, как сюда вошла!

— Замечательно. В таком случае возьмите амулет, который лежит на столе. Ривендейл, полагаю, неплохо его знает, так что деньги он вам отдаст.

Ривендейл, я думаю, и впрямь хорошо знал этот амулет. Это был тот самый браслет-

накопитель, который Эгмонт демонстративно снял во время их с вампиром знаменитого поединка.

— Спасибо, — озадаченно сказала я, опуская браслет себе в карман. Чего-чего, а такой щедрости я от магистра не ждала.

— Каждый труд должен быть оплачен, — усмехнулся он, поймав мой недоуменный взгляд. — В данном случае — из герцогской казны.

— Спасибо, — на всякий случай повторила я, уже опуская руку на дверную ручку. — Спокойной ночи, магистр.

— Студентка Ясица.

— Да? — Я развернулась на пороге.

— Амулет вернете послезавтра после уроков.

Когда я вернулась в комнату, Полин уже давным-давно спала. На столе ее валялась груда пергаментов; приглядевшись, на верхнем из них я различила длиннющую цепочку формул, содержащую в себе как минимум тридцать звеньев. Возле формулы были подрисованы домик, человечек и маленькая розочка. Что же, все в стиле Полин.

Я разделась и нырнула под одеяло. Простыня холодила кожу; я свернулась в клубок, закрыла глаза и тихонько рассмеялась, предвкушая, с каким выражением на обычно бесстрастном лице, пардон, физиономии завтра станет смотреть на меня Генри Ривендейл. Полтораستا монет, господа мои, это что-то все-таки значит, даже для герцога; а уж о вечной славе, покроящей меня не далее чем (я спешно прикинула, сколько сейчас времени)... пожалуй, уже сегодня, и говорить не приходится! Проникнуть туда, куда не ступала нога еще ни одного адепта, включая вездесущих братьев аунд Лиррен...

Я взглянула на Полин и еще раз рассмеялась. Так и заснула — с улыбкой.

И спалось мне, что характерно, очень сладко.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой иные из событий находят свой логический конец, а иные (и их, пожалуй, выйдет большинство) едва успевают обрести завязку

Наутро я проснулась часов в восемь. С полминуты валялась в постели, потягиваясь и щурясь на солнце; впереди ждал совершенно шикарный день, который мало того что был выходным, так еще и таил в себе нечто донельзя привлекательное. Я честно пыталась вспомнить, чему конкретно так радуюсь; потом до меня дошло, я перевернулась на живот и радостно ударила кулаками по подушке.

Сегодня меня ждет заслуженный триумф. А кроме него еще и сто пятьдесят золотых, добрых монет лыкоморской чеканки. Пусть говорят, что деньги — зло, — в таком разе зла мне определенно не хватает. Да и слава... слава первопроходца, эксперта по взламывательным заклинаниям...

К тому же и учиться я продолжаю на родном уже боевом факультете. Хотя здесь радоваться надо не мне, а алхимичкам.

Я вытянулась на постели в той позе, которую Полин характеризовала емким словом «колбаса». События вчерашней ночи снова встали у меня перед глазами: дверь, лаборатория, телепорт...

Мрыс дерр гаст, но кто же искажил его траекторию?

Пожалуй, вчерашняя злость на Ривендейла не имела под собой ни малейшей основы. Магию герцога я почувствовала бы сразу... да и то сказать, в построении телепортов вампир был ничуть не сильнее меня, а для искажения траектории требуется на порядок больше знаний, чем для обычной одиночной телепортации.

Телепорт мог исказить Эгмонт. Ему-то уж точно достало бы и навыка, и сил. Но магистр был слишком предусмотрителен, чтобы переместиться в совершенно неизвестное

ему место. Тем более чтобы переместить туда неопытную студентку. Нет, он не питал ко мне большого расположения — просто я знала, что он отвечает за нас за всех, и за меня в том числе. А если он за нас отвечает...

У Рихтера было много недостатков; первым номером лично я бы поставила скверный характер. Но слова своего он не нарушал никогда. Слова и долга.

Да, и еще: ему было бы куда легче по-простому накрыть мне телепорт. Не дать уйти с места... хм... преступления.

Кто же тогда?

Подумав, я так и не смогла найти претендента на спешное обрывание ушей в дизайнерских целях. В конце концов, ошибиться могла и я. Не стоит переоценивать мои способности — как-никак это был мой первый телепорт, и даже знание Академии не могло прибавить мне мастерства. Неправильный жест, акцент в одном из слов, неточно выговоренное ударение...

В голову мне внезапно пришла совершенно дикая мысль, мигом прогнавшая из нее все предположения о телепортации. А вдруг накопительный амулет, давеча полученный от магистра, был всего лишь иллюзией? Либо вдруг я потеряла его по дороге? Или его забрала Полин? Как же тогда я стану доказывать герцогу собственную правоту?

Я вскочила с кровати, сдернула со спинки стула свою куртку и штаны. От волнения я не могла вспомнить, в какой именно карман опустила вчера браслет. Разумеется, по закону подлости он оказался в последнем: чтобы понять это, мне пришлось вывернуть наизнанку все карманы.

Вытащив браслет на свет божий, я быстренько проделала над ним незамысловатый пасс. Амулет вздрогнул, наливаясь металлической тяжестью, — выходит, Рихтер не солгал мне, это была не иллюзия...

— Сколько времени? — спросила я у элементали.

— Полдесятого! — браво откликнулась та, высываясь из дверной доски. Вид у нее был такой... верноподданнический, так что сказанному хотелось верить.

Полдесятого... Я проснулась как нельзя более вовремя. У меня есть еще полчаса, чтобы одеться, причесаться и добежать до нашего трактира. И — самое главное — ни за что не забыть браслет.

Я успела. Причем, что удивительно, успела как раз в срок — адепты уже собрались вокруг давешнего стола и успели заказать себе по кружке пива, а значит — прийти в нужное азартное состояние. Еще с порога я заметила среди них близнецов, Полин, сидевшую на табурете и капризно косившуюся на обоих эльфов поочередно, Вигго фон Геллерта, приятеля аунд Лиррен, сегодня почему-то без девицы, Хельги — этот опознавался по росту и по светлым волосам, растрепанным с подозрительно художественной небрежностью. Келефин терзал лютню, Куругорм охмурял какую-то адептку. Вампир Логан обещал надрать уши обоим: старшему за отсутствие музыкального слуха, а младшему за компанию. Охмуряемая адептка загадочно улыбалась: кажется, она училась на третьем курсе некромантического факультета, и связываться с ней не стоило даже эльфу. Особенно эльфу-первокурснику.

Там же были и другие: одних я не знала вообще, других знала только в лицо, третьих подозревала, что знаю, а насчет четвертых имела смутное подозрение.

Когда я вошла в трактир, меня заметили не сразу. Я воспользовалась этим, решив сделать триумф максимально театральным.

Медленно подойдя к столу, я стянула капюшон. Тряхнула волосами, рассыпавшимися по плечам; народ загомонил, кто-то спешно уступил мне табурет. Я села, вежливо кивнув освободившему.

Прямо напротив меня обнаружился Генри Ривендейл. Вампир сидел спиной к стене, скрестив руки на груди. Лицо у него было... нет, не надменное — для этого Генри был слишком хорошо воспитан. Просто на нем так откровенно читалось несомненное превосходство, что я невольно нащупала в кармане браслет. И тут же вытащила руку

наружу: не-эт, так просто я признаваться не стану. Вы хотели зрелищ — будут вам зрелища.

Народ мало-помалу замолкал. Хельги глядел на меня умоляющими глазами; я помнила, что он поставил на меня немаленькую сумму и теперь очень надеется получить ее в двойном размере. Впрочем, зная вампира, я была убеждена, что он предусмотрел и мое поражение, так чтобы, не приведи их вампирьи боги, не залезть в долги.

Я щелкнула пальцами, подзывая разносчицу. На герцога я не обращала никакого внимания; он чуть усмехался, явно сочтя этот прием типично женским. Впрочем, именно таким прием и был... ну и что с того? Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

— Что принести, госпожа? — почтительно спросила служанка.

— Кружку молока. — Я протянула ей серебряную монетку.

Народ, изъясвивший было нетерпение, озадаченно замолчал. Таких трезвенников, как я, Академия пока еще не видела. Но в трактире народ был привычный, я сюда заходила не первый раз, да и платила всегда только вперед. Так что молоко мне принесли, и очень быстро.

Я привычнохватила кружку за шероховатый глиняный бок и развернулась к Ривендейлу.

— Ну что, принес деньги? — нахально спросила я, отхлебывая глоток молока.

Генри сощурил темные глаза и вытащил из кармана туго набитый мешочек. Лениво качнул им у меня перед носом. Я шевельнула пальцами, не отпуская кружки, мешочек дернулся ко мне, но вампир вовремя перехватил его второй рукой:

— Сперва докажи, что ты там была.

Жестом фокусника, достающего кролика из цилиндра, я вытащила из кармана браслет. Хельги моментально выхватил его у меня; браслет пошел по рукам, каждый хотел лично удостовериться в моей удаче или неудаче.

— Настоящий, — наконец обалдело сказал один из братьев аунд Лиррен. — Ребята, это настоящий талисман Рихтера!

Я ухмыльнулась, донельзя довольная произведенным эффектом. Ха, еще бы не настоящий!

— Дайте мне, — потребовал Генри. Он долго рассматривал браслет со всех сторон, покручивая его в пальцах. Но в этом уже не было нужды — по лицу герцога, обычно аристократически бесстрастному, было сразу ясно, что и он узнал талисман.

— Это ничего не значит, — сухо сказал вампир, протягивая мне браслет.

— Ага, — ехидно кивнула я, — это мне Эгмонт на свиданке подарил. На счастье.

Народ зашумел. Мысль о том, что маг был способен потерять или — того пуще — добровольно расстаться со столь ценным предметом, звучала попросту глупо.

А это значит, что оставалось только одно возможное решение, и адепты очень быстро к нему пришли.

На меня уставилось множество пар восхищенных глаз.

— Ур-ра! — завопил кто-то, кто был мне определенно знаком.

— Качать героиню! — пискнул кто-то, кого я и вовсе видела в первый раз.

— Но как? — выдохнула Полин. — Яльга, но...

— Даже мы не смогли! — воскликнул Яллинг (впрочем, есть вариант, что это был и Эллинг). В его голосе звучала смесь обиды и восторга. — Мы два года этот кабинет долбили, а она...

Хельги одобрительно двинул меня по спине — так, что я чуть не слетела с места.

— Я же говорил! — гордо сказал он.

— Ну что, гер-рцог? — сладко спросила я, с огромным удовольствием растянув такой восхитительный звук. — Деньги на бочку! И извинения туда же!

— Был неправ, — лаконично буркнул вампир, и моя рука ощутила столь желанную тяжесть кожаного мешочка. Вид у Ривендейла был изрядно разочарованный, что он всеми силами пытался скрыть.

Генри оттеснили в сторону, меня засыпали восхищенными вопросами; я держалась

стойко, памятуя, что со мной сделает Эгмонт, если я проговорюсь.

— Яльга! — трясли меня близнецы. — Ну Яльга, ну расскажи же! Мы... мы за тебя трижды отдежурим! Мы тебе мешок пшеники дадим!

— Я вам что, лошадь? — возмутилась я. — Хорошо, хоть не овса!

— Три желания выполним! — пламенно пообещал тот из братьев, который стоял чуть ближе. — Яльга, ну расскажи!

Я задумалась. С одной стороны, Эгмонт — это серьезно, и расставаться с Академией мне совсем не хотелось. Вдобавок, после того как магистр помог мне получить законно выигранные деньги, было бы черной неблагодарностью открыть путь в его личную лабораторию полчищам адептов. С другой же стороны, три желания — это вам не мешок пшеники, это серьезно. Эльфы очень редко давали такие обещания, а уж если давали, то держали слово крепко.

А, ладно, была не была!..

Я сделала таинственное лицо. Народ мигом умолк и попытался подобраться поближе. Сзади пискнула алхимичка, которой наступили на любимую туфлю.

— Ладно, уговорили. — Для пушей таинственности я наклонилась вперед: — Только чтобы больше никто не знал, хорошо?

Меня клятвенно заверили в полной сохранности секрета.

— Все просто, господа. — Я замолчала, с удовольствием глядя, как восторг в глазах сменяется сначала просто нетерпением, потом усиленным нетерпением и, наконец, нетерпением из серии «шас убью эту рыжую ведьму!».

— Ну!!! — хором заорали близнецы.

— Яльга! Как ты туда вошла?!

Дальше молчать было попросту опасно.

— Дернула за веревочку, дверь и открылась. Говорю же, все просто. — Я рассмеялась, посмотрев на синхронно вытянувшиеся лица братьев. — Рихтер, наверное, на то и рассчитывал, что это никому в голову не придет.

— Гений! — выдохнул Эллинг (а может быть, и Яллинг, кто их там разберет). — Яльга, ты просто гений! А мы-то заклинаниями долбили, даже отмычку пробовали...

Я со стыдом вспомнила запальчивое обещание взломать дверь шпилькой. Похоже, Эгмонт предусмотрел практически все.

— Ну что? — Предполагаемый Яллинг ткнул брата в бок. — Попробуем?

— Разумеется! — Тот обернулся, отыскивая взглядом фон Геллерта. — Вигго, ты с нами?

Но Вигго не было. Его поискали, в том числе под столом; не нашли, зато кто-то вспомнил, что пять минут назад алхимик ушел под ручку с какой-то блондинкой, судя по всему, той самой вампиршей, которую недоохмурил Куругорм.

— Ну кто хочет посмотреть, как сбываются заветные мечты? — громко спросил один из близнецов, перекрывая оскорбленное бормотание эльфа. — Яльга у нас первая, она героиня, но и вторыми быть неплохо!

— Э-эй, — забеспокоилась я, — вы что, прямо сейчас взламывать собрались? Вас же Рихтер накроет!

— Не накроет, — весело возразил второй близнец. — Он по ночам работает, а днем отсыпается. А лабораторию на охранных заклинаниях оставляет.

— Наивный! — сладко жмурясь, добавил первый.

— Я пойду смотреть! — решительно заявил Хельги.

— Я тоже! — поддержала вампира Полин, словно бы мимоходом прижавшись к его плечу.

— Я тоже! — Отступать было некуда, я и не предполагала, что дело пойдет так далеко. Мрыс эт веллер, как же я стану объяснять их провал? Да и не было там отродясь никакой веревочки...

— Я с вами, — столь же лаконично, как и раньше, сказал благородный Ривендейл, и я

всерьез испугалась, что Полин заработает себе хроническое разбегание глаз.

В итоге в замок пошли все. Перед этим было решено захватить с собой с десяток бутылок такого замечательного пива. Половину выпили по дороге, вторую пришлось допивать в срочном порядке, вспомнив, что дверь не пропускает со спиртным. Еще полчаса мы препирались с дверью, убежденной, что один из вампиров есть не что иное, как странной формы бутылка, до краев полная запрещенным алкоголем.

Что характерно, убедили.

В коридоре было пусто и тихо. Из лаборатории не доносилось ни звука. Есть вариант, что близнецы оказались правы и магистр в самом деле отсыпался после вчерашнего. Зато рядом с дверью спокойно висел простенький черный шнурок. Я ошарашенно воззрилась на него, потом сильно дернула себя за кончик уха. Зуб даю, вчера шнурка здесь не было!

Впрочем, никто, кроме меня, не увидел в этом ничего странного. Вампир, обиженный дверью, тихо ругался с каким-то эльфом, на вид трезвым как стеклышко (оба собеседника, однако, обращались друг к другу во множественном числе). Все остальные не сводили взгляда с зачарованной двери.

Братья переглянулись. Решительно подошли к двери; еще раз переглянулись, и Эллинг потянулся к шнурку.

Яллинг несильно ударил его по ладони:

— Эй, куда лезешь? Я первый пойду!

— Ты-ы? — Эллинг оскорбленно уставился на брата. — С чего это вдруг, Ялле?

— Я старше и умнее!

— Да ну? А я красивее! — Эллинг все-таки успел дернуть за шнурок, но практически в тот же момент веревочку рванул Яллинг.

Хлопок, щелчок, вспышка. Мы зажмурились, а когда открыли глаза, смогли сделать несколько выводов.

Во-первых, близнецы исчезли без следа.

Во-вторых, дверь осталась закрытой, как и была.

В-третьих, никаких звуков из-за нее по-прежнему не доносилось.

В-четвертых, не было и веревочки. Стало тихо.

— Ну что, третьим будешь? — сладко улыбаясь, спросила я у Ривендейла.

Вампир попятился. Надо думать, он сообразил, что запросто может попасть туда, откуда его не вызволит даже вся герцогская казна вкупе с благородными предками.

Тишину словно прорвало. Все заговорили хором, перебивая друг друга; прислушавшись, я разобрала, как шатающийся вампир, для надежности уцепившись за эльфа, убеждает его в том, что близнецы уже отправлены злокозненным магистром на опыты. Эльф флегматично кивал, пошатываясь в такт козерыйке.

— Их же двое было! — горячася, говорила алхимичка. — А это совсем другой рисунок чар!

— А может быть, они все-таки уже там? — Хельги попытался посмотреть в замочную скважину.

Хлопок, щелчок, вспышка. Все зажмурились еще раз; когда мы открыли глаза, нам предстала совершенно невероятная картина.

Посреди коридора из ничего воздвигся магистр Рихтер. Был он босиком, более того, из всей одежды на нем имелись одни штаны то ли весьма странного кроя, а то ли просто второпях натянутые задом наперед. Волосы у него были всклокочены, а на щеке виднелся явственный отпечаток вышивки. Надо полагать, вышивка сия располагалась на подушке, потому что это была изящная эльфийская розочка.

Но все вышеозначенное совершенно не мешало магистру излучать прямо-таки физически ощутимую ярость.

В каждой руке у него было зажато по уху. К ушам прилагались близнецы аунд Лиррен; братья извивались и тоненько подвывали что-то нечленораздельное, но донельзя жалобное.

В коридоре моментально установилась звенящая тишина, нарушаемая разве только

пострадавшими. Даже пьяненький вампир моментально протрезвел и сделал вид, что обнимает эльфа исключительно из обуревающих его братских чувств.

Магистр медленно обвел взглядом всю толпу, сгрудившуюся в коридоре. Толпа съежилась, точно пытаясь таким образом избежать его гнева.

— Мне, наверное, следует вспомнить, что я не только магистр боевой магии, — голосом, от которого кровь стыла в жилах, произнес Эгмонт, — но еще и декан вашего факультета. И если ранее никто не удосужился заняться вашим воспитанием, этим должно озаботиться мне.

Он быстро прошептал что-то, что могло оказаться только заклинанием, и брезгливо оттолкнул близнецов. Прошелся взглядом по лицам; на мне этот взгляд задержался на долю секунды дольше, чем на остальных, и я с облегчением успела понять, что ко мне Рихтер не имеет никаких претензий. Напротив, ему даже понравилось мое решение. Мазохист он, что ли? Ладно, мне же лучше...

Близнецы, зажмурившись, терли малиновые уши.

Эгмонт вытащил из воздуха молоток; судя по тому, как синхронно отшатнулись передние ряды, в назначении инструмента не усомнился никто. Маг наклонился и выдернул у кого-то из братьев несчастную веревочку. На конце ее болтался длинный изогнутый гвоздь.

Выпрямив его в два пасса, Рихтер быстро прибил шнурок обратно. Дважды дернул за него, словно проверяя, насколько прочно держит гвоздь; хлопок, щелчок, вспышка, мы привычно зажмурились.

— Что это было?! — раздался дрожащий голос Полин.

— Это был наш магистр, — деревянным голосом ответил протрезвевший вампир.

Близнецы выпрямились и одновременно нащупали меня взглядами. Шагнули ко мне; Хельги быстренько заслонил меня плечом, явно готовясь к драке.

Ближайший ко мне близнец открыл рот:

— Не соблаговолит ли высокорожденная госпожа Ясица, славная своими красотой, храбростью и умом, объяснить двум презренным эльфам истину, каковую им не под силу...

Эльф в ужасе зажал ладонью рот. Народ смотрел очень странно, явно не понимая, что происходит. Я полностью разделяла его мнение.

— О светлая дева, нареченная Яльгой! — вступил второй близнец. — Раскрой же истину презренным... — Он споткнулся на полуслове, в панике попытался заткнуться, но не преуспел. Язык явно действовал автономно, без всякого участия мозга: — ...Презренным эльфам, ибо несказанно высока твоя мудрость! О, они искренне верят, что она глубока, подобно океану, и широка, подобно небесам, но все же объясни им, если будет на то твоя высочайшая воля, что же они во тьме своего невежества сделали не так, как должно?

На лице у Генри отразился священный ужас.

Я, кажется, начинала понимать, в чем был смысл угрозы Эгмонта.

— Он их что, заколдовал? — нерешительно спросил Хельги.

— Нет! — в панике пискнул один из близнецов. — Нет, о светлейший! Судьба не может быть к нам столь жестока...

— Заколдовал, — тем же деревянным голосом подтвердил протрезвевший вампир.

Близнецы переглянулись, но дальновидно промолчали.

— Где вы были? — насела на них опомнившаяся Полин.

Близнецы не хотели отвечать, но отбиться от заинтересованной алхимички им не удалось. Вдобавок к Полин пришло подкрепление в виде Хельги, Генри и протрезвевшего вампира; поняв, что сейчас их станут бить, возможно даже ногами, близнецы хором икнули и обреченно начали говорить.

Опуская все эпитеты, эпифоры, анафоры, метафоры, сравнения, олицетворения, гиперболы и литоты, смысл их получасовой речи сводился к следующему.

Телепорт и впрямь сработал, но вместо лаборатории обрадованные братья ухнулись прямоком в спальню магистра, точнее, аккуратно на его койку. В принципе Эгмонта можно было понять: никому не понравится, когда на тебя во время твоего законного сна из

ниоткуда падает гвоздь — небольшой, но все-таки очень острый.

Близнецы, рухнувшие вслед за гвоздем, понравились Рихтеру еще меньше. В связях, порочащих его, наш магистр замечен не был — мрыс бы его знал, как у Эгмонта обстояло с девицами, но двум эльфам мужского полу в его постели делать было явно нечего. Нехороших наклонностей у него определенно не имелось.

В принципе этому близнецы были только рады.

Одним щелчком спихнув с себя всех троих, включая гвоздь, магистр натянул штаны, вцепился в чужие уши (на этом месте ладони близнецов непроизвольно дернулись к головам) и телепортировал туда, откуда приперлись незваные гости. Продолжение же истории разыгралось у нас на глазах.

Выслушав близнецов, народ молча уставился на меня.

— А я тут при чем? — Я демонстративно пожала плечами. — Сказано же: дернула за веревочку. Кто вас просил дергать дважды?

Народ зашушукался. Вспомнили, что близнецы и впрямь дергали два раза — да и Эгмонт, возвращаясь в спальню, сделал то же самое.

— Выходит, каждый рывок поднимает на одну ступень? — дрожащим голосом предположила Полин. Она только что поучаствовала в Настоящем Приключении и теперь ажно светилась от счастья.

Я только выразительно подняла брови. Врать не хотелось, а этот жест можно было расценить как кому захочется.

Близнецы тоскливо переминались неподалеку. Уши у них горели как новогодние фонарики. Генри Ривендейл смотрел на меня с таким неизбывным ужасом, что я немедленно возгордилась. Ха, а говорил: мол, женщины ничего путного сделать не могут!..

Тяжелый кошелек приятно оттягивал карман.

— Ну что, идем в трактир? — громко предложила я, отвлекая адептов от взволнованного обсуждения. — Я угощаю!

Все одно платить мне придется только за первые кружки. Дальше пойдет по уже накатанной колее, так что большая часть денюжек все равно останется со мной.

Адепты повалили вниз по коридору; Полин трусила позади, цепким клещом вцепившись в руку разом протрезвевшего вампира. Тот протрезвел, но не до конца, так что пока ему было все равно.

Забегая вперед... История эта закончилась месяца через два — перед самым Новым годом Рихтер все-таки снял наложенное заклятие. Этого времени близнецам достало на то, чтобы сделаться очень молчаливыми и приучиться общаться между собой языком жестов. На уроках их почти не спрашивали, заранее зная, что ответ затянется на добрых полчаса. Напротив, адепты из их группы всеми силами толкали преподавателей к такому решению — после близнецов ни на кого другого у магистров все равно не оставалось времени и сил. Тем не менее эти два месяца выдались самыми тяжелыми в жизни аунд Лиррен. Во-первых, все устные задания им теперь задавали письменно, и после уроков они по несколько часов делали домашнюю работу (до того они обычно отделялись парой общих фраз, начинавшихся с недоуменного «Так вы же, магистр — имя подставить, — устно задавали!»). Во-вторых, им пришлось готовиться абсолютно ко всем контрольным, практическим и прочим проверочным работам, потому что попросить шпаргалку они теперь не могли. Там, где раньше хватало потыкать соседа в спину и в двух словах обрисовать свой вопрос, теперь нужно было разворачивать полуторачасовую речь, изобилующую тропами, риторическими фигурами и прочими литературными изысками.

Близнецы крепились. Они были не герцоги, но фамильную честь все-таки берегли. Однако к концу второй недели, когда уроков ими было сделано больше, чем за весь предыдущий учебный год, гордость уже не показалась им столь существенной помехой. Братья отправились к Эгмонту с повинной. Тот выслушал и сказал, что предупреждал заранее: каждому сунувшему нос в его лабораторию будет воздано по заслугам. Учитывая же, что все учителя очень довольны нынешним старанием близнецов, он, Эгмонт Рихтер,

совершенно не видит причин снимать с них столь удачное заклинание. Вот если, скажем, они окончат полугодие без единой тройки... Тогда, быть может, что-нибудь и изменится. Может быть. Он ничего не обещает.

Близнецы взвыли и отправились готовиться к завтрашним лекциям.

Талисман я, как и было сказано, принесла Рихтеру в понедельник.

В кабинете, куда я пошла в первую очередь, магистра не нашлось. Я подергала дверь, даже постучала в нее сапогом — все, чего я добилась, была заspanная элементаль, высунувшаяся из дверной доски и подробно объяснившая, кто именно я есть на самом деле.

Выслушав, я подробно и в деталях объяснила ей, кто я есть в действительности. Для наглядности я сотворила небольшой пульсар — ну и еще кое-чего по мелочи.

Элементаль попала на диво понятливая и обучаемая. Мне даже не понадобилось располагать ее дверь под углом сто двадцать девять целых и пятьдесят шесть сотых градуса дважды. Правда, добиться от нее, куда ушел Рихтер, у меня все равно не вышло.

В принципе я могла бы развернуться и уйти. Но мне сказали прийти именно в понедельник и именно после уроков — а я была существом честным и обязательным. И жизнелюбивым: задерживать у себя чужие талисманы без воли на то их владельца чревато множеством печальных сюрпризов.

Поразмыслив, я отправилась вниз, к лабораториям.

Дверь была знакомая, почитай что родная. Долбить по ней сапогом я уже не рискнула; в дело включился рефлекс, и я осторожно постучала по косяку согнутым пальцем.

— Входите, студентка Ясица, — откликнулись изнутри.

Помедлив, я толкнула тяжелую дверь.

Она распахнулась так же легко, как и позавчера. Как и позавчера, ударила о стену: я опять не успела ухватить ее за ручку. Все-таки элементали — это очень удобно. Не зря же их поселили практически во всех дверях.

Эгмонт, стоявший у стеллажа, поставил на место большую книгу и обернулся ко мне.

— Добрый день, — вежливо сказала я и вытащила из кармана амулет: — Вот. Спасибо.

— Здравствуйте, — кивнул магистр. — Заходите, студентка. Вы же все равно здесь уже были... — Он усмехнулся, заметив, что я нерешительно застыла на пороге.

Я зашла, закрыв за собой дверь.

— А теперь скажите, студентка, как вы зашли сюда в первый раз?

Несколько секунд я молчала, покусывая нижнюю губу. Но наказание мне явно не грозило, идти сюда второй раз мне было незачем, и потому я честно призналась:

— Да вообще-то очень просто... Попробовала заклинаниями, потом — еще раз заклинаниями. Не подействовало, я разозлилась, ну и ляпнула что-то вроде: «А ну откройся немедленно!»

— Эта точная формулировка? — после долгой паузы спросил Эгмонт.

Я подумала.

— Кажется, да. А что?

— Ничего... — Он чуть прищурился, что-то прикидывая. Если это означало «ничего», то я наследная лыкоморская царевна. — Подойдите сюда, студентка.

Я подошла. Рихтер провел кончиками пальцев по корешкам книг, выбирая нужную. Это оказался средней величины том, переплетенный в коричневую кожу. «Магическая безопасность», — выхватил мой взгляд надпись на корешке.

— Это вам на неделю, — обыденно сказал магистр, передавая мне фолиант. — В библиотеке таких книг нет, там вообще очень мало материала по боевой магии. На следующем практическом занятии я жду от вас применения описанных здесь заклинаний.

Я кивнула, рассматривая даденное. Книга была не такая уж и старая, изданная максимум лет двадцать тому назад. Полное ее название было «Абсолютная магическая безопасность: боевая магия, алхимия, телепатия». Прикинув толщину тома, я поняла, что боевой магии там отводилось не так уж много места. Как раз на неделю активного труда.

— Постарайтесь не убить свою соседку, — серьезно сказал Эгмонт.

— Это защитными-то заклинаниями? — съехидничала я.

— Если постараться, то можно и защитными, — не поддержал шутки магистр. — Через неделю, вы запомнили? Учтите, я спрошу строго...

«Кто бы сомневался», — мрачно подумала я. Впрочем, в голове у меня мелькнула спасительная мысль, и я не замедлила ее озвучить:

— А может, вы меня от домашнего задания освободите?

— С чего бы это? — искренне удивился Рихтер. — Можете считать, что вы добились, чего хотели. Теперь в ваших способностях не сомневается уже никто — и я в том числе. Кому больше дано — с того больше и спросится. Работайте, студентка, солнце еще высоко.

Я не знала, чего во мне было больше — гордости или злости. К и без того немаленькому заданию прибавилось еще и это. С другой стороны, еще никому Рихтер не давал персональных заданий — это грело душу, убеждая меня в недюжинности моего магического таланта.

Но то, что Эгмонт разыграл меня, как фигуру шакра-чатуранджа, вывернув ситуацию так, что он снова оказался в ней главным...

У-у, какая я была тогда злая!

Магистр смотрел на меня с каменным лицом, но я отлично знала, что он наслаждается моим негодованием. И это выводило меня еще больше... но что я могла поделать? Он победил, это было так. Он поступил, как и обещал, воздав каждому по заслугам.

Это Генри Ривендейла было легко положить на лопатки. Рихтер был сильным соперником — и это было гораздо интереснее.

— А накопительный амулет оставьте себе, — так же спокойно закончил магистр. — Он вам потребуется в самое ближайшее время.

Я хмыкнула, даже не пытаясь изобразить нечто благодарное.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой еще раз подтверждается старая истина о том, что книга — друг человека, а знание есть сила, с которой безопаснее все-таки считаться

Что такое Академия Магических Искусств?

Ответ на этот вопрос искали многие, но найти покамест никто еще не сумел. Верно, ответ хорошо скрывался, испугавшись своей бешеной популярности в народе. Выражаясь понятнее, ответов было до мрыса и больше, иные из них даже были нанесены страждущей общественностью на парты, но к консенсусу эта общественность так и не пришла. Лично мне больше всего нравилась чеканная историческая формулировка, вырезанная на задней парте кабинета бестиологии (появилась она, надо сказать, не без моего участия). «Академия, — гласила таковая, — это не только полторы тысячи магов всех возрастов и квалификаций, но и три-четыре тысячи тонн строительных заклинаний!»

И правда, замок сам по себе внушал адептам немалое почтение. В иные коридоры народ предпочитал не соваться, особенно по пятницам тринадцатого числа: все прогулы, пришедшиеся на эту дату, обыкновенно объясняли нешуточным риском для жизни, связанным с хождением по коридорам. В некоторых закоулках неожиданно-негаданно проявлялось пятое измерение, с маху выбрасывавшее адепта в Большой Мир. Говорили, что однажды измерение попыталось выбросить магистра, — на свою беду, незадачливая сущность наткнулась на Эльвиру Ламмерлэйк. После того случая в это крыло Академии водили адептов на ознакомительные экскурсии — где еще увидишь пятое измерение, завязанное тройным морским узлом?

Иные, впрочем, утверждали, что никакого это было не измерение, а самая что ни на есть обыкновенная элементарь, ляпнувшая чего не надо про Эльвирин праздничный макияж. Им верили больше, ибо за подобные вещи алхимички вставляли насмерть.

Но в школе были не только коридоры. Еще там были кабинеты (иные из них, вроде Эгмонтовой лаборатории, окутывала завеса тайны), комнаты (ну здесь и без тайн было о чем поговорить). Была столовая — ходили слухи, что именно туда Шэнди Дэнн отправляет постэкспериментальный материал.

И еще была библиотека.

За истекшие два с половиной месяца учебы библиотека сделалась мне очень хорошо знакома. Стала для меня, прямо скажем, родной — ничуть не меньше, чем, например, комната или столовая. Да и появлялась я здесь куда чаще, нежели в столовой.

Задавали нам все больше и больше. Магистры как будто сговорились: едва мы успевали прийти в себя от ужаса, вызванного грядущим докладом по алхимии, как, скажем, Шэнди Дэнн ласково улыбалась и сообщала, что нас ждет весьма интересная работа по некромантии. Да-да, начнем мы ее вот сейчас, прямо на этом занятии, а продолжать станете дома, точнее, в библиотеке. А вы как хотели, господа адепты? (В этом месте ласковость куда-то исчезала, уступая место жестким стальным ноткам.) Страна не нуждается в магах-недоучках, не знающих, с какого слова начать некрообряд!

К концу пазимника мы накрепко усвоили, что также страна не нуждается в:

— псевдобоевых колдунах, не умеющих ставить заклинаний защиты;

— деревенских знахарках, пусть даже и с академическим дипломом, но даже не подозревающих, чем аир болотный отличается от финиковой пальмы (мгымбр чешуелапый от василиска нелетучего, аура от магического поля, декокт подорожника от его же настойки и — для особо злостных прогульщиков — Эгмонт Рихтер от Эльвиры Ламмерлэйк);

— прочих антисоциальных элементах, не ведающих дороги в библиотеку.

Учитывая, что иные магистры, навроде директора, повторяли это на каждой лекции, не говоря уже о практических занятиях, а иные, сказав один раз, к этой теме более не возвращались, а лучше бы вернулись, ибо такое безразличие к будущему Лыкоморья малость пугало, — в общем, приведенные выше фразы запомнили все и до конца.

Хельги ходил угрюмый и злой. Злиться в ответ было не слишком-то разумно: у него проходил период самоопределения (это заумное слово обронила одна эльфийка с телепатического — на вампире она делала домашнее задание, правда, без его на то ведома и согласия). Периодически вампир приставал ко мне с вопросом: а нуждается ли вообще в нем эта капризная страна? Щадя мужскую гордость, я всякий раз отвечала положительно. С другой стороны, не особенно я и врала, ибо магистров Хельги различал отлично. И в принципе не только их.

Народ стенал. Никто не осмеливался стенать вслух при учителях (на занятиях у магистра Буковца на всякий случай старались и не думать) — на все возмущенные вопли ответ был только один. Вы сами этого хотели. Сами шли сюда, сдавали экзамены... слушайте, адепт, а может быть, вы занимаете чужое место? Может быть, где-то там есть безумно талантливый молодой маг, который не может учиться в Академии, потому что его место заняли вы? Если так, то мы мигом исправим сию оплошность...

Все знали, что никаких оплошностей быть просто не могло. Какие там оплошности — когда речь заходит о приеме на первый курс, им попросту не остается места. Из всех, кто подаст заявку, будут приняты только настоящие чародеи. Те, у кого действительно есть магический талант.

Но об этом магистрам предпочитали не напоминать.

Я, честно говоря, всех этих недовольных воплей совершенно не понимала. Помимо домашнего задания, общего для всей группы, мне приходилось выполнять еще и то, которое давал мне Эгмонт, — причем ни в том, ни в другом не удавалось схалтурить. Мало того, злопамятный Рихтер не забыл поговорить о моей успеваемости с Фенгиаруленгеддиром. Сама я при этом историческом разговоре, понятно, не присутствовала, но не заметить пристального внимания, которым меня окружил добросовестный гном, было попросту невозможно. К концу второй недели я чуть не выла: новый темп отличался от прежнего примерно так же, как галоп отличается от рыси.

Ничего. Привыкла. Просто теперь свободных вечеров у меня практически не имелось, а над книгами я просиживала до самой темноты. Гном-библиотекарь сперва ругался, утверждая, что на меня свечей не напасешься, потом замолчал и повадился приносить на мой стол хитрый магический светильник, сделанный где-то в Королевстве-Под-Горами.

Во всем этом был один-единственный положительный момент. С этим самым библиотечным гномом у нас установились совершенно идиллические отношения: похвастать таковыми едва ли могла половина наших магистров. Адептов же гном вообще на дух не выносил — среди приписываемых им отрицательных свойств он упоминал неаккуратность, расхлябанность, привычку задерживать взятое и — о боги! — попытки портить библиотечные книги.

Я же к книгам относилась с изрядным пиететом: еще бы, читать я научилась очень поздно и с большим трудом, зато по собственному желанию. На книги моих денег никогда не хватало, так что таковые (книги, а не деньги; впрочем, деньги тоже, но в несколько меньшей степени) оставались заветной, но невыполнимой мечтой. Здесь же их было так много, что даже глаза разбегались. Представить себе, как можно на книге (КНИГЕ!!!) что-нибудь написать, нарисовать или подчеркнуть — о, на это не хватало даже моего изощренного воображения. Поняв это, гном (кстати, звали его Гамиль Зирак) преисполнился ко мне нешуточными родственными чувствами.

Библиотечные гномы — так поведал мне Зирак — это отдельный клан, маленький, но очень гордый. Это, кстати, было понятно и без объяснений — гномьи кланы все были гордыми, других в природе просто не водилось. Каждый старший сын в этом роду сменял отца на библиотечном поприще в Главной Межинградской Библиотеке. Сын же, шедший под следующим номером, становился библиотекарем в Академии Магических Искусств. Такая вот преемственность имела кучу приятных сторон: например, вся библиотечная магия, тайная и неясная, больше подходившая под определение «чары», не выходила за пределы одного-единственного клана. Да и запомнить расположение книг на полках гораздо легче, если ты бегаешь по этой библиотеке едва ли не с малолетства.

Сейчас, к слову сказать, здесь тоже имелся маленький гноменок — метр с кепкой, и то в прыжке, зато донельзя суровый и деловой. Пока что ничего серьезного ему не доверяли, но он даже пыль стирал с таким видом, будто прикасается к Главной Гномской Святыне Клана. Хотя кто его знает — может, для этого клана Главной Святыней были именно здешние книги?

Словом, не успел еще начаться серый дождень, как Зирак-старший уже стал позволять мне самой выбирать в хранилище нужные книги. Причины, вынудившие его так поступить, были весьма прагматичны: все чаще и чаще мне требовались книги столь редкие, что гном не сразу мог вспомнить, где они лежат. После того как пару раз он искал необходимый мне фолиант четыре с половиной часа, библиотекарь решил, что дешевле станет поступиться традицией, не позволяющей людям ступать в фамильные пределы. Думаю, таким решением я отчасти обязана и кучке адептов, собравшейся у стола за эти четыре с половиной часа. Кучка была невелика, но настроена очень решительно. Зирак-младший сдерживал их из последних сил, прикрывая щуплым тельцем формуляры.

А уж после того как некая адептка сдала в моем присутствии книгу, выпачканную в губной помаде, гном зауважал меня еще больше. Еще бы, на следующее же утро выяснилось, что на адептку наложили заклятие, столь хитроумное, что снять его не смог ни один адепт. Магистры, я думаю, справились бы с ним легко (особенно если спрашивать не Марцелла, а, скажем, Эльвиру, Рихтера или Шэнди Дэнн), но они вмешиваться не стали. Заклялось же заклятие в следующем: на коже адептки, на ее одежде, белье, тетрадах и прочих вещах то и дело появлялись четкие помадные оттиски. Их появление не подчинялось никакой системе, как, впрочем, и гамма: от нежно-розовых до ядовито-зеленых, с переходом через радикально-черный цвет. Подозревали, что заклятие наложил Зирак; но, во-первых, раньше за ним такой злопамятности не замечали, а во-вторых, «шлейф» у заклинания был определенно человеческий, причем еще и женский. Я молчала, не отвечая ни на какие

вопросы, и благодарила богов, что магистры не взялись за меня всерьез. Как бы я, интересно, объяснила, что все заклятие заключалось в случайно брошенной фразе: «Чтоб тебя саму этой помадой вымазало!»?

В этот раз я тоже ходила между стеллажами. Стол Зирака давно уже остался позади, компанию ему составил наследник библиотечарского клана, сметавший специальной метелочкой пыль с книжных полок. Становилось все темнее, в воздухе пахло книжной пылью, старыми пергаменами и высохшими чернилами. Еще в нем — с каждым мигом все сильнее — чувствовался резкий запах творящихся чар.

Я приближалась к Запретной части библиотеки, где находились самые древние и сильные инкунабулы. Многие из них были защищены волшебством, другие это волшебство источали; впуская меня сюда впервые, Зирак взял с меня честное слово, что я не притронусь ни к одной из этих книг без его ведома.

Честное гномье слово дорогого стоит. Меня же библиотечарь давно держал за гномку.

Сейчас запретные книги занимали меня в последнюю очередь. Просто за ними, еще дальше, находились и вовсе забытые фолианты — те, которые не интересовали адептов вот уже который год подряд. Иные из них устарели, иные содержали в себе слишком ценную информацию, чтобы быть оцененными средним студентом, мало озабоченным всякими там магическими изысками. Я искала вторые, на этот раз выполняя задание Фенгиаруленгеддира. Рихтер в очередной раз оказался прав: книг по боевой магии в библиотеке почти не имелось, а те, которые были, мне категорически не понравились. Часть из них была слишком проста, часть — слишком сложна; я, в конце концов, училась только на первом курсе и многого еще не знала. В тех же книгах, которые давал мне магистр, все казалось сообразным: достаточно сложным, чтобы не сачковать, и достаточно простым, чтобы суметь во всем разобраться.

Все было как обычно: я медленно шла вдоль стеллажей, оглядывая потемневшие переплеты. Здесь, в ведомстве истинного гнома, все и должно было случаться как обычно — гномы не терпят новшеств, если, конечно, новшество изобретено не гномами. Книги, книги, книги... тонкие, толстые, пергаментные и бумажные (насчет некромантических фолиантов из человеческой кожи Зирак меня разочаровал — всю подобную литературу из библиотек изъял КОВЕН еще четыреста с лишним лет тому назад). Картон, шагрень, рыбий мех — о, значит, книга редкая и ценная, раз такого материала не пожалели... Углы, оправленные в сталь, и в серебро, и — надо же! — в золото...

Мои пальцы скользили по бесчисленным корешкам — нужная книга все никак не желала находиться, — когда из очередного ряда прямо мне в ладонь вывалился тяжелый фолиант.

Я едва успела подхватить его. Так... Толстая книга, переплетенная в темную шагрень. Углы оправлены в сталь... а сталь-то, между прочим, лунная, значит, магия здесь еще как присутствует... Застежки, замок...

Хм, а название?..

Я прищурилась, разбирая полустертые руны, — разобрав же, замерла, оценивающе поглаживая шагреньевый корешок. «Справочник боевого мага».

А может, ну его, Фенгиаруленгеддира?

— Магистр Зирак, — окликнула я гнома, выходя из темного хранилища на свет, — а эту книгу читать только в читальном зале или с собой тоже можно взять?

Гном заинтересованно посмотрел на меня поверх очков:

— Ну-ка покажи, чего ты там нарыла?.. Ох, чует мое сердце, не «Сорок лучших рецептов лыкоморского кваса»...

— А что, такое здесь тоже есть? — искренне удивилась я. — В магической-то библиотеке?

— А что, магам квасу уже не положено? — ехидно парировал гном. — Что, маги не люди, что ли?.. Давай сюда, сейчас посмотрим, кудой ее можно носить, а кудой нельзя...

Решив более не спорить, я покорно протянула гному «Справочник».

Зирак аккуратно принял тяжелый том. Раскрывать книгу он не стал: чувствовался

навык многолетней работы с гримуарами, потому что там никогда не знаешь, не шарахнет ли тебя изнутри доброй чарой мощностью с дубинку. Это в лучшем случае — с дубинку, потому что может — и с двуручный меч.

Несколько секунд гном пылливо смотрел на заглавие, потом осторожно положил книгу на стол и взглянул на меня.

Я ответила ему недоумевающим взглядом.

— Не припомню я этой книги в библиотеке, — уверенно сказал Зирак. — Где ты ее взяла, а, девочка?

— Здесь. — Я честно пожала плечами, потом, подумав, указала на дальние полки. — В хранилище, разумеется. Кажется, на два шкафа левее Запретного сектора, там, где старые книги пылятся...

— Во-от как, — непонятно протянул гном.

Глаза у него были хитрые; я недоумевающе смотрела на него сверху вниз. Зирак буркнул что-то себе под нос, при этом сделав рукой короткий жест; я изо всех сил вглядывалась в его магическое поле, но все равно не заметила в нем никаких изменений. Гном, что же с него возьмешь. Старшая Кровь есть Старшая Кровь.

Проделав все вышеозначенное, Зирак заново взял книгу в руки. Поводил пальцами по шероховатой обложке, постучал по плоскому корешку. Я следила за всеми манипуляциями, с каждым мигом все больше понимая, что не понимаю вообще ничего.

Наконец гном решительно распахнул обложку. Я затаила дыхание, но ничего ужасного не произошло.

— О как, — удовлетворенно сказал Зирак. — А штампа-то того... нетути штампа!

Я недоверчиво заглянула ему через плечо. В самом деле на первой странице, там, где по штату полагалось бы быть синему оттиску библиотечной печати, располагалось совершенно непонятное нечто. То ли руна, то ли нет; признаться, больше всего эта закорючка напоминала пятно, оставшееся от пролитой когда-то на книгу жидкости. Одно было ясно наверняка: это не печать. Ибо вывести печать невозможно.

По принципу: этого не может быть, потому что этого быть не может.

— И... и что мне теперь с этим делать? — кашлянув, поинтересовалась я.

Гном смотрел на меня серьезно и немного торжественно; мне даже сделалось немножко не по себе от резко повысившейся официальности обстановки.

— Адептка Ясица... — возвестил Зирак. Подумав, он встал, дабы выглядеть более внушительно. Достиг он этим немногого, но что поделаешь, у всех гномов есть небольшой заскок на тему роста. — Рад сообщить, что эта книга выбрала своей хозяйкой именно вас.

— Кем она меня выбрала? — после затянувшегося молчания осторожно уточнила я.

— Хозяйкой, адептка, хозяйкой... — Гном постоял еще немного, потом сел и уставился на меня непреклонным взглядом: — И чему вас только учат теперь, а? Все, хочешь ты теперь или нет, но эта книга — твоя. До скончания века... а ее или твоего, дело уже десятое.

— А-а... а почему вы так решили?

Гном насмешливо фыркнул в усы:

— Дотронься до обложки.

Несколько секунд я смотрела на Зирака, потом плюнула (понятно, в переносном смысле, иначе меня ждала бы немедленная мученическая кончина) и подошла к столу. Решительно положила руку на шагреневую обложку.

Сначала я не поняла, откуда доносятся странные звуки. Нечто подобное я чувствовала много лет назад, когда погладила одну из встречных кошек. Довольное низкое мурлыканье, звук, который нельзя услышать ушами: ты слышишь его рукой, как будто оно рождается прямо под твоей ладонью. Книга ластилась ко мне, как... как кошка — да, как настоящая кошка, всеми силами демонстрирующая хозяйке всю степень своей привязанности. Да и прочих положительных качеств.

Чисто машинально я погладила обложку, вызвав этим действием новую серию мурлыкающих звуков.

— Это твоя книга, Яльга, — тихо сказал гном.

Вид у него был самый что ни на есть довольный, борода торчала во все стороны, точно веник у бывшего домового. Зирак-младший стоял тут же, у стола; открыв от изумления рот, он смотрел то на меня и на книгу, то на книгу и на меня.

Чуть слышно скрипнула дверь, ведущая в библиотеку, я расслышала за спиной чьи-то торопливые шаги, а в следующий момент раздался странный сдавленный звук. Я невольно обернулась. В трех шагах от меня стоял Генри Ривендейл с глазами по три серебряные монетки каждый.

Еще бы. Представляю, какую сценку он только что увидел.

Зирак степенно огладил бороду, его наследник отскочил к полке, с удвоенной энергией сметая с книг пыль. Я прижала «Справочник» к груди, не собираясь делиться с вампиром столь ценной находкой.

— Я вас слушаю, адепт Ривендейл, — добродушно сказал гном. — Что вас интересует?

— А... кгхм... хмм...

— Генри, что-то не так? — со всей заботой, на какую только была способна, осведомилась я. — Что с тобой? Сглазили?..

Вампир рьяно замотал головой, на всякий случай отодвинувшись от меня подальше. Я пожала плечами — ну ничего так ничего, очень за вас рада — и, перехватив книгу поудобнее, направилась к двери.

— Адептка Ясица, — окликнул меня гном. Я обернулась. — Книга, конечно, не причинила вам никакого вреда, но я рекомендовал бы проконсультироваться с кем-нибудь из магистров. На всякий случай. Порой темные заклинания оказываются запряваны очень глубоко...

Я покивала в знак полной солидарности с Зираком. Ривендейл смотрел на меня с изрядным подозрением, будто застукал нас по меньшей мере за организацией заговора по смещению директора Буковца.

— Рекомендую обратиться к магистрам Рихтеру либо Дэнн. Не стоит беспокоить многоуважаемого магистра Назона по таким пустякам... Так какую, адепт Ривендейл, инкунабулу вам приказала найти магистр Ламмерлэйк?

Зирак-младший по шестому разу обметал одну и ту же полку, пунцовые оттопыренными ушами.

Рихтер либо Дэнн... хм...

Темные заклинания проходили определенно по ведомству некромантки. Но соваться к ней мне отчего-то совсем не хотелось, особенно в преддверии очередных докладов. Эгмонт мне тоже не шибко-то нравился, но он доклад уже задал, значит, второго можно было не ждать.

Прикинув все минусы и плюсы, я решила найти Рихтера.

Находиться он мог в сотне разных мест, из которых я знала только два: лаборатория и кабинет. Ну была еще и спальня, но опыт братьев аунд Лиррен убеждал меня в несостоятельности подобного варианта.

Как запикивают слона в одиночный телепорт? По частям. Решив следовать этому немудрящему правилу, я спустилась по лестнице на второй этаж, прикидывая, что окажется проще: спуститься ниже, на первый, и перейти в первый корпус, к лабораториям, или пройти по переходу к кабинету. Проблему решил Хельги: вампир скачками несясь вверх, не иначе как обуреваемый немедленной жадой познания.

— Слушай, ты Рихтера не видел?

— Видел, — отмахнулся брат по разуму. — А что?

— Где?

— В столовой.

Я загрузилась.

— Он что, камикадзе?

— Не ко мне вопрос. — Вампир осторожно попытался вырваться, но я держала

крепко. — Яльга, отпусти, мне в библиотеку надо!

— А чего не по веревке?

— Очень смешно! — не выдержал Хельги. — Сколько можно, мрыс дерр гаст, достали! Ладно, свободен. Я отпустила вампира, и тот мигом улетучился наверх.

В столовой так в столовой. От меня еще никто не уходил.

В столовой, как легко догадаться, было практически пусто. На люстре, меланхолично покачиваясь, висел Афилогет. В таком состоянии призрак больше всего напоминал полупрозрачную тряпку, развешенную хозяйкой на бечевке после мытья полов.

Я повертела головой, отыскивая магистра. Вообще-то я ничуть бы не удивилась, не обнаружив его здесь, — с Хельги случилось бы ляпнуть первое, что подвернулось на язык, лишь бы побыстрее попасть куда нужно. Но вампир сказал правду. Рихтер и впрямь здесь нашелся — за дальним столом, естественно без подноса, зато с какой-то книгой, толщиной мало уступавшей моему свежееобретенному справочнику. Помимо книги при нем имелась чашка, распространявшая окрест изумительный запах отличного эльфийского кофе. Если такой кофе готовят у нас в столовой, то я вампирша-некромантка с четвертого курса.

Впрочем, это не слишком-то меня огорчило. Все, что я любила в кофе, — это его запах. Вкус же... как только можно пить эту горькую пакость?

— Здравствуйте, магистр Рихтер! — жизнерадостно сообщила я, лавируя между столов.

— Здравствуйте, студентка Ясица, — настороженно согласился любимый наставник, не отрывая взгляда от страницы. — Вас что-то интересует?

— Очень интересует. Скажите, вы можете определить, есть ли в предмете темные чары?

Магистр отложил книгу:

— В чем именно?

— В этом справочнике, — положила я на стол свой фолиант.

Эгмонт пригляделся к обложке. Дотрагиваться до нее он не спешил.

— Интересно, — медленно констатировал он, — очень интересно... И где вы, студентка, взяли эту замечательную книгу?

— В библиотеке, — сказала я, ничуть не покривив душой.

Магистр посмотрел на меня с ощутимым скепсисом во взгляде:

— Надо же...

Больше, впрочем, ничего мне сказано не было. Посмотрев на меня еще раз, Эгмонт отодвинул подальше чашку, положил свою книгу на дальний конец стола и, начиная, провел ладонью над шагреновой обложкой.

Я присела на подвернувшийся стул. Дело, как я понимаю, предстояло долгое, а ноги у меня были все-таки не казенные.

...Признаться, по дороге сюда мне пришла в голову одна нахальная мыслишка. Ведь книги по некромантии у меня есть, есть и учебник по общим чарам — отчего бы не попробовать вывести порчу самой? Чего такого там нужно сделать, чтобы я не умела?

Но сейчас, наблюдая за тем, как колдовал Эгмонт...

Нет, я поступила верно. Сама я не сделала бы и половины того, что делал он. Я знала лишь несколько начальных чар, на верхнем, самом простом из уровней, — а этого было мало. Слишком мало.

Какая там самостоятельная работа! Хорошо, если я смогла отдаленно опознать хотя бы четверть использовавшихся заклятий. И то только принцип, основная схема действия — не более того. Остальное же оставалось для меня полной тайной. Я смотрела, как страницы, окутанные фиолетовым сиянием, быстро переворачиваются, открывая все новые слои, и... мрыс дерр гаст... нет, я не смогла бы этого. Ни за что бы не смогла.

Но кроме таких мыслей были еще и иные. Я чувствовала другое: знала, что, каким бы мастером ни был Рихтер, книга не открывалась перед ним до конца. Она не более чем позволяла ему рассматривать некоторую часть из заложенной в нее информации. Некоторую

не самую большую часть.

Это напоминало... хм... наверное, так ведут себя крупные псы на приеме у ветеринара. Держат их, конечно, крепко, но извернуться и цапнуть, если что, они вполне могут. Но рядом стоит хозяйка, и оттого изворачиваться и цапать лучше все-таки не стоит. Потому как дорого выйдет.

И кажется, Рихтер понимал это не хуже меня. Чувствовал, что читает лишь то, что книга разрешает ему читать; в глазах у него, по крайней мере, совершенно не отобразилось удовлетворения от решенной до конца задачи. Не то чтобы эта невозможность выяснить истину до конца как-то раздражала его или он видел в этом урон своей профессиональной гордости, — но не надо было быть дипломированным эмпатом, чтобы понять: мой «Справочник» вызывает у магистра некоторую тревогу. Причем базирующуюся исключительно на том, что не все здесь понятно до конца.

Если ты профессионал, у тебя есть своя слабость. Ты всегда немножко опасаясь того, на что тебя не хватает...

— Чисто, — наконец сказал Рихтер. Он сделал короткое движение кистью, и книга, раскрытая на середине, аккуратно захлопнулась, еще и защелкнувшись застежкой. Я, помедлив, протянула руку, забрала «Справочник» со стола. — Темных заклинаний нет, но...

— Да?

Он помолчал, явно стараясь подобрать нужную фразу.

— Будьте с этой книгой осторожнее. Это все-таки не магия, а чары... Если что-то будет не так, обращайтесь ко мне или к магистру Дэнн. Причем, — он еще раз посмотрел на «Справочник», который я от греха подальше прижала к груди, — лучше все-таки ко мне.

Я пожала плечами:

— Хорошо. Спасибо, магистр.

— Студентка Ясица, — Эгмонт прищурился, глядя мне в глаза, — вы уверены, что взяли книгу именно в библиотеке? Может быть, вы ее... где-нибудь нашли? Или купили в лавке? Если даже и так, то вам ничего за это не будет. Из Академии за такие вещи все равно не исключают.

Правильно, эта экологическая ниша отведена взломщикам твоей лаборатории.

Я пожала плечами еще раз:

— Спросите магистра Зирака.

— На этой книге нет штемпеля.

— Я взяла ее в библиотеке. — Теперь я начинала уже жалеть, что принесла «Справочник» Рихтеру на осмотр. Сейчас у меня ее вдобавок еще и конфискуют, чтобы раздергать по листочку, расчертить тетра-, пента- и гексаграммами и удостовериться-таки в незыблемости собственного профессионализма. Мрыс я смогу убедить Эгмонта в том, что чувствую сама; ну что ж я сделаю, если эта книга моя и ничьей иной быть попросту не может?! — Я знаю, чем опасны магические книги, магистр Рихтер. Но эта... — Я замялась, едва ли не с отчаянием глядя на непроницаемую физиономию Эгмонта. — Эта книга не причинит мне вреда, понимаете?

— Понимаю, — согласился он, и глаза его подозрительно блеснули. — *Вам*, студентка Ясица, она уж точно вреда не причинит.

— На что вы намекаете? — вырвалось у меня. Мрыс, да неужели...

— Ни на что, — после долгой паузы ответил Рихтер. — Я не собираюсь посягать на ваши тайны. Но все-таки будьте осторожнее. Кем бы вы ни были.

— Я могу идти? — с надеждой осведомилась я, нащупав логическую паузу.

— Можете. — Не отводя от меня взгляда, Эгмонт безошибочно нащупал бок своей чашки. Кофе, кажется, давно уже остыл: пар, по крайней мере, оттуда не поднимался.

Значит, книгу у меня все-таки не заберут! Обрадованная, я смылась из столовой, решив не искушать капризную удачу.

«А Марцелл бы у меня ее забрал, — неожиданно подумала я, уже вернувшись к себе и усевшись с книгой на кровать. — Хотя бы для того, чтобы убедиться самому, что может

осилить и вот это. Что для него, крутого профессионала, нет слишком сложных задач и шибко умных студенток. А Рихтер...»

Ладно, мрыс с ним, с Рихтером! Я пошелестела страницами — все они были одинаково пустые — и, решив начать сначала, открыла «Справочник» на самой первой.

На желтоватом пергаменте неспешно проступили темные чернильные росчерки. «Защитные заклинания», — гласил заголовок, украшенный завитушкой; ниже, после узорной буквы, начинался собственно текст.

Вот и славно. Я подоткнула под спину подушку и начала приобщение к высокой науке.

Дня через три я в полной мере оценила свое приобретение. Книга и впрямь оказалась просто изумительная; впрочем, плюсы у нее логично перетекали в минусы, и наоборот.

Во-первых, «Справочник» был книга непростая. Мало общего он имел и с теми бесспорно магическими пособиями, которыми меня регулярно снабжал Эгмонт. В нем была именно та информация, в которой я нуждалась в данный конкретный момент, или та, которая меня просто заинтересовала. Заклинания защиты? Пожалуйста, от первого до последнего знака. Объяснить технику применения этой конкретной чары? Нет ничего проще. История данного приема? Вот, хозяйка, читай с верхнего абзаца. Он был мобилен, как сама магия; с одной стороны, это было здорово, с другой же — назавтра я с трудом могла найти то, что не успела дочитать вчера. Прочитанные страницы менялись, стоило мне перевернуть их; возможно, что таким хитрым методом книга развивала мне память, но лично я его не одобряла.

Мобилен, как сама магия?.. Да «Справочник» и был магия; чары летели с его страниц проще, чем с ладоней магистра VII ступени. Он легко создавал объемные цветные иллюзии, иллюстрировал текст трехмерными изображениями, разворачивающимися прямо в воздухе над страницами. Меня, например, покорила метровая карта, подробно описавшая весь ход боевых действий на Вересковой Пустоши в пятом году от НТ.⁴ Другое дело, что прочими чарами книга пользовалась так же легко; скажем, мне не раз приходилось спасать какой-нибудь очередной учебник, осмелившийся подползти к «Справочнику» на неподобающе близкое расстояние.

Во-вторых, книга и в самом деле избрала меня своей хозяйкой. Этим самым она, конечно, наложила на себя некоторые обязательства, но вполне закономерно полагала, что ничуть не меньшие обязательства сковывают теперь и меня. «Справочник» откровенно ревновал меня ко всей прочей литературе, так и норовя поджечь краешек какой-нибудь злопакой книжки. Особенно почему-то доставалось романам Полин: семь штук погибло безвозвратно, в том числе и два тома из редкой серии «Марианетта и Путята XVII Добрынич». За этими книгами алхимичка гонялась едва ли не полгода. Учебники он откровенно презирал, не считая их достойными моего высочайшего внимания. Библиотечные книги удостаивались полного равнодушия, сборник стихов Лариссы — некоторого уважения. Пару раз я даже видела, как «Справочник» осторожно сдувает с него пыль. К книгам же, выдаваемым Эгмонтом, «Справочник» демонстрировал настороженный нейтралитет. Было видно, что он не одобряет хозяйкиного увлечения столь сомнительной литературой, но личная встреча с Рихтером произвела на него некоторое впечатление. Не особенно пугающее, но все-таки.

После моего строжайшего приказа не трогать прочие книги «Справочник» уgomонился. Я перестала вскакивать по ночам, пытаюсь нюхом определить источник возгорания, но оставлять хоть что-нибудь печатное (ну кроме Чайки и Эгмонтовых книг) в радиусе полуметра от «Справочника» все-таки не рисковала. Нет, теперь он их не поджигал. Движимый заботой о моем просвещении, он ярко обрисовывал книгам, что сделает с ними, если узнает, что они не оправдали высочайшего хозяйкиного доверия и не научили ее, то

⁴ Новая эра, начавшаяся с так называемого Нахождения Тверди — с того дня, когда люди на кораблях причалили к берегам нового мира.

есть меня, всем подобающим вещам. Над корешком плавали устрашающие видения (Полин, кинув однажды на такое вот взгляд, потом долго боялась задувать свечу и оставаться в темноте). Книги взволнованно трепетали страницами. Еще бы.

В-третьих, к Полин «Справочник» не питал никаких добрых чувств. Если Рихтеру он еще позволял себя листать (еще бы он не позволил!), то алхимичку не допускал даже до обложки. Впрочем, та и не рвалась: показательное аутодафе семи любовных романов произвело на нее необходимое впечатление. После этого она перестала пилить меня, убеждая засунуть «эту гадость» под кровать, к сосланным давеча «Основам гаруспициума».⁵ Какое там! А уж притронуться к «Справочнику» Полин не согласилась бы, даже пообещай ей боги в награду немедленную свадьбу с Ривендейлом.

В принципе мне это было только на руку. Например, когда Хельги загорелся: «Яльга, а дай почитать?!» — Полин немедленно конденсировалась рядом. Подхватив вампира под локоток, она вихрем умчала его в угол и там столь ярко живописала «мерзкую штуковину», что вампир вернулся ко мне как будто слегка пристукнутый. На книгу он больше не посягал. Это было здорово, потому что я совершенно не представляла, как стану объяснять Рихтеру, куда делся студент Ульгрем и откуда взялась... ну, скажем, огненная саламандра, которая теперь отзывается на это имя.

Вот так.

Зато учиться мне и впрямь сделалось немножко легче. «Справочник» знал ответы на многие вопросы; сдается мне, он знал их все, но выдавать предпочитал порционно — в педагогических целях. Уважая столь яльголюбивое стремление, я никогда не требовала от книги больше, чем она соглашалась мне давать. Иногда я просто брала ее на руки, не раскрывая обложки, и, точно кошку, поглаживала по корешку. Ей нравилось; откуда-то из-под форзаца несло низкое, басовитое мурлыканье. Полин, однажды заставшая нас за этим делом, обозвала меня фетишисткой.

Но мне, признаться, было все равно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой герои сначала радуются, потом грустят, а после — тихо изумляются друг другу. Плюс к тому здесь звучат заклинания, исчезают указки, маги по очереди впечатываются в стены, а эликсира магистра Рихтера все-таки хватает на всех

На очередном теоретическом занятии по боевой магии нас ожидала неприятность в лице зачета.

Надо сказать, это был не первый зачет в моей жизни — первый состоялся два дня назад, на некромантии, оставив по себе двойственные впечатления. С одной стороны, теоретическую некромантию я знала вполне пристойно, с другой — ласковый взгляд Шэнди Дэнн, скользящий по аудитории, плюс неспешное и какое-то зловещее шелканье нефритовых бусин: некромантка любила перебирать четки... Поэтому, когда снаружи наконец прозвенел звонок, я первая сдала работу и поспешила выйти из аудитории. Некромантия — очень интересная штука, но мы с ней почему-то упрямо не желали понимать друг друга.

Словом, придя на боевую магию и обнаружив на доске крупную надпись «Зачет», я не стала паниковать, а быстренько пролистала конспекты. Как ни странно, практически все, что там было записано, имелось у меня в голове; проведя спешную ревизию скудных запасов знаний по предмету, я слегка удивилась, поняв, что не такие уж они и скудные. Кроме магической экологии и заклинания Щита первой степени я смогла вспомнить как минимум четыре заклинания и два исключения, при которых эти заклинания применять было никак

⁵ Гаруспициум — здесь: наука гадания по внутренностям животных.

нельзя. Еще в голове вертелся принцип Ан-Насира: оптимальная величина Щита равна отношению чего-то к чему-то, но конкретных величин я не помнила. Кажется, в числителе дроби нужно было писать величину резерва, умноженную на постоянную «дэ», а в знаменателе — собственный рост. А может, и нет, ибо с принципиальным Ан-Насиром я познакомилась только вчера вечером, наудачу открыв «Справочник» посередине.

Прозвенел звонок, мы поспешно заняли свои места, и на парте передо мной материализовался небольшой кусочек пергамента. На нем было записано три вопроса. Первый — про экологию, которую я знала, ибо долго зубрила. Второй — про заклинание Щита, только не первой степени, а второй («Опишите действия, необходимые для того, чтобы усилить Щит на одну степень»). Этого Рихтер нам не давал, и я поначалу запаниковала, но через несколько секунд до меня вдруг дошло, что нечто похожее объяснял Фенгиаруленгеддир, рассказывая о простейших принципах построения заклинаний. А моих знаний в принципе вполне достаточно, чтобы провести несложное преобразование. Я прикусила губу, лихорадочно соображая, что надо куда вынести и чем заменить, — начало формулы уже призывно замаячило перед внутренним взором, но тут взор внешний наткнулся на третий вопрос.

«Принцип Ан-Насира: формула, объяснение, обоснование».

Мрыс дерр гаст!

Мы же этого не проходили!..

Рихтер, спокойный как удав, сидел за учительским столом и заполнял журнал практикумов. Я мрачно покосилась в его сторону, но, вопреки моим желаниям, маг не спешил испепеляться. Я сердито посопела, и тут ко мне полез Хельги, забывший что-то из проклятой экологии.

— Яльга, ты... — почти беззвучно начал он; Рихтер, от которого нас отделяло пять метров и несколько парт, тут же поднял взгляд, и вампир мгновенно изобразил бурную деятельность. Я успела заглянуть в его билет — и чуть не взвыла от обиды.

Не сказать, чтобы этот самый его билет был таким уж легким — но рядом с моим его и поставить было нельзя. Первый вопрос про ту самую магическую экологию, второй — описание Щита как заклинания первого класса, третий, посложнее, — оптимальная конфигурация Щита для представителя вампирской расы. Никакими принципами и малопонятными формулами там даже и не пахло; я на секунду зажмурилась, сладко представляя, как за пять... ладно, за десять!.. — минут отвечаю на этот билет, а потом открыла глаза и хмуро окунула перо в чернила.

«Вопрос первый. Магическая экология. Под этим термином в магической науке подразумевается осторожное отношение к продуцируемым заклинаниям. В боевой магии, однако, сие понимается более узко...»

Перо скрипело и разбрызгивало по пергаменту дешевые чернила.

Я дописала билет минут за десять до звонка. Больше всего времени забрала клятая экология: писать там нужно было много, и не формулами, а текстом. С преобразованием Щита из первой степени во вторую я справилась неожиданно легко — спасибо Фенгиаруленгеддиру, после разговора с Эгмонтом взявшемуся гонять меня с удвоенной силой. Вот с Ан-Насиром мне пришлось повозиться. Конкретно формулу я не помнила, хоть ты тресни, — знала лишь, что она представлена в виде дроби. Пришлось выводить, приблизительно представляя, как именно мог рассуждать сей давным-давно почивший чародей.

На то, что получилось в итоге, я старалась не глядеть — в книге формула выглядела совершенно иначе, разве что дробная черта осталась на месте. Но я сделала все что могла и не представляла, что еще возможно изменить. Да и объяснение вышло вполне логичное; я еще раз пробежала его глазами, поняла, что больше ничего умного уже не напишу, и

решительно вышла из-за парты.

Я прошла через кабинет под изумленными взглядами адептов. Наверное, большинство только заканчивает писать второй вопрос, мельком подумалось мне, но потом я решила, что нечего думать о себе так хорошо, а о других — так плохо. Скорее уж народ проверял работы, как это и положено делать разумным студентам.

Рихтер тоже посмотрел на меня чуть удивленно, но терять мне было нечего, и я молча положила свой листок ему на стол. Магистр, тоже молча, взял его и начал читать; я развернулась на каблуках и сделала шаг к своей парте, но тут вспомнила третий вопрос и быстро обернулась обратно.

— Скажите, магистр Рихтер... — Я прищурилась и ткнула пальцем в ответ, помеченный цифрой «три». — Что в этой формуле неправильно?

Приподняв бровь, Эгмонт прочитал формулу и посмотрел на меня:

— А почему в ней что-то непременно должно быть неправильно?

— Ну... — Я досадливо дернула уголок рта. — В учебнике она точно выглядела иначе! Понимаете, я искала ошибку, но так и не смогла найти...

Молча Рихтер взялся за перо. Я внимательно следила за тем, как он преобразует формулу; признаться, я не понимала и половины его действий, но буквы сокращались, цифры выносились за скобки, дробь постепенно меняла вид — и через полминуты магистр выписал на пергамент именно то соотношение, которое я мельком увидела в «Справочнике боевого мага».

— Вот, — сказал Эгмонт, указывая на получившуюся дробь обратным концом пера. — Вы имели в виду это?

Я кивнула.

— В таком виде, студентка Ясица, вы научитесь выводить эту формулу через два года. Сегодня меня вполне устраивают имеющиеся рассуждения... Можете занять свое место.

Я вернулась за парту. Хельги, сопя и покусывая кончик пера, читал написанное. На меня он покосился не без любопытства, но спрашивать ничего не стал, экономя время. И правильно сделал: посмотрев на стенные гномьи часы, Рихтер кивнул и приказал сдавать работы.

Народ потек к его столу скудным и печальным ручейком. Очевидно, вопросы зачета ввергли в тоску не меня одну; успокоившись по поводу третьей формулы, я немедленно начала волноваться насчет второй. Она, конечно, была на порядок проще, но ведь не зря же Фенгиаруленгеддир называл торопливость моим главным недостатком! Может быть, я ошиблась в вычислениях? А может, я перепутала и поставила вместо плюса минус?.. Ой-ой, а когда же нам скажут результаты?

— Результаты будут известны послезавтра, — будто прочитав мою мысль, громко произнес Рихтер. Народ большей частью уже сдал работы, и только Келлайн стоял у стола и в последний раз перечитывал свой текст, никак не желая с ним расставаться.

— Адепт аунд Финдэ, долго вы собираетесь изображать эльфийскую статую?

Устыдившийся эльф сдал работу, и Рихтер, кивнув, собрал все пергаменты в одну пачку. Щелчок пальцев — и она испарилась в неизвестном направлении, а Эгмонт встал и подошел к доске.

Мы посмотрели туда. Доска вообще-то состояла из трех грифельных прямоугольников. Центральный, и основной, был неподвижен, боковые же крепились к нему на таких компактных шарнирчиках и потому болтались относительно свободно. Сия конструкция с недавних пор напоминала мне диспозицию войск князя Ростислава Межинградского перед боем с великим каганом: посредине Основной пехотный полк, а на флангах — легкая конница. Не хватало разве что Передового полка, прикрывающего Основной, плюс Засадного, притаившегося в соседнем лесочке. Впрочем, с Рихтером никакого лесочка не надо было: после него любая засада медом покажется.

Подтверждая сие, магистр открыл обратную сторону левой подвижной доски и вооружился указкой. Там висела какая-то схема, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся

расписанием тем нашего курса по боевой магии. Точная копия того расписания, которое висело внизу, рядом с расписанием лекций на первый семестр. Зачем Эгмонт его сюда притащил?

— Моя основная задача, господа студенты, — негромко заговорил Рихтер, — научить вас боевой магии. Боевая же магия, как одна из опаснейших отраслей нашей науки, требует ответственности и самостоятельности. Здесь вы не обойдетесь заученными заклинаниями и вызубренными алгоритмами. Здесь надо думать и действовать.

Народ молчал, внимая. Речь, начавшаяся с такого вступления, определенно обещала быть интересной.

— Вот завтра вы и займетесь отработкой сих бесценных навыков. Завтра, — Рихтер прокрутил указку вокруг запястья, как шпагу, — у вас будет день самоуправления, традиционное мероприятие, проводимое каждый год в конце осени. Объясняю вкратце, за подробностями обращайтесь к адептам со старших курсов.

Мы с Хельги переглянулись. Из знакомых старшекурсников у меня были только близнецы, но к тем обращаться было бессмысленно: ответ растянется часа на полтора — и то если повезет. Оставалось надеяться лишь на более общительного вампира, который после пари с Ривендейлом начал относиться ко мне с некоторым пиететом.

— Никто не требует от вас невозможного, — продолжал тем временем Эгмонт. — Вам нет нужды думать о том, над какой темой вы станете завтра работать. Для вашего удобства в вестибюле висит замечательное расписание тем по боевой магии для первого курса. Как вам должно быть известно, поначалу оно предъявляет только перечень самых широких тем, каковых всего лишь три. Однако все здесь собравшиеся суть маги, так что проблем возникнуть не должно. Прикасаемся к нужной теме любым предметом, — магистр дотронулся до первой темы кончиком указки, — и произносим нужное заклинание.

Я наострила уши, но Рихтер даже не открыл рта. Секунду спустя прямоугольник с темой замерцал, налился молочным светом, и в воздухе рядом с ним повис другой. Эгмонт щелкнул указкой и по нему; прямоугольник исполнительно размножился, а я загрустила, поняв, что заклинание магистр нам говорить не собирается. Если бы собирался, произнес бы его вслух, а так...

Снова придется выводить самостоятельно.

Рихтер коснулся указкой какого-то знака на четвертом по счету прямоугольнике, и тот исчез с негромким хлопком.

— В общем, методика понятна, — заключил маг, закрыв таким образом все до единого прямоугольники. — Ваша задача — найти тему конкретно завтрашнего занятия и отработать ее в достаточной степени. Прошу учесть, что послезавтра состоится контроль ваших знаний и навыков. Все понятно? — Группа откликнулась нестройным гудением, в котором лично мне послышалась изрядная доля сомнения, но в коридоре бодро прозвенел звонок, и Рихтер закончил: — Можете идти.

Мы смогли и пошли. Следующей по расписанию стояла алхимия, и первым, что бросилось мне в глаза в алхимическом кабинете, было годовое расписание тем по алхимии, висевшее на новехонькой зеленой доске. Смутные подозрения закрались мне в душу — и верно, не успели мы извлечь из сумок учебники и свитки, как из прилегающей лаборантской выпорхнула магистр Эльвира Ламмерлэйк, свежая, тонко накрашенная, с прической по последней эльфийской моде и с длинными, украшенными блестками ногтями.

— Господа адепты, — сухо возвестила она железным голосом, плохо сочетавшимся с прочим воздушно-сказочным образом, — прошу внимание на доску! Моя основная задача — научить вас мыслить самостоятельно. Завтра вы...

«Где-то я это уже слышала...» — обреченно подумалось мне.

Вечером случилось невероятное.

Я сидела на постели, листала «Справочник» и вдумчиво жевала бутерброд с ветчиной, принесенный с кухни доброй элементарью. Полин же, забравшись на кровать с ногами, перебирала какие-то фарфоровые баночки, отличавшиеся друг от друга исключительно

цветом этикеток. Вид у алхимички был счастливый: вот так, наверное, гном перебирает свои сокровища, зная в лицо... то есть в реверс каждую монетку.

— Что там у тебя? — наконец не выдержала я. — Редкие зелья?

— Лучше! — просияла она, подняв на меня просветленные глаза. — Это эльфийская косметика серии «Ясневый лист» — самая элитная, представляешь?

— Элитная? — не поверила я. С эльфийской косметикой я была знакома, разумеется, исключительно понаслышке, но приблизительно представляла стоимость тюбика элитной эльфьей помады. Если продать Полин со всеми скляночками, не наберется и трети.

Алхимичка чуть смутилась, подтверждая правильность моих подозрений.

— Да, элитная! — не без вызова согласилась она. — Элитность, я думаю, не зависит от того, где я ее купила! Элитные дома тоже распродажи устраивают!

— Понятно, — флегматично кивнула я.

Распродажи Полин любила едва ли не больше, чем любовные романы и Генри Ривендейла, вместе взятых. По-моему, это сладкое слово она бормотала даже во сне; впрочем, я могу и заблуждаться, ибо по ночам надо спать, а не прислушиваться к бормотанию, доносящемуся с соседней кровати.

— Да? — подозрительно поинтересовалась соседка. — И что же тебе понятно?

Я промычала нечто неразборчивое, и Полин, напоследок смерив меня взглядом, неожиданно спросила:

— Яльга, а у тебя ведь руки обветренные?

Я посмотрела на оные. Кожа на тыльной стороне кистей здорово шелушилась и шла мелкими красными трещинами: ветра в Лыкоморье были изрядные, а варежки гном-завхоз выдавал исключительно с началом календарной зимы.

— Ну да, а что?

Полин слезла с кровати, нащупала ногами пушистые тапочки и подошла ко мне.

— Вот! — гордо сказала она, протягивая мне фарфоровую баночку с зеленой этикеткой. — Смажь, а мы посмотрим.

— На что посмотрим? — насторожилась я, но алхимичка беззаботно тряхнула челкой:

— На то, как быстро подействует, балда! Стану я на тебе эксперименты проводить, ага!

— Кто тебя знает... — пробормотала я, но баночку все-таки открыла.

Внутри, естественно, был крем — густой, жирный и белый. От него изрядно пахло корицей; стараясь не дышать, я зачерпнула немножко крема и втерла его в кожу, быстро сообразив, как это надо делать. Не знаю, был ли он элитным, но ощущения мне понравились. Если бы еще не запах!.. Вряд ли эльфы, с их чувством меры, бухнули бы в элитный крем столько ароматизатора.

Листать книгу жирными пальцами было как-то нехорошо. Я закрыла «Справочник», подтянула колени к груди и положила руки на них, скрестив запястья. Полин постояла рядом, потом сходила к своей постели, положив на место крем, и вновь подошла ко мне.

— Ой, а что это у тебя за браслетик? — вдруг заинтересовалась она, тыкая в меня пальцем. Я машинально посмотрела на левое запястье; там и впрямь болтался браслет, если, конечно, можно назвать так тонюсенькое металлическое кольцо, снабженное множеством висюлек. Браслет был не серебряный и не железный; сомневаюсь, что в ювелирной лавке за него дали бы больше, чем пару-тройку медных монет.

Но Полин все едино смотрела на него, восхищенно приоткрыв рот.

— Он ромский, да? — замороженно спросила она. — Можно померить?

— Ромский, — со вздохом согласилась я. Честное слово, это было практически правдой! — А вот мерить его нельзя. Я его с руки не сниму.

— А почему... — обиженно начала было алхимичка, но я, дабы не объяснять слишком долго, просто подергала браслет. Достаточно свободно болтаясь на запястье, он застревал на середине кисти, и снять я его не могла по чисто техническим причинам.

— Это такой ромский обычай, да? — Полин без приглашения присела на кровать рядом со мной и начала перебирать подвески. — Монетка, дельфинчик, солнышко, русалка...

месяц, птица... а это что?

— Это? — Я подцепила последнюю подвеску. — Это весы. Что, не видела в лавках?

— Видела, но там они другие... — Алхимичка робко погладила подвеску пальцем и подняла на меня восхищенные глаза. — Это тоже обычай, — почти утвердительно сообщила она. — Весы — знак торговли... вы ведь продаете лошадей?

— Продаем, но не в этом дело...

— А в чем?

Я чуть усмехнулась, глядя в темнеющее окно.

— Весы — знак удачи.

Вскоре окончательно стемнело, и мы легли спать. В комнате здорово пахло корицей: Полин тоже намазала руки своим кремом, сделав это минут через двадцать после меня. Что бы она там ни утверждала про благотворительность, во мне шевелилось некоторое подозрение. Скорее всего, алхимичка просто скомбинировала приятное с полезным, поделившись с обездоленной мною кремом и попутно выяснив, нет ли у него побочных эффектов.

Снаружи всходила луна — желтая и круглая, точно ломоть сыра. Гастрономическая ассоциация явилась удивительно не вовремя: желудок забурчал, намекая, что сон — плохая замена ужину. И вообще, он, желудок, надеялся, что поступившая в Академию хозяйка начнет питаться более сытно и регулярно.

Что я могла ему ответить? В кошельке еще звенели выигранные у Ривендейла золотые, но, во-первых, их было уже на порядок меньше (большую половину я потратила на второй день, увидев в лавке три защитных амулета), а во-вторых... Во-вторых, сегодня мне было некогда даже подумать о трактире, не то что добираться до него. Рабочий день в «Пьяном демоне» был вчера и ожидался послезавтра, а столовая, хоть и работала бесперебойно, не соблазняла и более голодных, нежели я, адептов. Словом, есть хотелось, и с каждым мигом хотелось все больше.

Я перевернулась на левый бок и решительно накрыла голову подушкой, но вдруг услышала тихий шепот элементали:

— Хозяйка, ты чего? Есть, что ли, хочешь?

— Хочу, — мрачно призналась я, вылезая из-под подушки. — Хочу, но нечего.

— Как это — нечего?! — возмутилась флуктуация. — Тебе принести?

— Так тебе же запретили таскать с кухни!

— Ну и что? — хладнокровно спросила элементаль. — Приносить али как?

Я немножко потерзалась совестью, но желудок быстро одержал над ней победу.

— А тебе ничего за это не будет?.. Тогда неси!

Флуктуация пошла волнами и исчезла. Вернулась она через полминуты, и на тумбочку передо мной лег бутерброд с какой-то вкусно пахнущей котлетой.

— Из кого котлета? — на всякий случай уточнила я.

— А я знаю? — пожала элементаль предполагаемыми плечами.

Кажется, некромантии сегодня не было... Это утешало.

Будь я Полин, я бы ела бутерброд маленькими кусочками, орошала его слезами и горько думала о фигуре, погубленной окончательно и бесповоротно. Ибо ночью есть нельзя, это известно каждому читающему женские журналы. Но я была не Полин, так что бутерброд ушел в два укуса; я запила его водой из стоящего на подоконнике кувшина, вытерла руки о подвернувшуюся салфетку и завернулась в одеяло. Все. Теперь я уж точно доживу до утра.

— Спасибо, очень вкусно... — сонно пробормотала я; и уж не знаю, что ответила мне на это элементаль.

Я забыла спросить у Полин, отмечает ли алхимический факультет завтрашний день массовым самоуправлением, но наутро поняла — все вопросы излишни. Из коридора доносился бодрый шум: народ с топотом бегал туда-сюда, взрывались какие-то заклинания, и не успела я разобрать, какие именно, как в дверь ударилось что-то тяжелое, и моя элементаль визгливо закричала:

— А ну смотри, куда прешь, мрыс тебя загрызи!

Полин в комнате уже не было: она исчезла, оставив по себе лишь легкий коричневый аромат. Стараясь не особенно принюхиваться, я быстро оделась, вытряхнула из сумки учебники и запихнула туда «Справочник боевого мага» — на всякий случай, вдруг пригодится! — а после вышла в коридор.

В коридоре было весело — куда веселее, нежели слышалось из-за двери. Народ был бодр, радостен и шумен — adeпты и adeпткi сновали туда-сюда, перекидывались чарами и громко болтали на ходу. Определенно никто не горел желанием что-то там внимательно изучать, и я задумалась, машинально подергивая на браслете тоненькую монетку.

От перспективы провести день как мне заблагорассудится, невольно захватывало дух. Целый день, мрыс дерр гаст, целый день! Без библиотеки, без конспектов, без Рихтера и Шэнди Дэнн... Я зажмурилась, целых пять секунд ощущая практически небесное блаженство, а потом тяжело вздохнула и открыла глаза.

Однажды я уже пришла на боевую магию без малейшей подготовки — и если в тот раз мне повезло, это вовсе не означает, что станет везти и впредь. С удачей не играют даже те, кому она улыбается по праву рождения, — ибо может случиться и так, что та кроха везения, которую ты разменял на медные монетки, могла бы спасти тебе жизнь. Но не спасла... А если говорить понятнее и не тревожить слишком уж серьезных вещей, наш Рихтер — тот еще мрыс, и он уж точно не упустит возможности проверить свежеприобретенные навыки подведомственных adeптов на ближайшем практическом занятии. Кровати же в медпункте жесткие и неудобные.

В общем, подытоживая, не получится у меня ничего с небесным блаженством.

Рассудив так, я отлепилась от стены и прямой наводкой отправилась в вестибюль — ведь именно там висело годовое расписание тем для первого курса.

В вестибюле тоже было довольнолюдно — и находившихся там adeптов можно было смело делить на две группы.

Первая представляла собой веселый поток, курсирующий из одних дверей в другие. Поток то и дело разбивался на более мелкие речки, ручейки и озера, но вся эта масса находилась в непрерывном движении и, то и дело изменяя направление такового, все же не особенно задерживалась здесь. Группу же номер два мое богатое воображение сравнило с камнями, торчащими аккурат посреди потока. Точнее, возле этих самых расписаний тем, аккуратнo вывешенных на длинном стенде. За предыдущие месяцы учебы я ни разу не замечала, чтобы этим расписаниям уделялось такое огромное внимание; камни, то бишь adeпты, по очереди тыкали пальцами в бумажный лист, всматривались в пустой воздух и спешно делали выписки на ладонях и обрывках пергамента. Но все это были старшекурсники, — а перед нашим расписанием не стояло ни единого человека.

Я поспешила исправить эту несправедливость и протолкалась ближе. Расписание тем висело как висело; придирчиво осмотрев его со всех сторон, я не нашла на нем ни единого места, украшенного крестиком и четкой, хорошо различимой надписью: «О благородный маг! Тыкай сюда». Подумав, я ткнула пальцем наугад и с надеждой уставилась на расписание.

Естественно, эффект был нулевым.

Требовалось заклинание, которым вчера воспользовался Рихтер. Я прикусила губу и потерев браслет, пытаюсь прикинуть приблизительную природу открывающей чары; в сумке завозилось и запыхтело, и я, запоздало вспомнив про «Справочник», хлопнула себя по лбу рукой. Ну конечно же! Книга знает все заклинания...

Я торопливо открыла сумку, вытащила «Справочник» и пристроила его на коленке. Тэк-с, чего тут у нас написано... Первые несколько страниц почему-то были совершенно пустыми, а когда я, потеряв терпение, пролистнула сразу несколько страниц, на развороте обнаружилась надпись, сделанная четким стремительным почерком: «Кому много дано, с того много и спросится. Работайте, студентка, солнце еще высоко!».

Невольно ругнувшись, я закрыла книгу и задумчиво побарабанила пальцами по

обложке. На подмогу надеяться не приходилось — за короткое время знакомства со «Справочником» я поняла: если он сказал «нет», значит, второй раз можно даже не спрашивать. Значит, он твердо уверен, что столь легко полученный ответ не пойдет хозяйке на пользу и, вообще, она хозяйка найдет его сама, если даст себе труд чуточку задуматься.

Я задумалась. Процесс затянулся минуты на три; наконец я неуверенно вычертила пальцем в воздухе простенькую руну, после чего несильно ткнула в расписание кулаком. Разумеется, оно никак не отреагировало; я тихонько зашипела и ткнула его еще раз, смутно начиная понимать, что ничего путного у меня не выйдет.

— О, юная дева из странного рода, — заунывно послышалось за спиной. Я недовольно обернулась: чуть зеленоватые, но жизнерадостные близнецы стояли аккуратно за моей спиной. — Чего желаешь ты от сего презренного куска бумаги? Не мнишь ли, будто он окажется разумным и, поддавшись силе твоего обаяния, красоты и магического таланта, возжелает открыть тебе все свои секреты?

Кажется, поняла я, Рихтер все-таки смягчил наказание: в предыдущую нашу встречу близнецы изъяснялись еще длиннее и заковыристее.

— Ну, в общем, вы угадали. — Я посмотрела на близнецов, потом — на палец и тяжело вздохнула: — Я тему ищу, которую завтра проходить будем. У нас же день самоуправления, так?

— Вестимо так! — радостно согласился эльф (по-моему, это был Эллинг). — И что из того, о неразумная юница? Не полагаешь ли ты, что в честь сего знаменательного дня этот предмет сорвется со стены и станцует презренную козерышку, а после сам запечатлеет в Рунах все известные ему заклинания? Поставь светлые боги меня на твое место — мню я, что не был бы столь наивен...

— Узри сие! — Предполагаемый Эллинг воровато оглянулся и вытащил из сумки... указку. Ту самую рихтеровскую указку, с помощью которой магистр вчера раскрывал расписание. Явно пародируя мага, Эллинг изобразил на лице ехидство, прищурился и прокрутил указку на манер рапиры, после чего подбросил ее в воздух, поймал за кончик и с поклоном протянул мне.

Я приняла и немедленно поднесла указку к носу. Эльфы переглянулись, Яллинг покрутил пальцем у виска, но я не обратила на них ни малейшего внимания. От указки пахло магией — остаточной, слабой, практически незаметной, но все-таки она там была. И, значит, был шанс раскрутить заклинание до конца.

— Слышь, дева... — вякнул было чего-то Эллинг, но я молча дернула плечом, и эльф благоразумно заткнулся.

Я прищурилась, беззвучно шевеля губами, потом щелкнула пальцами, подзывая из открытой сумки листок бумаги и огрызок карандаша.

Так. Если судить по запаху, заклинание принадлежит к обычным ключам... ладно, не совсем обычным, а несколько усложненным. Скорее всего, на основной цепи висит парочка радикалов. Ага! Я принялась к указке еще раз, старательно раздувая ноздри, и убедилась в собственной правоте. Радикалы, и, скорее всего, две штуки. Их даже расшифровывать не надо: достаточно просто отнять от основного рисунка чары два элемента. А дальше... дальше все просто, мрыс эт веллер келленгарм!

Карандаш быстро скользил по бумаге; торопясь, я все же старалась работать последовательно, не выбрасывая из цепочки ни единого звена, даже самого простого и ненужного на вид. Как показывал опыт, именно на этом этапе в моих вычислениях поселялись грубейшие и нелепейшие ошибки.

Неожиданно кончик карандаша пошел вбок, прочертив на бумаге кривую неяркую полосу. Я досадливо хмыкнула, разглядывая отломившийся грифель. Ну как же не вовремя, мрыс дерр гаст!

Хотя, с другой стороны... я просмотрела всю цепочку заклинания и поняла, что дописывать осталось не так уж и много. Стоит ли ради двух звеньев бегать в комнату и возиться с ножом? Можно, конечно, попросить элементарь, но не проще ли дочитать

заклятие прямо здесь, доделав его на ходу?

Это, конечно, немножко опасно, но... жить тоже опасно — от этого умирают. Пробежав глазами написанное, я откашлялась, подняла руку и на одном дыхании выпалила заклинание.

Секунду ничего не происходило — потом же в воздухе, чуть покачиваясь, повис белый прямоугольник, обведенный по краю синей каймой. В верхнем правом углу его виднелся красный крестик; припомнив эльфийскую символику, я решила, что тыкать туда покамест не буду. А то кто его знает.

— Ну как? — шепотом спросили из-за спины. — Верно ли твое заклинание, о дева, подобная... хм...

— Ага... — ответила я, не вслушиваясь в дальнейшие изыскания. На вызванном моей магией прямоугольнике виднелась четкая надпись: «Основные боевые заклинания, применяемые на малой и средней дистанции». Так. Это наша полугодовая тема; сомневаюсь, чтобы Рихтер имел в виду именно ее. Да и прямоугольников он вчера вытаскивал штуки три... рассудив так, я смело ткнула пальцем в расписание и повторила заклинание. Ничего не произошло.

Секунды три я ожидала результата, потом, тихо помянув мрыса и всех его многочисленных родственников, уткнулась взглядом в бумажку. Что же я сделала не так? Только что же ведь работало!

— Что скажешь ты мне, о возлюбленный брат мой, — затянул из-за спины эльф. — А знакома ли эта дева со всеми странностями заклинания, с каковым она борется столь отважно, подавая всем пример доблести, упорства и любви к науке?

— Верно, нет... — кратко откликнулся второй.

Прищурившись, я развернулась к близнецам.

— Слушай же сюда, о неразумная дочь человеческая! — Яллинг (по-моему, все-таки он!) назидательно поднял палец. — Заклятие сие есть плод долгих дум наших магистров, а те, вестимо, славятся своей дотошностью, вредностью и... хм... желанием научить вверенного их попечению студента всем тонкостям избранного оным студентом дела... Кхм-кхм! — Эльф закашлялся, отчаянно делая знаки Эллингу. Очевидно, подумала я, проклятию Рихтера не понравилась такая характеристика наших учителей.

— И посему не грей себя надеждой, что одним и тем же заклинанием сумеешь ты распутать весь клубок! — закончил Эллинг, с преувеличенно печальным видом разводя руками. — Да и мы тебе, увы, не помощники на твоей нелегкой и печальной стезе. Ибо — неизмеримо магистерское коварство! — учась на втором курсе, не можем мы и краем глаза узреть расписание курса первого, так как на этот случай имеется особенное закливание. Так что удачной работы тебе, о трудолюбивая девица! — Эльф поклонился, и братья отбыли, напоследок одарив меня сияющими, белозубыми улыбками. Я хмуро помахала в ответ.

Ладно, мрыс с ними... будем переделывать. С тоской посмотрев на висящий в воздухе прямоугольник, я стала прикидывать, с какой стороны тут можно подойти.

Через пятнадцать минут количество прямоугольников удвоилось, еще через некоторое время их было уже четыре. Четвертый, и последний, по-моему, был именно тем, который я и искала. Надпись на нем гласила: «Ударная волна IV — заклинание Эллер-Минца», — и я, рассудив здраво, решила, что более узкую тему придумать сложно. Выписав ее название на клочок пергамента, я поочередно закрыла все прямоугольники и отправилась к расписанию алхимических тем.

Там я работала недолго: принцип уже был понятен, а некоторые изменения в структуре чары проходили скорее уж по ведомству «а так еще интереснее!». Минуты через две клочок пополнился еще одной надписью, и я решительно вскинула сумку на плечо. Надо было идти в библиотеку.

На лестнице, ведущей на третий этаж, народу было немного. Меня обогнал Хельги Ульгрем, торопившийся куда-то по делам; меня он не заметил, я тоже не стала догонять и здороваться. Спокойно дойдя до библиотеки, я постучалась, вошла и заняла свой любимый

стол, стоявший практически у окна.

Снаружи доходили последние дни золотой осени. На березе, росшей как раз под окнами библиотеки, дрожали три или четыре последних листа; небо мало-помалу затягивало тучами, но солнце еще светило из небольшого просвета. Холодало; позавчера я получила у гнома-завхоза теплый плащ, специально предназначенный для выживания в условиях суровой лыкоморской зимы. Ткань, однако, была немногим толще той, что пошла на плащ летний, а мех, оторачивавший воротник, был не иначе как рыбьим — очень ценным и оттого расходовавшимся крайне малыми порциями. Оставалось надеяться только на магию. Впрочем, холод — беда привычная; куда грустнее было то, что день неумолимо катился к солнцестоянию, укорачиваясь каждые сутки. Я плохо переносила ранние сумерки и поздний закат. Но в небесной канцелярии едва ли рассмотрят жалобу Яльги Я., подданной Лыкоморского царства, так что приходится смириться — других вариантов все едино нет.

Подумав так, я положила сумку на свободный стул, извлекла наружу чернильницу и стопку чистых листов и отправилась к Зираку — договариваться на предмет получения учебной литературы.

...Где-то часа через два я отложила перо и помассировала занемевшую руку. И Рихтер, и Эльвира, будто сговорившись, выбрали весьма зубодробительные темы — писать там нужно было столько, что под конец я уже едва могла шевелить пером. Еще больше необходимо было думать, но с этим, хвала богам, таких проблем не возникло.

Я подтянула к себе листы и, пошуршав пергаментом, разложила их на две неравные стопки. Алхимическая была гораздо толще — наверное, у Эльвиры все же сохранились остатки совести и она не стала задавать нам практического задания. Зато и писать по ее предмету пришлось на порядок больше.

По боевой магии же меня ждала и отработка заклинания. Как его там? А-а, «Ударная волна IV — заклинание Эллер-Минца». Зная характер высокочтимого наставника, дешевле выучить с вечера, нежели объяснять наутро, что «я учил, вот ей-богу учил, просто... ну забыл самую малость». Опыта подобных оправданий у меня не было, зато знание людей подсказывало: все едино не поверит, а койки у нас в медпункте жесткие.

Впрочем, это я уже говорила.

Надо было искать напарника: отработать в одиночку схему «удар — защита» не смог бы, наверное, и сам Эллендар Четвертый. Мрыс... я припомнила, с каким энтузиазмом мои однокурсники покидали стены Академии, и поняла, что на помощь мне рассчитывать не приходится. Поймать адепта курсом старше? Во-первых, зачем я ему сдалась, у него свои занятия есть, а во-вторых, это попросту опасно. Вряд ли тем же второкурсникам известны какие-нибудь смертоубийственные заклинания, но все же они знают больше моего. Контролировать же свою силу умеют далеко не все. Отскребай потом себя с потолка в магзале...

Напряженно раздумывая над тем, где мне раздобыть партнера, я перечитала алхимию, просмотрела боевую магию и со вздохом убрала свитки в сумку. Что я могла сделать теоретически — я все сделала. Теперь надо идти и искать такого же фаната для практики...

— До свидания, магистр Зирак!

Я махнула гному рукой, он кивнул, не отрываясь от заполнения какого-то документа. Кому-кому, а вот нашему библиотекарю понятие самоуправления было в корне чуждо. Пустить обормотов-адептов в святая святых, позволив им беспрепятственно выбирать себе книги... Почтенный гном умер бы на пороге библиотеки, не выпуская из рук секиры, но никто не сумел бы посягнуть на святое.

Гномы — они все такие. Если, конечно, это правильные гномы...

Улыбнувшись этой мысли, я поспешила по лестнице вниз.

На лестничной площадке между вторым и третьим этажом стоял огромный фикус. Скорее всего, к фикусам сие растение не имело ни малейшего отношения — лично мне оно куда больше напоминало не в меру разросшуюся пальму, — но с традицией не поспоришь. Фикус — значит фикус. Широкие его листья гном-завхоз еженедельно протирает влажной

тряпочкой; изредка растение цвело, выбрасывая тонкие побеги, увенчанные компактным фиолетовым цветком. За время моего пребывания в Академии я зафиксировала три случая цветения: сдается, растению забыли сообщить, что снаружи наступает зима и всем порядочным цветам полагается чахнуть на корню.

Именно там, у фикуса, я лицом к лицу столкнулась с Хельги. Вновь.

На этот раз меня увидели и узнали.

— Здравствуй, Яльга, — тяжело вздохнув, поприветствовал меня вампир. — Прекрасно выглядишь.

— Спасибо, — нейтрально сказала я. — А вот ты не очень.

— В смысле? — Хельги сфокусировал на мне полный вселенской скорби взгляд.

— Что случилось-то? У тебя вид как у разорившегося гнома...

— Понимаешь... — Вампир вздохнул, взял меня под локоть и, оглядевшись, отвел к окну. — Тут такая история...

Я приготовилась слушать, заранее изобразив сочувствие на лице.

История, надо сказать, была довольно проста — хотя и печальна, этого не отнимешь. Это я в свои девятнадцать лет оставалась одинокой, заменяя страстные поцелуи занятиями по боевой магии. Все прочие девушки были устроены нормально и потому жаждали личной жизни, а иные из них жаждали личной жизни конкретно с Хельги Ульгремом. В последнее время таковых было две, и вампир никак не мог сделать окончательного выбора. Хуже всего было то, что девицы подозревали и о существовании друг друга, и о мучительных метаниях вампира. Естественно, и та и другая желали быть единственной. Прослышав о том, что сегодняшний день объявляется свободным, каждая из девиц заявила, что желает назначить свидание именно на сегодня — и не приведи боги, если она застукнет Хельги с другой! Сообразив, что, какую бы он ни выбрал, зараз лишится обеих подружек, Хельги затосковал. Он объяснил каждой, что жутко занят и прийти, увы, не может, — но даже этим не смог обеспечить себе подлинной безопасности. Хельги срочно требовалась третья девица, свидание с которой смогло бы спасти его отношения с двумя предыдущими. Известно ведь: ничто так не сближает людей вообще, а женщин в частности, как наличие общего врага. Так, против кого мы сегодня дружим?

Вот только место третьей девицы на данный момент было прочно и надежно вакантным. Так что жить Хельги оставалось плохо, но недолго.

Закончив рассказ, вампир печально уставился за окно. Я глянула туда же, но тут внезапно меня осенила мысль — простая и гениальная, как и полагается внезапным идеям.

— Не переживай. — Улыбнувшись, я компанейски хлопнула вампира по плечу. — Ты мне друг?

— Друг, — настороженно согласился Хельги.

— Значит, и я тебе друг! А раз так, я тебя запросто могу выручить. Говоришь, не знаешь, чем заняться?

Вампир смерил меня осторожным взглядом.

— Ну... да, — наконец ответил он.

— Отлично! — Я вновь просияла улыбкой, на сей раз удачно скопировав манеру близнецов аунд Лиррен. — Считаю, что я тебя приглашаю на свидание. Сегодня, через три минуты, в нашем магзале. Будь уверен, дружок, — такого насыщенного романтического свидания у тебя не было и не будет!

Бедный, бедный Хельги Ульгрем!

Я не обманула его ни на гран: свидание получилось настолько романтическое, что вампир с него не ушел, а почти уполз. Магзал был практически пуст; грех было не воспользоваться такой возможностью тренировки — и мы отрабатывали заклинание Эллер-Минца до тех пор, пока за окнами не начало синеть.

Вампир делал попытки уйти раньше, но я, подкрепленная воспоминаниями о первом практикуме, держалась стойко. Мы сделали только один перерыв — для того чтобы сбегать пообедать — и сразу же после него возобновили занятия. Под конец пальцы у меня едва не

сводило, а на обеих коленках прочно поселились синяки. Зато заклинание мы выучили до полного автоматизма.

Уставшая, вымотанная, неоднократно приложенная об пол, но все же невероятно гордая, я вернулась в комнату, пролистала конспект и завалилась спать. Завтра меня ожидал трудный день, даже если не принимать в расчет Эльвиру и ее алхимию.

Кажется, мне снился наш магзал и летящая мне в лицо волна Эллер-Минца.

Назавтра первым уроком была как раз боевая магия — а точнее, практикум по оной. Ругаясь и позевывая, наша группа собралась у дверей кабинета за несколько минут до звонка. Мимо пробежал какой-то эльф, учившийся курсом старше; покосившись на нас, он злорадно улыбнулся, пробормотал что-то про «избиение младенцев» и растворился в ночи: светало все позже и за окнами сейчас стояло что угодно, но только не утро.

Я поежилась, запахнула куртку на груди и обхватила себя руками. Интересно, мелькнула мысль, чем же нам все-таки нужно было заниматься? Эллер-Минцем или все-таки нет? Если я правильно разгадала всю цепочку тем...

По-любому, точный результат я узнаю только минут через пять. Так стоит ли сейчас терзаться неизвестностью, портя себе оставшиеся нервы?.. Рассудив, что не стоит, я привалилась к холодной стене и закрыла глаза.

Где-то далеко-далеко прозвенел звонок, с характерным звуком растворилась дверь. Я открыла глаза и обнаружила, что стою в коридоре почти что в полном одиночестве: последние адепты заходили в кабинет. Отлепившись от стенки, я поспешила туда же.

В кабинете было светлее, но не теплее. Я привычно посмотрела на пол — «дуэльных» черт там не было, значит, проверка знаний и навыков отменялась. Может, ничего не будет, а? Может, сейчас новая тема?

Я поискала глазами Рихтера. Он стоял у доски и держал в руке указку, вызывая у меня стойкие ассоциации со шпагами и дуэлями. Похоже, с облегчением подумалось мне, нас и впрямь ждет новая тема... тут мой взгляд сместился чуть левее, и я едва не застонала. Там висело расписание тем — то самое, магически измененное.

— Господа адепты... — негромко сказал маг, и в кабинете тут же установилась абсолютная тишина. Кое-кто, кажется, даже перестал дышать; проследив направление некоторых взглядов — с указки на расписание, с него на Эгмонта и обратно, — я поняла, что не одинока в своих опасениях. — Итак, вчера у вас состоялся день самоуправления, с чем я вас и спешу поздравить. Теперь можно смело сказать, что вы являетесь полноценными членами студенческого — и любого другого — коллектива. Как вам, конечно, хорошо известно, у нас нет особого праздника посвящения в профессию. У нас вообще довольно своеобразное заведение — и посему в студенты мы посвящаем сообразно его духу. Мы исходили из того, что маг любой специальности, в особенности же боевой маг, есть человек, всегда и везде имеющий при себе мощнейшее оружие. Стало быть, он по определению должен быть взрослым. А взрослый человек — это тот, кто за все отвечает сам.

Послышалось шипение, и на черной доске огненными буквами высветилась последняя фраза. Рихтер, очевидно, не был лишен некоторой театральности — картинка была впечатляющая, ибо буквы оказались огненными в самом прямом смысле. На меня даже плюнуло угольком; я ойкнула, потеряла обожженную руку и злобно покосилась на любимого декана.

Тот тем временем продолжал:

— Никто не доверяет подмастерью портного шить подвенечное платье для невесты царя-батюшки. Конечно, вы должны с чего-то начать. Вчера вы и начали. На этом вступление посчитаем законченным и перейдем к основной части.

Кончик указки коснулся прямоугольника, на котором крупно — отсюда видать — была написана годовая тема: «Применение простейших боевых заклятий». В воздухе тут же возник новый прямоугольник, светящийся голубоватым цветом и обведенный по краю синей рамкой. В правом верхнем углу виднелся маленький красный крестик. Тема изменилась: теперь она звучала как «Основные боевые заклинания, применяемые на малой и средней

дистанции». Еще одно прикосновение указки — в воздухе появляется третий прямоугольник, озаглавленный «Малая дистанция. Заклинания Ударной волны».

Я напряженно следила за метаморфозами. Пока что наши с Рихтером предположения о грядущей теме полностью совпадали.

«Ударная волна IV — заклинание Эллер-Минца», — гласило следующее окно. Я облегченно выдохнула, разжав кулаки. Да! Таки я не ошиблась!.. Не зря мы с Хельги вчера собрали на себя всю пыль в магзале...

— Итак, наша вчерашняя тема.

Рихтер стукнул по этому прямоугольнику, и надпись, померцав, исчезла. Я почувствовала неладное; прямоугольник пошел рябью, изображение как-то нехорошо задергалось, замерцало, но мгновением позже там все-таки высветилось: «Зеркальный метод и его применение к чарам простейшего типа». Наискосок, мелко-мелко, просматривалась бледная надпись: «Факультативно».

— Некоторые особенно наблюдательные адепты могут заметить, что эта тема является факультативной, следовательно — необязательна для большинства студентов. Однако в жизни взрослого человека, в особенности боевого мага, нет места понятию факультативности. Любое знание может оказаться необходимым. Любое незнание может стоить вам жизни.

«Мрыс эт веллер!» — билось у меня в голове. Я плотно закрыла рот, не сомневаясь, что настырная фраза вылетит оттуда при первой же возможности. Мрыс эт веллер, мрыс... что же, выходит, зря Хельги вчера выколотил из меня всю пыль в магзале?!

— Не сомневаюсь, что все вы уже знакомы с этой темой. Ударная волна, вызываемая заклинанием Эллер-Минца, является одним из самых страшных способов атаки. Страшна она тем, что уклониться от волны невозможно ни практически, ни даже теоретически. Есть только два способа отразить такую атаку и, возможно, сохранить себе жизнь. Кто назовет эти способы?

Я не собиралась отвечать, но рот уже свело, Хельги же смотрел на меня с таким отчаянием, что я поняла — народные чаяния совпадают с моими собственными.

— Первый способ — Щит третьего класса. — Из поединка с волкодлачьем фразеологизмом я все-таки вышла победительницей. Или просто Высокая Наука в очередной раз одолела народную мудрость. — Однако это несет в себе определенные проблемы: времени на создание Щита отведено крайне мало, а сил требуется очень много. К тому же, как правило, заклинание Эллер-Минца обычно применяется в конце поединка, как оружие «последнего выбора».

— Хорошо, — покладисто согласился Рихтер. — Второй способ?

Я ткнула пальцем в подергивающийся прямоугольник и нахально зачитала:

— «Зеркальный метод».

Больше о втором способе я не знала ничего.

— Именно так. Ввиду того что времени у вас будет мало, сил же потребуется много — как вам известно из курса общей физики, скорость распространения магической волны в пространстве довольно велика, — последний метод на практике является единственной возможностью защиты. Суть его заключена в его названии. Как поэтично определил сей принцип мой знакомый менестрель: «Не будите во мне моего хомячка, он и так, бедняга, не высыпается». От вас потребуется не сила, но ловкость, скорость мышления и умение находить в действиях противника уязвимые места. Все, что вы должны сделать, — изменить направление волны. То есть переадресовать заклинание, замкнув его на вашем противнике. Этим самым вы лишаете его любого шанса победить: даже если он успеет создать Щит, это станет заклинанием второго порядка и по времени придет вторым. Использовать же зеркальный метод повторно невозможно, ибо заклинание устроено крайне просто. Скажем так, оно одноразового применения.

Народ внимал затаив дыхание, — по-моему, для всех это было неменьшим открытием, чем для меня самой.

— Ну а теперь хватит слов, переходим к делу! — Прикасаясь указкой к красным крестикам, Рихтер поочередно убрал все прямоугольники с темами. На стене осталось висеть прежнее бумажное расписание. — Добровольцы есть? — с ласковой плотоядной улыбкой осведомился магистр. — Ну нет, значит, будут. На сегодня первыми добровольцами назначаются...

Только бы не мы, только бы не мы!

— Вы, студентка Ясица, и... — На мгновение Рихтер завис над невесть откуда взявшимся журналом, а потом, изобразив на лице радость, добавил: — И адепт Ульгрем. Прошу в центр кабинета!

Переглянувшись, мы вышли куда просили. Я застегнула куртку, отметив, что верхняя пуговица болтается на одной нитке, вампир засучил рукава, повозившись с тесемками. Рихтер щелкнул пальцами, и «дуэльные» черты вспыхнули прямо у нас под ногами.

— Действуем следующим образом, — спокойно сказал он. — Один применяет заклинание, другой старается его отразить, используя зеркальный метод. Естественно, вам должно контролировать силу удара. Все понятно?

Хельги кивнул, я выдавила из себя нечто утвердительное.

— Начинайте. — Эгмонт сделал шаг назад, освобождая нам пространство.

— Яльга, чур, я нападаю первый, — быстро сказал вампир.

— Ладно, — прикусила я губу и сосредоточилась. Что там говорил Рихтер? Изменить направление волны, замкнув ее на противнике? Мрыс, но как это сделать?.. Нигде про такое не читала...

Дальше думать было некогда. Отработанным движением — чувствовалась вчерашняя тренировка — вампир вскинул руку и быстро выплел заклинание. Я напряженно следила за его действиями, выжидая нужный момент; на какой-то миг мне вдруг показалось, что невидимые чары сплетаются в руках у вампира такими нитками, образуя странный узор. Помнится, в детстве мы играли в «колыбель для кошки» — берешь веревочку, связываешь в кольцо и плетешь из нее на пальцах...

Хельги выкрикнул заклинание, и я, почувствовав, как ко мне несется его волна, машинально выставила щит. Тут же я вспомнила, что отражать атаку нужно иначе, — и убрала защиту, но отразить и замкнуть уже ничего не успела. Секунда до удара показалась удивительно долгой, и я зачем-то подумала, что у нас «колыбельку» плели не так и лучше бы перекинуть вон ту петлю с правой руки на левую...

В следующий момент волна настигла меня, но настигла как-то странно, задев лишь краем фронта. Не удержавшись на ногах, я изобразила нечеловеческий пируэт, упав назад и набок и чудом успев сгруппироваться. Но мне еще повезло — Рихтера, не ожидавшего атаки и не успевшего защититься, со всей дури впечатало в стену, аккуратно под самым расписанием. Не выдержав такого удара судьбы, расписание тоскливо закачалось на одном гвоздике. Кажется, мельком подумала я, смягчить эту стену Эгмонт не догадался.

Бедный Хельги, сам от себя такого не ожидавший, переводил ошалелый взгляд с меня на магистра и обратно.

Рихтер легко поднялся на ноги, встряхнулся и мигом приобрел прежний невозмутимо ехидный вид. Если бы вот так треснуло меня, боюсь, я бы не встала и на четвереньки, но у Эгмонта запас прочности был явно намного больше, нежели у простых адептов. Впрочем, на лице у него все же появилась некоторая задумчивость: а у кого бы не появилась после твердой-то стены! Глядя на него, я тоже встала с пола и отряхнулась, хотя испортить мою куртку больше нынешнего было практически невозможно. Пуговица, не выдержавшая атаки, валялась возле черты; я подняла ее и сунула в карман, решив, что пришью после занятий.

— Вообще-то мы отрабатываем другой способ защиты, — проинформировал меня Эгмонт. Я кивнула, попутно сдувая с глаз выбившуюся прядь. — Но для первого раза сойдет, видно хотя бы, что заклинание вам известно. Теперь ваша очередь защищаться, студент Ульгрем. Рекомендую внимательно присмотреться к действиям соперника.

Привычным жестом я подняла руку. Вчера мы отработали заклинание до последнего

знака, и теперь пальцы действовали сами, не нуждаясь в контроле со стороны разума. Я постаралась затягивать узлы как можно слабее, понимая, что едва ли Хельги отразит более сильную атаку. Отправляющий жест я проделала и вовсе автоматически; волна легко соскользнула с моих пальцев, а я между тем думала, что на левом локте, верно, останется синяк, а пуговицу я обязательно пришью, только не сразу после занятий, а попозже, вече...

Неожиданно на меня дохнуло магической силой, а в следующий момент что-то тугое и увесистое ударило меня по лицу, садануло под дых, разом вышибив из легких весь воздух, и перед глазами вспыхнули оранжевые звездочки. Не успев сообразить, что случилось, я почувствовала, что лечу, а через секунду врезалась спиной во что-то мягкое. Наверное, это была стена.

Я соскользнула по ней вниз, опустилась на корточки и закашлялась, отчаянно хватая ртом воздух. Он в свою очередь весьма неохотно просачивался мне в легкие: при каждом вдохе ребра болели так, будто были сломаны как минимум в трех местах. Картинка перед глазами плыла и шла цветными сполохами, даром что стенка, которую я поприветствовала головой, была изрядно смягчена. Сотрясение у меня, что ли? Проверки ради я поднесла к лицу руку, растопырила пальцы и попыталась их сосчитать, но сбилась уже на третьем.

— Студентка Ясица? — осведомились сверху, но поднимать голову я не рискнула. — Быть может, вы хотите в медпункт?

— Нет, — выдавила я в промежутке между двумя вдохами. Какой медпункт, должна же я понять, чем именно Хельги так меня шарахнул!

— Яльга, ты как? — проблеял откуда-то помянутый вампир. Я вспомнила про магистра и не стала отвечать подробно. Ругаться при учителях как-никак запрещено.

— Нормально...

— У вас интересное понятие о норме... — Сквозь медленно рассеивающиеся всполохи я рассмотрела, как Рихтер снимает с пояса плоскую фляжку и откручивает с нее колпачок. Подставив оный как мерный стаканчик, магистр начал было капать туда из фляжки, потом покосился на меня и просто плеснул, правда не особенно много. — Пейте.

Я подозрительно понюхала жидкость. Пахло, естественно, спиртом: дураку известно, что половина всех лечебных настоек делается именно на нем. Решившись, я одним глотком осушила колпачок; на вкус жидкость оказалась совершенно омерзительной, но я все же заставила себя ее проглотить.

Еще несколько секунд я сидела в прежней позе, но мысли потихонечку прояснялись. Наконец сполохи исчезли, сменившись редкими золотистыми звездочками; я попыталась встать, и мне это даже удалось, правда, пришлось тут же опереться спиной о стену. Группа, молча сгрудившаяся у двери, глядела на меня с немым ужасом, даже на аристократической физиономии Ривендейла виднелся отблеск сочувствия. Я немедленно представила себя — помятая, зеленая, дышу через раз, а выхлоп отчетливо алкогольный — и выпрямилась, решив не давать герцогу возможности вспомнить про былой шовинизм.

— Вот так, господа адепты, и действует на людей заклинание Эллер-Минца, — произнес Эгмонт, указывая в мою сторону. — Атака была проведена блестяще, и вряд ли студент Ульгрем сумел бы отразить ее Щитом. Вместо этого он довольно успешно применил зеркальный метод. Результат, как мы видим, налицо: противник повержен и ближайшие десять минут колдовать уж точно не сможет. Победителю же, естественно, полагается награда.

Хельги, выслушавший все это с недоверчивым видом, подозрительно покосился на магистра.

— Естественно, — уточнил Рихтер, — лучшей наградой боевому магу является достойный противник.

Вампир, погрузнев, уставился на адептов, явно выбирая среди них партнера для следующей схватки. Достойный? Кто у нас достойный? Мы все примерно на одном уровне, разве что Ривендейл хорош...

— Боюсь, что ваш выбор затянется, — прокомментировал это магистр, подумавший,

верно, примерно о том же, что и я. — К тому же ваши коллеги, студент Ульгрем, противники равные, что в заметной мере обесценивает награду, а это, заметьте, непедагогично.

Договаривая последнюю фразу, Эгмонт начал расстегивать куртку. Хельги, определенно не успевавший следить за полетом мысли любимого руководства, уставился на него во все глаза, а вот Ривендейл, стоявший в первом ряду, кривовато и клыкасто усмехнулся. Он-то все понял — как поняла и я, давно уже сообразившая, что на куртку нашита большая часть Рихтеровых амулетов.

— Вы... вы что, хотите со мной сразиться? — выдавил Хельги, когда Эгмонт встал против него у «дуэльной» черты.

— По-моему, речь шла не о сражении, а о награде, — пожал плечами магистр. — Между прочим, честно заслуженной. Гордитесь, студент, вам позавидует добрая половина боевых магов... Ну или почти половина.

«Интересно, — мрачно подумалось мне, — которая половина: те, кто выжил после схватки с Рихтером, или те, кто все-таки нет? Наверное, последние, ибо у Хельги еще есть некоторые шансы...»

Наверное, сам вампир оценивал их не очень высоко. Сглотнув, он поддернул рукава и уставился на Эгмонта со смесью настороженности и обреченности во взгляде.

Рихтер плел заклинание сравнительно медленно и очень четко, хотя уж он-то точно умел бросать чары практически мгновенно. Я рассмотрела каждую фазу, заметила, что в третьей позиции и впрямь куда удобнее ставить пальцы ближе друг к другу, а не врасстырку, а момент удара угадала секунды за четыре до него. Отразить такую атаку казалось делом не шибко сложным; тут я представила, как стою на месте Хельги, и покрылась холодным потом. Нет, не надо мне таких простых атак! Лучше пускай меня Ривендейл сложно ударит...

Коротким жестом Рихтер отпустил волну на волю. На секунду я увидела ее фронт, потом Хельги как-то бестолково вскинул руки — а еще мгновением позже я поняла, как именно выглядел со стороны мой недавний полет. Красиво. Очень красиво.

Вампира с характерным звуком вдавило в стенку. Когда он рухнул вниз, чудом не поприветствовав пол носом, сверху еще виднелся его отчетливый отпечаток. Правда, стена почти сразу приняла свою прежнюю форму.

Хельги откинулся спиной на стену, попытался вдохнуть и позеленел. Я невольно потеряла собственные, еще изрядно ноющие ребра, Эгмонт же, усмехнувшись, вновь снял с пояса фляжку.

Еще две минуты ушли на реанимацию вампира. Ему прилетело больше, чем мне; ну или просто я оказалась более живучей. Конечно, люди по умолчанию считаются слабее прочих рас, но Хельги у нас был из аристократов, не герцог, конечно, но все-таки. Такая школа выживания, которую пришлось пройти мне, ему не снилась даже в самых жутких предрассветных кошмарах.

Наконец Хельги занял свое место в рядах. К тому моменту туда отковыляла и я; мир перед глазами еще покачивался, но пол уже перестал выворачиваться у меня из-под ног. На нас косились, как на героев, а Куругорм даже показал украдкой большой палец.

— Ну что, — жизнерадостно сказал Рихтер, не торопясь надевать куртку, — теперь, я так понимаю, награда полагается мне?

Народ сбился плотнее. Никто не знал, что именно магистр сочтет наградой, но не приходилось сомневаться, что ничего хорошего этот мрыс не затребует.

— Лучшая награда для учителя есть ученик, рвущийся к знаниям. К практическим навыкам в особенности. Ну, — Эгмонт не торопясь обвел нашу кучку взглядом, — кто из вас желает порадовать любимого декана?

— А зелья-то у вас хватит? — брякнул кто-то из эльфов.

— Не беспокойтесь, студент аунд Дарру, еще останется...

— Это был не я! — хором возмутились оба брата.

Эгмонт прищурился, явно собираясь назначить очередного добровольца (что-то

подсказывало, что им сделается пресловутый болтливый эльф); Ривендейл принял героическую позу и совсем было приготовился шагнуть вперед, но в этот момент кто-то кашлянул и спросил хрипловатым, но подозрительно знакомым мне голосом:

— Магистр, а мне вас порадовать можно?

В мгновенно установившейся тишине я медленно осознала, *кто именно* это сказал, и мне сделалось нехорошо.

— Э-э... — На моей памяти это был первый раз, когда Рихтер не сразу сообразил, что ему ответить. По-моему, маг прикидывал, где именно он ошибся: то ли стенку недостаточно смягчил, то ли зелья мне налил больше, чем надо. Или то, или другое, или одно из двух, как любит выражаться Полин, выбирая между булочкой и пончиком с повидлом. — Студентка Ясица, а может, вам все же стоит порадовать наш медпункт? Вы знаете, там тоже очень любят свою работу...

Если бы он согласился, я бы, наверное, на месте и померла: от ужаса и умственного помрачения, потому как, находясь в здравом рассудке, такого не ляпнешь. Но, встретив сопротивление, я твердо решила бороться до конца. Это что ж такое получается, меня и учить не хотят?!

— Нет, магистр Рихтер, — нахально заверила я, — мне хочется порадовать именно вас! Как наиболее любимого из наставников.

— Ладно, — после паузы произнес маг. — Вставайте к черте.

— С ума сошла... — убежденным шепотом прокомментировали из-за спины.

Я показала назад кулак, адресуя его всем и сразу, и, на ходу разминая пальцы, подошла к своему месту.

— Готовы?

— Да, — твердо ответила я.

Магистр поднял руку и так же четко, как в прошлый раз, начал сплетать чару. Я внимательно следила за движениями его пальцев — и с каждой секундой начинала понимать, что, наверное, и впрямь слишком сильно ударила головой. Потому что, отчетливо различая каждый жест и отдавая себе отчет в том, что этот жест означает, я видела еще и другое. *Нити*. Обыкновенные нитки, сплетающиеся в «кошачью колыбельку», ну или что-то очень похожее.

Я еще раз сжала-разжала пальцы, заставляя себя даже не думать о заклинании Щита. Щитом я этого не отобую... ну же, Яльга, ищи выход!

Разумного выхода не находилось. Рихтер заканчивал сплетать заклинание, сообразно и «колыбелька» приобрела почти законченный вид. Впрочем... какая-то она была неправильная; приглядевшись, я поняла, что одна из нитей лежит не на своем месте. Терять мне уже было нечего, и я, вспомнив, как получилось с Хельги, решила дать волю инстинктам. Потянувшись к Рихтеру, как учил Фенгиаруленгеддир, я быстро сняла «колыбельку» на свои руки и перекинула петлю с большого пальца на средний. При этом обнаружилось, что один из узлов был завязан крайне небрежно; решив, что и великие имеют право на ошибку, я подтянула его как должно и вернула «колыбельку» хозяину.

Все это заняло не более чем два удара сердца. Я моргнула — и поняла, что и впрямь неслабо приложила головой (ну или эликсир оказался крепче, чем думалось). Никакой «колыбельки», разумеется, не было. Вместо нее на меня неслась волна Эллер-Минца, а я не успевала не то что воспользоваться зеркальным методом — кто б его знал как! — но и просто выставить банальную защиту.

Эгмонта не зря называли сильным магом — если его заклинание и было волной, то однозначно только цунами. Перед глазами вдруг ясно встали надгробный камень, еловый венок и надпись «Любимой ученице от скорбящего учителя», написанная золотыми буквами на черной ленточке. Возле надгробия лежал букет алых роз и две чахлые гвоздички.

Волна встала передо мной, и я торопливо вдохнула, помня, что в следующий раз мне это удастся не скоро, — это если вообще удастся, мелькнула непрошенная мысль. Но внезапно я почувствовала, как фронт волны стремительно смещается обратно, к источнику,

скажем так, возникновения.

На лице Эгмонта, обыкновенно пренебрежительно-невозмутимом, отразилась удивительная смесь чувств. Я разглядела там совершенно неожиданную в такой ситуации радость, более объяснимую досаду и что-то еще, запрятанное достаточно глубоко, понять которое у меня не вышло. Более того, я готова была поклясться, что Рихтер отчетливо произнес: «Мрыс эт веллер!» — может, он еще чего хотел сказать благоговейно внимающим ученикам, но времени у него не осталось.

Нет, его не впечатало. Его просто смыло, если уж продолжать аналогии с военно-морской тематикой. Смыло так же легко, как прибой смывает с песка крохотную ракушку.

Сомневаюсь, что Рихтер думал сейчас столь же образно и поэтично. Скорее уж минуты полторы он вовсе ни о чем не думал. Если бы вот так приложило меня, давешнее видение смело можно было бы счесть пророческим; мне слегка лицемерно подумалось, что магистра, конечно, жалко, но себя, если что, было бы куда жалче. И вообще, нечего его жалеть! Тоже мне педагог: мыслимое ли дело — беззащитных студентов такими мощными заклятиями травмировать!

А если бы я не сумела его отразить?!

Рихтер, к которому никто так и не осмелился подойти, заворочался на полу и сел, нащупав за спиной стенку. Глаза он открывать не спешил; вместо этого уже привычным жестом открутил колпачок и выкушал из горла как минимум пол фляжки.

— Однако, — уважительно выдохнул гном Снорри.

Очевидно, зелье подействовало как надо. Магистр потряс головой, открыл глаза и с некоторым трудом сфокусировал на мне взгляд. Рассматривал он меня с весьма нехорошим исследовательским интересом, как будто наблюдал подобное в первый раз. Я поежилась. А может, он чего себе сломал? Как-никак человек уже немолодой, все бывает... Аккуратнее надо быть, аккуратнее!

— Студентка Ясица... — Голос у Эгмонта был хриплый — складывалось впечатление, что и ему удастся дышать с трудом. — Я, конечно, и раньше знал, что коварство и притворство составляют суть женской природы, но никогда не встречал столь совершенный экземпляр. Каким, несомненно, являетесь вы. Я лично буду ходатайствовать в КОВЕН... — Тут он закашлялся, а я зажмурилась, представив, каких размеров меня ожидает персональная стипендия. Волшебное слово «ходатайствовать» в сочетании с прозаическим, но весьма могущественным «КОВЕНом» сулили мне немалую удачу.

Увы. Через минуту я поняла: пифией мне не быть, ибо ни одно из последних предсказаний не сбылось.

— Я лично буду ходатайствовать в КОВЕН о том, чтобы вы обучались по плану, составленному... хм... сообразно вашим способностям. Ибо бездействие, как и безнаказанность, развращают.

— Чего? — пискнула я, обретя голос.

Но дальше объяснять мне не стали. Эгмонт, цветом изрядно напоминавший Хельги, сел более основательно и посмотрел на адептов.

— Полагаю, главная цель урока достигнута, — сообщил он. — Все могут быть свободны.

Дважды повторять ему не пришлось. Сообразив, что до звонка осталось еще минуты три свободного времени, мы скопом кинулись к двери. Но она распахнулась сама собой, и на пороге встала Белая Дама... ой, то есть магистр Дэнн! — как всегда, собранная и решительная. На обоих ее запястьях я заметила железные браслеты с непонятными рунами и темными камнями — сто шансов из ста, что это были мощные амулеты. За некроманткой виднелась алхимичка: магистр Эльвира Ламмерлэйк, как всегда на шпильках и с макияжем, сжимала в наманикюренных коготках маленькую дамскую сумочку. Маленькая-то она, конечно, маленькая, но в точно такой же кожаный баульчик Полин безо всякого труда запихивала половину своей косметички, не прибегая к помощи пятого измерения. На вопрос, как это все туда помещается, девица беспечно отвечала: «Маленькая женская тайна!» — и

решительно затягивала шнурок.

Завершал процессию директор Буковец, привычно маячивший где-то сзади.

— Адепты могут быть свободны! — заявила алхимичка, некромантка же просто посторонилась, и мы с облегчением покинули кабинет.

Отойдя от кабинета на достаточное расстояние, я тут же завертела головой, разыскивая Хельги. Надо же было разобраться, как он меня стукнул и как я в свою очередь приложила Рихтера. Все эти ниточки-тесемочки... ненаучно это звучит, мрыс дерр гаст!

Как назло, вампира не было видно: кругом стояли сплошные эльфы (их, по-честному, было всего-то три штуки, но эльфы всегда производят впечатление маленькой шумной толпы). Келлайн дергал меня за рукав, Келефин махал рукой у меня перед носом, а Куругорм с блеском в зеленых глазах выпытывал, как именно я ухитрилась вот так шандарахнуть самого непобедимого Рихтера.

— А я знаю? — беспомощно ответила я, но это ничуть не удовлетворило эльфа.

— Знаешь! — сурово сказал он, невольно напомнив мне своего легендарного тезку. — Все ты знаешь, Яльга, только скрываешь. А ну делись профессиональными секретами!

— Цеховая тайна! — пискнула я, но юридически подкованный Келефин только хищно прищурился:

— Слышишь, братец? Эта индивидуалистка совершает натуральное преступление. Отказывается раскрыть цеховую тайну юным коллегам! И что мы с ней сделаем?

— Отдадим на опыты Шэнди Дэнн, — широко улыбнулся Келлайн, еще крепче вцепляясь в мой рукав. — А то в столовой давно ассортимент не обновлялся...

— Ага, — хмуро сказала я. — Вот ты и обнажил всю глубину своей злодейской натуры!.. Да говорю же, сама не поняла как! Просто там... ну...

— Что — ну? — хором спросили Перворожденные.

Я чуть замялась:

— Ну... как вам сказать... — Все трое смотрели на меня, как паства на пророка, и мне стало страшновато. Невольно я разозлилась и вырвала рукав у Келлайна из пальцев. — Еще раз за руку схватишь — тебя так же приложу! — Эльф тут же спрятал руки за спину, а я, поняв, что другого выхода нет, продолжила: — Короче, так! Когда он заклинание плел, я увидела... ну пускай будет — магическое поле. Так ведь нам, кажется, Фенгиаруленгеддир объяснял?

— Слушай, как ты это произносишь? — поразился Келефин, но на него шикнули и показали разом два кулака.

— Только я не как в учебнике видела, не сферу, а... — Я замолчала, безнадежно глядя на эльфов. Как же им объяснить, чтобы поняли? У них, наверное, кошки и колыбельки вообще логически не увязываются...

— Ну-ну дальше? — жадно спросил Куругорм. Кажется, ему тоже не терпелось кого-нибудь вот так приложить.

— Вы такие веревочные штуки плели? — Я подняла руки к груди и пошевелила пальцами, изображая, как скидываю или завязываю петлю. — Ну знаете, еще вдвоем иногда играют...

Несколько секунд эльфы смотрели на меня одинаково недоумевающе, а потом Келефин просиял и ткнул брата локтем в бок:

— Горме, помнишь, у нас в Златолисте? «Тигр, укладывающийся в тени ясеновой кроны»? Ты меня еще научил, ага?

Где в Златолисте видели тигров, да еще и под ясенем, неизвестно. Но Куругорм только досадливо хмыкнул, явно не горя желанием обсуждать детские эльфийские игры.

— Ладно, Яльга, мы поняли, — нетерпеливо сказал он. — При чем здесь заклинание?

— При том! Когда Рихтер колдовал, я видела заклинание в виде такой вот плетенки. Там нужно было поменять одну нитку... — Я не успела договорить до конца.

Братья переглянулись. Хмыкнули.

— Тигр, говоришь? Укладывающийся, говоришь?

Что-то они недоговаривали, но это-то как раз было привычно: аунд Дарру часто общались отрывочными фразами, понятными только им двоим. Обменявшись сияющими взглядами, братья встали в боевую позицию у противоположных стен коридора. Народ брызнул в стороны, я тоже поспешила уйти с линии огня; в глазах у эльфов горел нешуточный энтузиазм, и им явно не было никакого дела до техники безопасности и запрета на применение чар в коридорах.

— Только узлы сильно не завязывай! — успела крикнуть я, вспомнив рихтеровскую «колыбельку». Разумеется, меня никто не услышал; закусив губу, Куругорм быстро выплел чару, и несколько мгновений спустя она уже летела через коридор.

Келефин быстро вскинул руку, проделав пальцами странное движение — будто переставлял местами какие-то мелкие детали. А в следующий момент ударная волна резко скосила куда-то влево, где-то жалобно зазвенело выбитое стекло, еще более жалобно завопил какой-то адепт, я же прижалась к стене, прочувствовав каждую ее выпуклость и впадинку.

А еще через минуту я поняла, как невероятно мне повезло. Дело в том, что изначально я заняла кусок стены с превосходным обзором и достаточно приличной степенью безопасности. Сама не знаю зачем, я почти сразу передвинулась левее, откуда и видно было хуже, да и прилететь могло в случае чего изрядно. Выгодное место, покинутое неразумной мной, естественно, тут же заняли; счастливчиком оказался не кто иной, как вампир по имени Логан.

Когда волна не понять с какого перепугу изменила нормальную траекторию, она ударила как раз по тому месту, где изначально стояла любимая я. Теперь меня там уже не было, но Логану от этого легче не стало. Свернув клубочком, его швырнуло вдоль по коридору; вампир покатился по гладкому полу, мощенному черным мрамором с голубыми прожилками — совместная гордость директора и завхоза, — и затормозил аккурат перед раскрытой дверью покинутого нами кабинета. Там, обеими руками держась за косяк, стоял Рихтер — все еще зеленоватый, но вполне жизнеспособный. Элементаль, высунувшись из двери, заботливо поддерживала хозяина под локоток.

В коридоре стало тихо. Келефин и Куругорм совершенно одинаково приоткрыли рты, Логан, не рискуя поднимать голову, быстро-быстро отполз в сторону, по стеночке же поднялся на ноги и ретировался, затерявшись в толпе адептов.

Молчание Рихтера можно было трактовать по-разному, но ничего хорошего оно уж точно не предвещало. Даже элементаль поспешила спрятаться в косяк, даром что ей-то наверняка ничего не грозило.

Из-за плеча Эгмонта выглянула Шэнди Дэнн. В коридоре разом стало еще тише, хотя прежде казалось, что тише уже попросту некуда.

— Энтузиазм ваших адептов, коллега, заслуживает одобрения, — задумчиво сказала некромантка, и те студенты, которые стояли дальше, сочли за благо незаметно исчезнуть, пока она не завершила мысль. — Можно сказать, он прямо пропорционален вашему. Сие похвально, весьма похвально. Но все-таки не стоит забывать о правилах общежития. Вряд ли кому-то понравится, если мои ученики начнут отрабатывать заклинания в коридорах... — Она помолчала и закончила, обводя нас жестким взглядом: — Особенно если учесть, что экспериментальный материал находится в активной фазе преимущественно по ночам! Так что давайте лучше будем взаимно вежливы, это гораздо выгоднее.

Возражающих не нашлось. Рихтер, после знакомства со стеной изъяснявшийся куда короче, по-простому махнул рукой, и мы быстро отправились на лекцию к Фенгиаруленгеддиру. Как бы трудно гном ни изъяснялся, у него было на порядок безопаснее.

Позади процессий тащился вампир Логан, поочередно потирая ушибленные места и вполголоса ругаясь по-гномийски. Я с интересом прислушивалась, но нового пока ничего не открыла.

Ну а вечером...

Вечером в магзале было не протолкнуться.

А потом пазимник как-то разом взял и кончился.
Точнее — случился Савайн.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой различными способами воспеваются старинные традиции. Речь также идет о праздниках, мгымбрах и магистрах бестиологии; попутно выясняется, что гулять ночью по женскому крылу порой бывает чревато, а хорошо смеется тот, кто смеется последним

Снаружи, за окнами, падал мокрый снег; я мрачно смотрела во двор, водя пальцем по цветному стеклу. Стояла погода, на мой взгляд, самая мерзкая из всех возможных — я как-никак родилась в иных краях, где осень была не в пример ласковее и теплее. За время, проведенное в не шибко-то и северном Лыкоморье, я так и не сумела привыкнуть к здешним холодам. Зима всякий раз начиналась для меня неожиданно.

Вот и сейчас — еще полторы недели назад на улице стоял пазимник, листья мирно желтели и краснели, расцветивая школьный двор этими двумя колерами. Эльфы только вздыхали, глядя, как гном-завхоз, ругаясь в бороду, сметает всю эту красоту в кучу и после испепеляет ее единой искрой. А в прошлое воскресенье с севера подули ледяные ветры, мигом содравшие с деревьев всю оставшуюся листву. Небо затянуло серым, оттуда немедленно повалил снег — белый и пушистый, вызвавший у эльфов очередные неумные восторги. Я утешила себя мыслью, что этот снег — первый, а значит, растает через пару дней.

Ага, держи карман шире! Ни мрыса он не таял, только еще больше валил из туч; к пятнице он уже лежал такими славными сугробами, а в ночь на субботу разыгралась самая настоящая, хотя и маленькая, метель. Она так стучала в запертые ставни, что Полин стонала во сне, невнятно бормоча что-то вроде: «Ну хватит долбиться, заходи уже!»

А сейчас был вечер, и была суббота. И было тридцать первое пазимника, испокон веку отмечавшееся в Лыкоморье под благозвучным названием Савайн.

Откуда в почти поголовно словенской стране вдруг взялось заграничное празднество — знают одни только боги. Хотя... иностранцев здесь тоже всегда хватало, даже и из людей — почти все наши магистры были родом из Западного Края, а иные даже и из Западных Земель. Про эльфов, гномов и вампиров, так и быть, промолчим. Уже который год Словенское Общество било в набат, утверждая, что страна вот-вот сгинет с политической карты, оставив после себя лишь горстку истинных лыкоморцев да кучу иноземных проходимцев. Утверждалось также, что проходимцы эти спят и видят, как бы окончательно подорвать оплот лыкоморской государственности; иные доброхоты из Общества даже пробрались к царю, высказав ему на личной аудиенции все, что думали касательно исторического пути державы. Царь, говорят, отнесся к доброхотам с прохладцей: еще бы, иноземцы жили здесь не первый век, а держава все еще стояла. Это еще вопрос, кто исчезал — чем больше иностранец жил в Лыкоморье, тем меньше, собственно, в нем и оставалось иностранного. Лыковку хлестали по крайности так, как делать это умеют только подлинные аборигены. Да и потом, ни один царь не терпит, когда ему начинают советовать, как лучше. Наш так в особенности...

Все это нам рассказал магистр истории, многоуважаемый волхв Легкомысл. Сам он, понятно, тоже входил в Общество, а судя по тому, сколь рьяно отстаивал его идеалы, то запросто мог принадлежать и к доброхотам-цареискателям. Историю он вел всеобщую, но упирал на то, что Лыкоморье есть единственный и истинный свет в окошке у прочих нехороших стран. Чужое он недолюбливал, чужаков — тем более. Говорили, что на экзаменах Легкомысл валит всех, кто не сумеет доказать свое лыкоморское происхождение до двенадцатого колена без шпаргалки. Но я не боялась: во-первых, внешность у меня, за

исключением глаз, была чисто лыкоморская, а во-вторых, волхв предпочитал не трогать наш факультет. Несмотря на имя, он был весьма дальновиден и с Рихтером связываться не рисковал.

Даром что тот тоже был чужеземец.

Однако вернемся к Савайну.

Может быть, занесли его в Лыкоморье странствующие рыцари, сильно уважающие новенькое. Может, придворные дамы, любительницы всего экзотического, тем более жутковатого. А может быть, праздник пришел сам, так сказать, по культурному обмену, ибо в Западных Землях вот уже который год гадали, откуда там взялся словенский Семик. Неважно, в общем, откуда он взялся, — главное, что он был.

И теперь вся Академия разбрелась кто куда: иные по комнатам, иные по трактирам — отмечать столь радостное событие. Особенно радовались некроманты. «Профессиональный праздник!» — картинно ухмылялись они, нежно поглаживая изображение какой-нибудь торжествующей нежити.

Боевые маги в лице Хельги тоже не теряли времени даром. Насколько я знала, он с Анжеликой де Моран, его давешней пассией, с которой они то сходились, то расходились, собрались в какой-то из приличных городских трактиров, где предполагались концертная программа, заезжие менестрели и прочие атрибуты праздника.

Да и алхимичкам было полное раздолье. Это я узнала пять минут назад, когда меня изгнали из моей же комнаты. Взамен меня Полин привела туда подружек, которые мигом занавесили окна, зажгли вонючие свечи и вытащили из карманов кучу гадательных атрибутов. Зеркала сняли со стен, установили под углом; в тазик пустили плавать ореховую скорлупку; из рукава извлекли колоду карт, и вот уже какая-то вампирша с горящими глазами слушала мрачный рассказ про бубнового валета, злую трефовую даму, спровоцированную последней дальнюю дорогу и маячащий в конце таковой казенный дом.

Все это мне пересказывала элементарь, с удовольствием наблюдавшая за разыгрываемым спектаклем. Говорила она хорошо, красочно, но мне все-таки надоело; оставив ее наслаждаться бесплатным цирком, я отправилась бродить по полупустой школе.

Говорят, в эту ночь по небу ездит Дикая Охота. Вот только мало кто в нее верит — разве что в провинции, подальше от многоопытной столицы. Сегодня будут гулять всю ночь напролет... что за беда, если утром кого-нибудь недосчитаются?

Ну, меня-то фэйри точно не тронут. К заразе зараза не пристаёт. Подумав, я завернулась в плащ и пошла к выходу, собираясь отметить праздник «Под пентаграммой».

На улице было мерзко — я не ошиблась, там стояла классическая погода на Савайн, то есть дул ледяной ветер, поднимавший в воздух с сугробов колкую снежную пыль. Мой плащ сдался без боя, и я промчалась по улице с рекордной даже для меня скоростью.

Окна нашего трактира гостеприимно светились в темноте. Я прибавила скорости — ветер поднимался все сильнее, и я не без оснований испугалась, что замерзну прямо здесь. Что поделаешь, за все то время, сколько живу в этой стране, холод остался единственным, к чему я так и не смогла привыкнуть.

В трактире было тепло, светло и непривычно пусто, — видно, предусмотрительные горожане, не один год живущие бок о бок с адептами и не раз становившиеся предметом чьего-то магического воздействия, благоразумно праздновали Савайн в каком-нибудь другом месте. За дальним столом сидела, правда, целая компания гномов, успевших назюзюкаться до боевого состояния. Оттого гномы то и дело алчно поглядывали на дверь. На меня воззрились с большой надеждой; надежда, впрочем, тут же улетучилась, едва я была опознана как девица. Мне даже сделалось немного обидно. Ну и что, что девица, зато сам Генри Ривендейл, существо однозначно к девицам не причисляемое, не рискует лишней раз со мной сразиться!.. Нет, я, конечно, не хотела нарываться на драку, да и вряд ли бы меня хватило на то, чтобы уложить всех гномов штабелями, — все равно нечестно, что даже Хельги, почти всегда уступающего мне на занятиях, принимают за куда более опасного противника!

Хотя, с другой стороны, на меня работал элемент неожиданности.

— Яльга? — вопросительно окликнули меня с ближнего стола.

Я обернулась. Там, почему-то не замеченный мной с порога, сидел рекомый Хельги в компании с пузатым кувшином. Вид у обоих был серьезный и вдумчивый: похоже, они не собирались расставаться до тех пор, пока окончательно не удовлетворятся друг другом. Судя по тому, что меня все-таки узнали, момент расставания был еще далек.

— А ты тут что делаешь? — поразила я, подсаживаясь на свободный табурет. — Я думала, ты в городе, с Ликки...

— Да-а, поссорились мы, — махнул рукой вампир. Помолчав, он пунктуально уточнил: — В восьмой раз.

Я уважительно приподняла брови. Хельги всегда везло на амурные похождения (симпатичный, мужественный, общительный, на подарках почти не экономит), поэтому большая часть всех адепток начинала хихикать, едва он показывался на горизонте. При таком шикарном выборе, казалось бы, у вампира не должно было возникнуть никаких проблем; тем не менее он раз за разом наступал на одни и те же грабли, забывая, что самые эффектные адепки по совместительству являются и самыми стервозными.

— Тебе налить? — мрачно предложил Хельги, приподнимая кувшин за горлышко.

Я отрицательно мотнула головой. Стакан все одно был один, из горла пить не хотелось, да и вообще, чем-чем, а шикарным ассортиментом качественных вин наш трактир никогда не отличался.

Хельги не особенно огорчился. Он щедро набулькал вина в свой стакан и приподнял его, показывая, что пьет за мое здоровье. Я кивнула, невольно поведя носом. От стакана распространялись такие мощные сивушные пары, что я сделала вывод: отказалась я не зря. Пить такое способны одни лишь вампиры с их наследственной толерантностью к алкоголю.

— И чего там новенького в Академии? — с любопытством спросил Хельги, отхлебнув из стакана. Вид у него — понятно, не стакана, а вампира — был не такой уж и несчастный; судя по всему, вселенская тоска, вызванная уходом любимой, успела наскучить Хельги до зеленых лепреконов. Теперь его энергичная натура требовала деятельности.

— Да все как обычно, — пожалала я плечами, откинувшись к стене. Кажется, я начинала потихоньку отмерзать, по крайней мере, скудный мех опушки уже не стоял колом, а висел мокрыми сосульками. — Адепки гадают, адепты жизни радуются... между прочим, не одни, а в компаниях. — Я многозначительно покосилась на кувшин.

— Давай порадуемся в компании, — покладисто согласился Хельги. Он прилично глотнул из стакана, потом рывком поставил его на стол и уставился на меня загоревшимися глазами: — Стоп, Яльга, у тебя что, есть какая-то идея?!

— Да нет пока что, — с сожалением сказала я. — Это вон Полин все заранее продумала. Она и алхимички там чего-то мудрят, ну знаешь, с зеркалами и свечками. Жгут траву какую-то, вонь стоит на весь этаж...

— А-а, — протянул вампир. — А я слышал, кто-то даже чучело василиска спер: мол, на нем гадать сподручнее...

— Чучело? — недоуменно повторила я. — Нет, про такое я еще не слышала... Чучело... Чучело! Хельги, ты гений!

Кабинет бестиологии — это вам не лаборатория Эгмонта. Заклинаний на ней не имелось, охрана производилась исключительно бдительной элементарью. Бдительная-то она бдительная, но все замковые элементарии давно уже знали меня в лицо.

Эта не была исключением. Для порядка поворачив себе под нос (или под то, чем у них нос заменяется), она все-таки согласилась открыть нам дверь. На Хельги покосились с большим подозрением: известно, что элементарии весьма чувствительны к малейшему запаху спиртного.

— Слушай, почему они все тебя слушаются?! — восхищенным шепотом спросил Хельги, когда дверь закрылась за нашими спинами.

— Им тоже хочется приключений, — мрачно объяснила я. Существовал определенный

риск, что элементаль бессовестно за нами подглядывает, чтобы потом разболтать это своим товаркам (или товарам?! Кто его знает, какого пола эти элементали?). В таком случае ни о каком элементе неожиданности не приходилось и думать. Опять-таки просить элементаль сохранить творимое в тайне — все одно что подписать себе смертный приговор. В этом случае она стопроцентно не сможет сдержаться, чтобы не разболтать секрета по всему замку.

Отдав должное моим способностям взломщика, Хельги моментально забыл про них и с деловым видом заозирался по сторонам. Подумав, я сотворила в ладонях небольшой пульсар, озаривший кабинет мертвенным зеленоватым сиянием. При таком освещении чучела выглядели еще внушительнее. В стеклянных глазах у ближайших словно бы даже зажглись нехорошие огоньки.

— Которого берем? — деловито спросил Хельги, разрушая сложившееся было впечатление. — Может быть, «хомячка»? — Он кивнул на ближайшее чучело.

Я придиричиво посмотрела туда же. Чучело было небольшое, можно даже сказать — чучелко; чешуя у него была зеленая (на круглых щеках — чуть желтоватая), носик остренький, хвост длинный и кольчатый, как у настоящей крысы. Хвост мне понравился — то есть, конечно, НЕ понравился, но для наших целей — самое то.

Хотя, с другой стороны, хвостом его достоинства и заканчивались. Зубки у него были мелкие, когтей вообще не имелось, и больше всего оно напоминало именно гигантского хомяка, за какой-то надобностью обросшего чешуей. Его хотелось не пугаться, а пожалеть, может быть, даже поставить памятник — как жертве неудавшегося магического эксперимента.

— Не-эт, слабовато, — категорично помотала я головой. Рассыпавшаяся коса перелетела с плеча за спину. — Ищи кого-нибудь покрупнее.

Вампир покосился на меня с некоторой скептичностью.

— Да я и этого с трудом подниму, — с сомнением сказал он.

— А мы разве не маги? — парировала я. — Если что, и слевитировать сможем...

Говоря так, я изрядно погрешила против истины. Левитацию мы еще не проходили, эта тема начиналась только во втором семестре. Но от меня можно было ожидать всякого, поэтому Хельги ограничился вторым скептическим взглядом.

Мы прошли дальше, потом разделились. Чучел здесь было много, одно другого внушительнее. Иные из них вполне годились на задуманную роль; но это было не то, все они уже фигурировали в каких-то историях, да и вообще, я с самого начала представляла все по-другому.

— Ну что, как поиски? — донесся глуховатый голос вампира откуда-то слева.

— Пока никак, — негромко ответила я. Дверь, конечно, была закрыта, но кто его знает — вдруг мимо понесет какого-нибудь не в меру бдительного магистра? Нет, оно, конечно, так, и нас все одно в итоге поймают, так сначала мы хотя бы успеем претворить задуманное в жизнь...

— Я тут нашел пару кандидатов, — так же негромко сообщил вампир. — Если ничего лучше нет, выберем из этих.

— Ладно, сейчас осмотрю последний ряд...

Я вышла из-за чучела зверя тигруса, ехидно скалившего длиннющие клыки. Посмотрела вперед — и чуть не заорала от ужаса: зеленоватое свечение пульсара выхватило из полумрака оскаленную чешуйчатую пасть. Пасть недвусмысленно ухмылялась, являя миру загнутые на сабельный манер зубки. Зубки были немалые и внушали заочное уважение. Маленькие прищуренные глазки рассматривали меня с явным гастрономическим интересом.

При жизни — рассматривали бы. Теперь от бывшего монстра осталась только шкурка, тщательно обработанная нашим старательным бестиологом.

Так, интересно, а это у нас что такое?

Я нагнулась, чтобы рассмотреть табличку. При свете пульсара, опустившегося до уровня моего виска, я прочла аккуратненькую надпись: «Мгымбр чешуйчатый обыкновенный».

— Хельги, иди сюда! — От радости я даже забыла про всякую конспирацию. — Я его нашла!

— Да ну! — обрадовался вампир. С присущей их нации загадочностью он возник в окрестном полумраке. В свете пульсара его волосы казались не белыми, а зеленоватыми.

Я приглашающе махнула рукой, другой при этом тыкая в мгымбра.

Вампир посмотрел на тыкаемое. На его физиономии отразилось плохо скрываемое разочарование.

— Это же мгымбр, — огорченно сказал он. — У нас таких в Ульгрене было навалом... Они травоядные, я на них пару раз охотился. Мясо ничего, вкусное...

— Травоядные?! — возмутилась я. Судя по мгымбровым зубкам, охота вполне могла иметь место, только роли в ней распределились бы несколько по-иному. — А когти тогда ему для чего?

— Землю он ими раскапывает, — пояснил вампир. — Ну там всякие травки-корешки ищет... Да ты что, Яльга, его у нас даже ребенок не испугается! Да он еще и тяжеленный, я такого и поднять не смогу!

Я было задумалась, но природная изобретательность мигом взяла верх над доводами рассудка.

— Ребенок, говоришь, не испугается? — Я улыбнулась той фирменной ведьминской улыбкой, от которой Полин всегда бросало в дрожь. — Храбрые дети у вас, я погляжу...

Договаривая последнюю фразу, я начала красноречиво разминать пальцы.

Иллюзии у меня всегда получались на славу. В этот же раз я постаралась особенно — у меня был неплохой стимул, да и вид Хельги, восхищенно осматривавшего творимое, только подстегивал и без того не в меру активную музу.

Мгымбр в моем исполнении потерял половину своей первобытной жути, взамен получив аналогичное количество благоприобретенной. Черную чешую я, подумав, заменила на зеленую, пустив по ней желтые, оранжевые и красные разводы. Сочетание получилось яркое и запоминающееся. Глазки из просто темных сделались красными (потом, подумав, я сменила цвет на нежно-голубой, решив не использовать штампы). Прежде круглые зрачки вытянулись по вертикали, а комплект клыков пополнился еще одной парой, идею которых я сперла у чучела тигра, молчаливым упреком маячившего неподалеку.

По совету Хельги я подняла мгымбра с четырех лап на две. Удлинила коротковатые передние, добавила длины и коготкам, прежде не слишком-то заметным. Предложение выкрасить когти в радикальный сиреневый цвет было обдумано и отвергнуто за ненужность. Вместо этого я увеличила мгымбру глаза, попутно изменив разрез на миндалевидный, и снабдила их длинными пушистыми ресницами. Мгымбр приобрел некоторую толику обаяния.

Учитывая, что ростом ящер вышел под два с половиной метра, я немножко уменьшила мгымбровы масштабы. Теперь он стоя был на полголовы выше Хельги, который в свою очередь был на голову выше меня.

Отступив подальше, я довольно осмотрела сделанное. Мгымбр получился знатный, чем-то он стал смахивать на тех дракончиков, которых рисуют на некоторых открытках. Особую пикантность образу придавали ресницы. Подумав еще немножко, я добавила мгымбру и крылышки — маленькие, зато перепончатые и голубые в нежно-розовый горошек, как любимый пушистый шарфик у моей соседки по комнате.

— Психоделика какая-то, — с заумным видом прокомментировал Хельги.

— Не ругайся, — отмахнулась я.

Теперь оставалось самое серьезное. Мгымбра следовало оживить.

Такое получалось у меня редко, да и сил требовало немало. Не приведи боги, всплеск магической активности привлечет сюда бдительного Эгмонта — тогда еще вопрос, чьи именно чучела станут украшать этот кабинет. Сегодня, конечно, праздник и все такое, но я изрядно сомневалась, что это хоть что-то изменит. По крайней мере, вряд ли Рихтер уже успел назюзюкаться до невменяемости.

Я зажмурилась и, не открывая глаз, сделала несколько быстрых шагов.

Энергия во мне рванулась вверх, точно шампанское из бутылки в тот момент, когда нетерпеливый отмечающий выдергивает пробку. Ладоням вдруг стало очень-очень горячо; а в следующий момент все вернулось на прежнее место.

Первое, что я увидела, открыв глаза, — это любопытную физиономию мгымбра.

Вообще-то под оживлением я подразумевала совершенно другой эффект. Типа там иллюзия начинает двигаться, слушаться хозяина и прочее (см. «Учебник общей магии», с. 94). Но ни на помянутой странице, ни в любом другом месте не говорилось ни слова о реальном *оживлении* иллюзий. Обычно через них можно было запросто пощупать стенку — на ощупь они напоминают замковые приведения.

Чисто машинально я протянула руку и пощупала мгымброву морду. Морда была теплая, чешуйки — мягкие, общее впечатление очень даже осязаемое. Мгымбр покосился на мою руку, я спешно отдернула ее обратно.

— Ты вообще кто? — ляпнула я.

Мгымбр задумался, хлопая ресницами.

— Мгымбр, — наконец уверенно сказал он. — А ты кто?

— Яльга, — представилась я, в спешном порядке выходя из ступора. — А вот это Хельги, он у нас вампир. — Указанный вампир смотрел на мгымбра во все глаза.

— Натурально вампир?! — не поверил мгымбр.

— А то! — обиделся Хельги, мигом выходя из оцепенения. Он оскалился, демонстрируя клыки; мгымбр подошел поближе и, не стесняясь, замерил показанное двумя когтями. Потом оскалился сам и измерил собственный левый клык — другой, пока еще свободной лапой.

— Мои длиннее, — триумфально заявил он. — А еще пугали: вам-пи-иры, вампи-иры... Да у нас таких даже ребенок не испугается!

Хельги обиженно засопел. Я широко и надеюсь, что искренне, улыбнулась, разыскивая выход из положения: чего доброго, вампир еще полезет в драку.

Выход нашелся сам собой. Мгымбр жадно принялся, обходя Хельги стороной; изо рта у него высунулся тонкий длинный язык, который, впрочем, мигом промелькнул обратно.

— А выпить у нас нету? — жалобно спросил он. — Праздник все-таки...

Хельги посмотрел на него очень неприветливо. Если искомая выпивка у него и была, меньше всего он был расположен ею делиться. Но мгымбр смотрел так жалобно, что вампир не выдержал. Он полез в какой-то внутренний карман и вытащил плоскую фляжку.

— Держи уж, чудо магического искусства, — буркнул он.

Мгымбр благодарно кивнул и присосался к фляжке. Внутри жалобно булькнуло, а через секунду ящер уже отстранился от горлышка. Он шумно выдохнул в сторону — в воздухе моментально повис густой запах винного погреба.

— Неплохо, — снисходительно сказал мгымбр. Он побултыхал фляжкой, прислушался к тихому побулкыванию, доносящемуся изнутри, и грустно закончил: — Только мало.

— А ну дай сюда! — не поверил вампир. Он встряхнул фляжку, заглянул внутрь и с немым уважением уставился на мгымбра.

Тот изобразил на морде донельзя жалостливую гримасу:

— А поесть у нас нету? Типа там на закуску, а?

Вампир смерил его недоверчивым взглядом.

— Ну есть, — наконец согласился он. — Так ты же все одно это есть не станешь...

Весь мгымбров вид пламенно утверждал обратное.

— Ладно... — смирился Хельги. Покопавшись в недрах своей легендарной куртки, он извлек небольшой сверток, от которого на сажень разило чесноком.

«Запасливый, однако, попался вампир», — машинально восхитилась я. И чеснока не боится...

Интересно, а с серебром у него как?

Внутри свертка обнаружился порядком зачерствевший бутерброд с куском чесночной

колбасы. Сверху сиротливо прилипла неизвестно откуда приبلудившаяся веточка петрушки.

— Вот, — сказал вампир, протягивая мгымбру бутерброд. — Но ты же ведь все равно травоядный...

— Травоядный, — радостно согласился мгымбр, слизывая с морды веточку петрушки. Бутерброд исчез, точно и не бывало; я даже не успела заметить движения, каким мгымбр засунул его себе в пасть.

— Во-от... — Я наставительно подняла палец. Хельги посмотрел на него с некоторой опаской. — «Травоядные, травоядные»... всеядный он, вот что!

Вампир ошалело кивнул.

Сам же мгымбр тем временем обшаривал взглядом окрестности.

— А больше у нас ничего нету? — робко спросил он. — А то уж больно кушать хочется... да и согреться там, праздник ведь...

— Есть, — заверила его я, заново переключая на себя его внимание. — До мрыса еды и выпивки. И веселье прям ключом бьет. Пошли девчонок пугать! Там и едой разживемся...

Мгымбр многообещающе сощурился:

— А далеко идти?

— В соседний корпус, — махнула я рукой, указывая направление. — Через пять минут будем.

Ящер потерял лапы. Хельги уже закрутил фляжку и теперь прятал ее обратно, чуть слышно ругаясь себе под нос.

— Ну что, мы идем? — осведомилась я, дабы организовать мою маленькую армию.

И мы пошли.

Элементаль, увидевшая нас в комплекте с мгымбром, от изумления подавилась длиннющей нотацией, специально подготовленной ею по поводу взлома бестиологического кабинета. Я буквально слышала, как она силится вытолкнуть особенно ребристое слово, накрепко застрявшее в глотке, — выражение не фигуральное, элементарно по жизни тесно связаны со словами. Будь у нее глаза, она бы, наверное, их вытаращила.

— Это еще кто?! — приглушенно выдохнула элементаль, когда мы были уже в коридоре, метрах в трех от двери.

— Мгымбр, — отрекомендовался мгымбр.

— А... э... кгхм...

— Чего это оно так, а? — обеспокоенно спросил ящер, едва мы вышли за пределы слуховой досягаемости. Он нервно покосился на дверь через плечо: — Может, мгымбров не видело?

— Сомневаюсь, — серьезно сказал Хельги. — Да, кстати, а зовут-то тебя как?

Мгымбр задумался.

— Не знаю, — тоном ниже ответил он. — А что?

— Не положено так, — пояснила я. Мгымбр смотрел подозрительно, так что я постаралась добавить в голос побольше официальности и серьезности. — У всех должны быть имена. Я Яльга, он Хельги, ну там кто еще? Девица одна, ее Полин кличут...

— А элементаль? — подозрительно уточнил мгымбр.

— Элементаль... хм... — Я задумалась. Ни разу не слышала, чтобы кто-то называл их по именам. — Но ты же ведь не элементаль! — Тут же нашлась я.

— Давай ты будешь Грендель! — обрадованно предложил вампир. Он только-только закончил читать какую-то книжку, даденную одним из некромантов, — кажется, книжка была северная, сам-то некромант был из фьордингов. Теперь Хельги, с его вечной страстью к практической пользе, обдумывал, к чему бы применить прочитанное.

— Гр-рендель... — попробовал слово на вкус мгымбр. — А что это значит?

Вампир честно пожал плечами.

— Ладно, пусть будет. — Мгымбр великодушно махнул когтистой лапой. — Ой, а это еще кто?

Я вздрогнула, сообразив, что во время беседы забыла смотреть по сторонам. Мрыс дерр

гаст, кто же нам попался? Хорошо, если адепт, — уговорим идти с нами, а если магистр? Особенно Эльвира, Белая Дама или, не приведи боги, Эгмонт?

Все эти мысли пронеслись в моей голове со скоростью, как минимум превышающей скорость звука. После чего я сфокусировала взгляд.

Перед нами стоял магистр бестиологии Марцелл Руфин Назон. Стоял он не слишком-то крепко, слегка пошатываясь, — то ли от избыточного рвения в деле отмечания Савайна, то ли от внезапного стресса в виде чешуйчатой зеленой физиономии. Был он бледен, глаза имел раза в два шире обыкновенного — в зрачках я увидела отражение всей нашей скульптурной группы.

Да... уж. В центре таковой располагалось странное зеленое существо, в котором сейчас и больший специалист, чем наш учитель, не опознал бы исходного мгымбра. Существо застенчиво моргало, с каждым выдохом исторгая из пасти сивушные пары. Левой лапой оно поддерживало Хельги, дружески приобнимая того за плечи. Правая ласково обхватывала мою талию — и когда это мгымбр, интересно, успел ее туда водрузить?

— Добрый вечер, — машинально ляпнула я.

— Здравствуйте, — не менее машинально вырвалось у Хельги.

Мгымбр приветливо улыбнулся и распахнул лапы для объятий. Магистр совсем уж побледнел и кучкой рухнул на пол.

Мы столпились вокруг как консилиум у кровати больного. Опытный Хельги пощупал пульс, объяснив, что люди — существа нервные, могут от испуга и помереть. Бестиолог даже в бессознательном состоянии оказался на редкость вредным и не пожелал доставить адептам подобную радость.

— А шел-то он, между прочим, от алхимичек... — глубокомысленно сообщил вампир.

Я задумалась. В самом деле, коридор, в котором мы пересеклись, вел только в одном направлении.

— Что делать-то будем? — выразил общую мысль мгымбр.

— Может, нюхательные соли? — неуверенно предложил Хельги. — Яльга, ты девушка, у тебя есть?

Я посмотрела на вампира как на умалишенного. Он поспешно отодвинулся.

— Какие такие соли, — пробурчал под нос мгымбр. — Фляжку ему под нос сунуть, всего-то и делов!

— Фляжку? — Хельги отступил и от мгымбра, настороженно присматриваясь к его движениям.

— Ну да, фляжку, — подтвердил свежепоименованный Грендель. — Я там на доньшке оставлял на всякий случай... или ты уже вылакать успел?

— Спокойно, мальчики, — поспешно сказала я, видя, что Хельги медленно начинает закипать. — Никто никого не хотел обидеть... Хельги, давай сюда фляжку.

Вампир посмотрел на меня мрачным проникновенным взглядом. Я пожала плечами и указала на свернувшегося в кучку преподавателя. Что ж мы, не поможем человеку?

— Ладно, держите, — буркнул Хельги, по второму разу вытаскивая из внутреннего кармана куртки просимое.

Я протянула было руку, но мгымбр оказался быстрее. В мгновение ока открутив крышку, он нахально вручил ее мне, сам же склонился над поверженным бестиологом.

Преподаватель бестиологии медленно приходил в себя. В воздухе пахло чем-то умопомрачительно вонючим. Вонючее было отчего-то знакомым; через несколько секунд напряженного обдумывания магистр припомнил, что именно так пахла какая-то штука, которую ему совали под нос в медпункте лет двенадцать назад, когда он был еще адептом и потерял сознание на первом же уроке некромантии.

Простонав что-то невнятное, преподаватель открыл глаза.

Перед ним мгновенно замаячила чья-то зеленая морда. Присмотревшись, бестиолог определил, что морда сплошь покрыта мелкими чешуйками всех оттенков — от изумрудного до малахитового. На морде имелись два глаза нежно-голубого цвета, снабженных хищными

зрачками, вытянутыми по вертикали, и длинными пушистыми ресницами. В глазах бестиолог увидел нахальный блеск.

— И чего ты такой нервный? — спросила морда. — На-ка вот, выпей... праздник все-таки, все люди как люди, все отмечают, всем весело, а мы чем хуже?..

Под нос несчастному магистру ткнулась какая-то фляжка. От нее-то и исходила та печально знакомая вонь.

Плохо соображая, что делает, бестиолог взял фляжку в трясущуюся руку и сделал несколько глотков. Глотку тут же обожгло чем-то неопишимо крепким, и он закашлялся. Владелец зеленой морды дружески похлопал магистра по спине.

— Ну что, давай знакомиться? — жизнерадостно предложил он. — Я мгымбр, зовут Грендель. А ты кто?

Не сообразив, что ему следует ответить, бестиолог ошалело посмотрел по сторонам. Взгляд его, секунд пять пометавшись по коридору, наткнулся на знакомые лица. Светловолосый вампир — кажется, Хельги Ульгрем? — смотрел на него квадратными глазами; рядом с предполагаемым Ульгремом стояла молоденькая адептка с длинной растрепанной рыжей косой, перекинутой через плечо. Выглядела она здесь самой невинной, но магистр не обольщался: он отлично знал, что зовут девицу Яльга Ясица и это о ней иногда рассказывает коллега Рихтер.

— Ты что, по-лыкоморски не понимаешь? — озабоченно спросил мгымбр. — Эй, приятель, тебя как зовут? Вот смотри, это Хельги, это Яльга, а ты кто?

— Мы знакомы, — деревянным голосом ответил магистр.

— О-о, есть контакт! — обрадовался ящер.

«Вот они, издержки профессии», — философски подумал бестиолог. Все приличные люди напиваются до зеленых лепреконов. Только он один ухитрился упиться до зеленого мгымбра...

Жуткая, но спасительная мысль вдруг осенила его. Дрожащим пальцем магистр с надеждой ткнул в физиономию мгымбра; физиономия была теплая, шершавая и очень реальная. Уже обреченно бестиолог прикусил губу, почувствовал боль и окончательно уверился, что не спит.

— Нервный какой, — ошарашенно констатировал мгымбр. Магистр, который совсем было очнулся, заново валялся на полу. На лице его застыло выражение неизбежного ужаса. — Нервный, а не дурак: выпивку-то всю вылакал...

— И чем мы его теперь в себя приводить будем? — поинтересовалась я.

Мгымбр задумчиво посмотрел на Хельги. Хельги отрицательно качнул головой. Мгымбр не отводил взгляда, и вампир, не выдержав, возмущенно заорал:

— Что я вам, алкаш какой-то?!

— Что ж мы, здесь его оставим? — огорчилась я. — Не люди мы, что ли?

— Нет! — в один голос возразили Хельги и мгымбр.

— Потому и не оставим, — пояснил вампир. — Это вы, люди, жестокие, а мы добрые. Бываем, — помолчав, уточнил он. — Иногда.

— Когда спите зубами к стенке, — обиделась я.

Впрочем, меня уже не слушали. Мгымбр, не особенно напрягаясь, взвалил Марцелла на плечи. Теперь он выглядел особенно зловеще — точно тащил добычу в логово на предмет торжественного ужина. Новому образу не мешали даже крылышки и ресницы.

Я посторонилась. Мгымбр, демонстративно покряхтивая, опять вышел в коридор. Хельги на манер впередсмотрящего прошел вперед. Вампир двигался прямо, как по ниточке, что наводило на некоторые сомнения; мгымбр, напротив, чуть пошатывался (всякий раз он восстанавливал равновесие взмахом голубых, под цвет глаз, крылышек). Я шла замыкающей, скрестив все имевшиеся в наличии пальцы за то, чтобы никому из магистров не приспичило вылезти в коридор. По мне, нам и одного-то много... к тому же я изрядно сомневалась, что Шэнди Дэнн или Эгмонт последуют примеру собрата-бестиолога.

А если и последуют, то нести их будет уже некому.

Что в нашей комнате идут гадательные действия, по сложности не уступающие боевым, было понятно еще на подходах к этажу. По лестнице стелился темно-серый дым; он выглядел в точности как обычный, я даже не заподозрила бы колдовства, вот только обычный дым поднимается к потолку, а не ползет в пяти сантиметрах от уровня плинтуса. В воздухе пахло растопленным воском, жженой бумагой и на редкость вонючей травой — кажется, из запаса Полин.

В коридоре было темно и тихо, только из-под нашей двери светилась узкая полоска. Приблизившись, мы разобрали и таинственный шепот, складывавшийся в не слишком-то членораздельные слова. Таким манером бормочут деревенские знахарки, честно пытающиеся впарить клиентке заваренный веник под видом приворотного зелья.

По мере приближения слова делались все разборчивее, чтобы в конце концов сложиться во фразу:

Ряженный-суженый,
Приходи ко мне ужинать!
Кто в эту дверь сейчас войдет,
Тот сердце мое навек заберет...

Услышав такой гостеприимный призыв, мгымбр просто не смог не откликнуться. В два прыжка достигнув заветной двери — прыжкам не помешал даже магистр, мешком свисавший с мгымброва плеча, — ящер распахнул ее на всю ширину.

Выжидательная тишина сменилась на мертвую. Выглянув из-за широкого мгымброва плеча, я увидела, что в комнате стоит загадочный полумрак, окна занавешены чем-то жизнерадостно-черным, а единственную свечу — толстую, витую, розовую с золотом — сжимает в руке Полин, стоящая посреди комнаты. В другой, свободной от свечи, руке она держала тарелку с горкой собственноручно выпеченных, как и требовалось по обряду, плюшек — надо думать, это и был обещанный ужин. Похоже, что гадала сейчас именно она. Увидев плюшки, я невольно содрогнулась. Бедный суженый... если, конечно, таковой отыщется в природе.

— Ну что, девицы? — громко спросил мгымбр, сверкая голубыми очами. — Заждались, поди, кавалеров-то?

Девчонки завизжали, подхватываясь с мест. В принципе я отлично их понимала. Еще бы, вместо ожидаемого Прекрасного Принца (на худой конец, Генри Ривендейла) на огонек явилась такая веселая процессия: зеленое чудище с неподвижным — явно уже бездыханным и готовым к употреблению — магистром на плечах, симпатичный вампир Хельги (как перед таким не повизжать?) и я, не столь симпатичная, зато совершенно непредсказуемая. Словом, еще секунда — и в комнате воцарился полный хаос.

Мы с Хельги довольно переглянулись. Примерно такого эффекта я и ждала.

Однако мгымбр и здесь показал себя героем. Ввинтившись в гостеприимно распахнутую дверь — закрыть ее то ли по дурости, то ли по расчету никто даже не попытался, — он первым делом сгрузил бестиолога на подвернувшуюся кровать. Кровать, к счастью, была не моя, а Полин. Сам же ящер развернул такую бурную деятельность, что нам с Хельги оставалось только переглянуться еще раз.

Через пять минут был восстановлен относительный порядок. Алхимички, боязливо косясь на мгымбра, столпились вокруг магистра; тот подергивался и стонал, выдавая нечто нечленораздельное, так что его мигом опознали как живого.

Выполнив прямой врачебный долг, девицы мигом потеряли к пациенту всяческий интерес. Народ вспомнил про гадание; на мгымбра уставилось с два десятка оценивающих глазок. Тот невинно похлопал ресницами и улыбнулся во всю пасть.

Девицы захихикали.

— А он миленький, — застенчиво признала Полин. — А может, он кушать хочет?

— Хочет, — мрачно ответил Хельги. Глазки тут же уставились на него. — И покушать,

и выпить... он такой, он не откажется...

— Ну а мы что, отказываемся? — едва ли не обиделась алхимичка. — Иди сюда, зелененький...

И понеслось.

Мгымбра усадили за стол, на самое почетное место. По стулу выделили и нам с Хельги; впрочем, про нас забыли практически сразу — мгымбру мы явно были не соперники. Народ сгрудился вокруг Гренделя; девицы наперебой угощали его яствами собственного изготовления, пододвигали кубки с ядреной лыковкой (помнится, Эльвира так и не нашла, кто именно из ее подопечных соорудил соответствующий аппарат) и умиленно вздыхали, глядя, как мгымбр опустошает одно за другим все близстоящие блюда.

Грендель (его мигом переименовали в Кренделя, заметив за ним особую любовь к десертам) мел все, до чего дотягивался. Он ничуть не опасался за фигуру — еще бы, все магические существа преобразуют белки, жиры и прочее в энергию магического же свойства. Как ни странно, в девицах он возбуждал какое-то подобие материнского инстинкта; мало-помалу все алхимички уселись вокруг него, подпирая щеки кулачками и с умилением приговаривая: «Кушай, лапочка, у нас еще осталось». Его поглаживали, расцеловывали — на чешуйчатой физиономии оставались цветные помадные следы — и даже жалели, правда непонятно за что.

Полин, судя по лицу, прикидывала, стоит ли доверять проведенному гаданию. Выходило, что стоило; теперь она сосредоточенно пыталась понять, кому именно из вошедших предстоит похищать ее несчастное сердечко. Меня отмели сразу, по вполне понятным причинам. Магистра — чуть попозже и с некоторым сожалением: что уж подделаешь, в дверь он не вошел — в дверь его внесли. Оставались только Хельги и мгымбр. Выбор надлежало делать между ними.

Мгымбр оказался чуть ближе. Полин с замиранием сердца поднесла мгымбру плетенку с плюшками собственного производства. Мгымбр съел плюшки не моргнув и глазом, чем мгновенно расположил к себе чувствительное сердце Полин. Когда же он робко спросил, нет ли у нее еще, Полин растаяла, как масло на сковороде. То, что она готовила, есть не могла даже я, с моим суровым бродяжьим прошлым. Мгымбр был первым, кто мало того что съел даденное до последней крошки и не отравился, так еще и возжелал добавки. Подозреваю, он был не столько первым, сколько единственным.

Девицы то и дело выбегали в коридор. Понятно, что ни одна из них не могла удержаться, чтобы не разболтать потрясающую новость подружкам; вскоре в нашу комнату набилось столько народу, что пришлось подключать пятое измерение.

Мгымбр сидел весь зацелованный и сосредоточенно двигал челюстями. Я была уже сыта, Хельги тоже; вампир алчно оглядывался по сторонам, так и норовя поймать любую из пробегающих мимо адептов. Ему, даром что он был и не мгымбр, тоже перепало от щедрот: глазки у вампира разъезжались, ножки почти уже не держали, а на лице имелось как минимум с десяток отпечатков помады разного цвета.

Вскоре к девичьей вечеринке присоединились и парни. Кто-то сообразил включить заклинание с записью последнего концерта «Баньши»; музыка заорала на полную мощность, народ отправился танцевать. Старшекурсники в срочном порядке расширяли пространство. Хельги ухватил сразу трех девиц и отплясывал с ними что-то невероятное. Самым невероятным во всем танце было то, как вампир и девицы ухитрились стоять на ногах. Мгымбр вылез из-за стола, ухватил Полин — та сияла от счастья, прощая Кренделю любые вольности, — и отправился в центр комнаты, зажигать на прикроватном же ковре Полин. Девица что-то шептала ему на ухо; прислушавшись, я разобрала что-то вроде: «А вот когда ты вырастешь, мы отправим тебя в музыкальную шко-олу...» Алхимичка сама была уже хорошая — немногим хуже Хельги.

Я залезла на стол, решив, что нечего народу забывать, кто именно так его облагодетельствовал. Ко мне немедленно присоединились оба брата аунд Лиррен; они предусмотрительно молчали, памятуя о наложенном заклинании, зато отплясывали так, что

стол прогибался и подпрыгивал всеми четырьмя ножками. От греха подальше я даже прыгнула обратно на пол.

Забытый всеми магистр лежал на кровати Полин. Я потыкала в него пальцем, чтобы убедиться, что он живой, и хотела уже отойти, когда бестиолог вдруг открыл глаза.

Он медленно осмотрел всю комнату, задержавшись взглядом на мне, отплясывающих на столе близнецах и мгымбре, кружившем Полин. Потом зажмурился, набрал побольше воздуха и заорал.

Народ сгрудился вокруг его кровати. Мне, как главной сиделке, сунули стакан спирта и надкушенный с одного боку огурец. Я предложила магистру и то и другое; он сжался в комок, бодро уполз к стене и сверкал оттуда малость сумасшедшими глазами.

— Слышь, а с ним делать чегой-то надо, — озабоченно сказал какой-то некромант.

— Щас мы его вылечим! — слегка заплетающимся языком заявила Полин. — Вот поцелую, и все пройдет!..

Она отправилась было осуществлять обещанное, но мгымбр, успевший перехватить ее по дороге, намекнул, что станет ревновать. Полин с готовностью захихикала; Мужчина Ее Мечты на глазах приобретал все большее сходство с Кренделем.

— Может, его до медпункта телепортировать? — предложила одна из adeptок.

Посоветовавшись, предложение приняли. Несколько старшекурсников построили телепорт; мгымбр, отстранив Полин, буркнул: «Извини, дорогая, служба!» — и привычно взвалил сопротивляющегося магистра на плечи. Некромант вызвался идти с ним в качестве охраны; мгымбр принял его помощь, с готовностью пожал некроманту руку, и они оба шагнули в зеленые контуры телепорта.

Вернулись минут через пять, обычным ходом.

— Этого... ну как его... зелененького... — у мгымбра язык заплетался не хуже чем у Полин, — мы того... у двери... и в звоночек...

— По-зво-ни-ли... — по слогам выговорил некромант. В силу профессии он обладал некоторой устойчивостью к выпивке, но никак не в таких безумных размерах.

Праздник продолжился. Он плавно перетекал в ту стадию, когда участники начинают уползать по одному в сторону ближайшего сортира, а за неимением такового — хотя бы к ближайшему ведру. Я, кажется, единственная из всех оставалась трезвой. Полин уже развезло, она висела на мгымбре и пламенно изъяснялась ему в любви. Сам мгымбр, не отвлекаясь на лирическую ерунду, сосредоточенно исполнял какую-то песенку, начинавшуюся со слов «Хлопай ресницами и взлетай». По ходу развития сюжета ящер подергивал то ресницами, а то и крылышками, возбуждая в зрителях завистливый восторг. В ноты он попадал через раз, но все-таки попадал. Хельги... впрочем, про Хельги ничего сказать не могу: его в мое поле зрения не попало.

Веселье потихоньку сходило на нет; я вдруг почувствовала тяжелую усталость. Так, а во сколько я сегодня встала? Кажется, часов в шесть... Не-э, это Полин у нас выносливая, а я всю ночь не протанцую. Не зря же на всех более-менее масштабных вечеринках из-под полы торговали взбадривающими зельями — как раз для таких, как я, которым к середине ночи уже хочется спать.

Ложиться на кровать я не рискнула: к утру все равно окажусь на полу — поэтому добрела до ближайшего кресла и свернулась там в клубочек. Сон навалился на меня, мгновенно отрезав от звуков заканчивавшейся гулянки, и последним, что я слышала, было громкое:

— Кр-р-р-р-р, ты м-меня любишь?!

«Кажется, это Полин», — подумала я, засыпая.

В медпункте тем временем творилось нечто необычайное.

Едва магистр, обнаруженный за дверью, пришел в себя — а на это тоже понадобилось немалое время, бестиолог плакал, ругался и просил, чтобы его добили из жалости, — он мигом потребовал сюда директора и всех своих коллег. Медсестры переглянулись: даже после соответствующего зелья магистр не производил впечатления адекватного человека. Но

преподаватель возвысил голос, ссылаясь на собственные привилегии, и медсестры были вынуждены уступить.

Через пятнадцать минут все учителя, телепортировавшиеся в медпункт по срочному вызову, уже внимали скорбной повести бестиолога. Директор, вытасканный из постели, листал Полную энциклопедию бестиологии, пытаясь отыскать в ней мгымбра чешуйчатого зеленого прямоходящего. Энциклопедия предлагала двадцать четыре вида мгымбров, включая редкий тропический, но о зеленых и говорящих слышали в первый раз. Эльвира Ламмерлэйк задумчиво наматывала на палец длинный локон — она явно пыталась сообразить, чем конкретно опоили ее неудачливого коллегу. Шэнди Дэнн, практичная, как все некроманты, предложила проверить содержание алкоголя у бестиолога в крови. Все знали, что она Марцелла недолюбливает, но идея была хорошая.

Эгмонт Рихтер глядел мрачнее мгымбра — заклинание экстренного вызова застигло его в лаборатории на середине весьма многообещающего эксперимента. Его чувства к бестиологу немногим отличались от чувств некромантки, но он внимательно слушал излияния потерпевшей стороны.

— И вот представьте такую картину, — дрожащим голосом излагала сторона. — Иду я, значит, по коридору, а мне навстречу такое зеленое, зубастое, одной рукой держится за вампира, другой — за какую-то адептку...

— А как выглядели вампир и адептка? — ласково, точно у смертельно больного, поинтересовался гном Фенгиаруленгеддир.

— Вампир ростом под потолок, волосы светлые... — Бестиолог сжался в комок, похоже переживая увиденное еще раз. — Клыкастый, ухмыляется так и спи-иртом воняет... а девушка невысокая такая, рыженькая...

Эгмонт насторожился:

— Какая, простите, девушка?

— Ры-ыженькая...

— А поподробнее?

— Там темно-о было...

— Я догадываюсь, — с трудом сдерживаясь, сказал Рихтер. — Но хоть что-то же вы запомнили?

— Да-а... Ее, кажется, Ясицей зовут... с вашего факультета...

Магистры с интересом уставились на Эгмонта.

— Понятно, — с некоторым облегчением сказал он. Что же, все мгновенно встало на свои места, и скоропостижной шизофрении бестиолога разом нашлось объяснение. Зеленые мгымбры, как известно, по школе просто так не ходят. Зеленых мгымбров в школе сотворяют рыжие адептки. — Разберемся. Я могу идти?

— Идите, коллега, — облегченно вздохнул директор, закрывая энциклопедию.

В коридоре было пусто и тихо. Рихтер шел, настороженно оглядываясь по сторонам; в воздухе отчетливо пахло спиртом, едой и другими атрибутами студенческой гулянки. Мгымбров — ни зеленых, ни обыкновенных — в поле зрения не наблюдалось, но это еще ни о чем не говорило. Если в дело оказалась замешана Яльга Ясица, Эгмонт поверил бы и большему бреду, чем тот, что нес преподаватель бестиологии. Рихтер хорошо разбирался в людях и понимал: с этой станется.

Он подошел к двери, ведущей в комнату Ясицы. Прислушался, добавив магической мощности собственному слуху. Тихо, как на лекции; изнутри доносилось ровное сонное сопение, окончательно довершавшее сходство с теоретическим занятием.

Эгмонт нажал на ручку, пытаясь открыть дверь. Безрезультатно; он нажал еще раз, стараясь понять, не заклинили ли ее с той стороны.

— Открой дверь! — велел он, поняв, что просто так войти не удастся.

Из дверной доски высунулась взъерошенная элементаль.

— Ага, бегу и падаю! — сообщила она, взглядываясь в магистра. — Велено до утра не беспокоить!..

— Не понял, — спокойно сказал Эгмонт. — Я что, сегодня в тихом голосе?

— Не велено, — уперлась элементарь. — Я-то что, мне хозяйка приказала!

Эгмонт почувствовал, что начинает злиться.

— Я магистр Эгмонт Рихтер! — тихо и очень четко выговорил он. — И если ты не откроешь прямо сейчас, открывать будет уже некому!

Элементарь пискнула.

— Не виноватая я! — шепотом зачастила она. — Приказали!.. Хозяйка!.. Не бей меня, Иван Царе... э-э... Эгмонт Рихтер, я тебе еще пригожусь!

Дверь моментально распахнулась на всю ширину. Рихтер зашел внутрь, по давней привычке закрыв ее за собой. Глазам его предстала небывалая картина.

Посреди комнаты на двух матрасах, положенных друг возле друга, спал искомый мгымбр. Был он зелен — то ли от природы, то ли от выпивки, — в мелкие желто-красно-оранжевые пятна. На морде пятна принимали странную форму — Рихтер готов был поручиться, что ящера расцеловывал весь алхимический факультет. Помимо окраски имелись и другие странности — Эгмонт еще помнил бестиологию и подозревал, что у мгымбров не должно иметься крылышек, тем более голубых в розовый горошек. Мгымбр нервно подергивал ими во сне, точно отгоняя докучливых мух.

«Психоделика какая-то», — невольно подумал Эгмонт.

Рядом с ящером, можно сказать в обнимку с ним, спал светловолосый вампир — тот самый, описанный несчастным бестиологом. Вампира звали Хельги Ульгрем, и учился он на первом курсе боевого факультета. Всю физиономию адепта покрывали бесчисленные помадные отпечатки. Цвет их варьировался от нежно-розового до черного, — похоже, к алхимичкам, присоединились и некромантки. Мгымбр заботливо прикрывал вампира драным одеялом. Тот беспокойно ворочался и сбрасывал одеяло; мгымбр, не просыпаясь, бормотал что-то вроде: «Опять раскрылся» — и укутывал Ульгрема потеплее. Еще бы, окно было распахнуто настежь, на подоконник падали снежинки.

Присмотревшись, Эгмонт определил, что матрасы — не матрасы, а кровати, с предварительно отломанными ножками. Ножки аккуратной горкой были сложены в дальнем углу.

Чуть дальше от мгымбра стояло кресло, в котором, распластавшись едва ли не по диагонали, спала незнакомая Эгмонту девица — явно алхимичка, соседка Яльги по комнате. Короткие волосы ее были растрепаны, одежда изрядно помята, но на лице застыло выражение неопишуемого счастья. Обеими руками она прижимала к себе подушку, то и дело бормоча сквозь сон что-то про мгымбра и вечную любовь.

В другом же кресле, стоявшем у противоположной стены, спала сама Яльга, свернувшаяся в клубок на манер кошачьего. Вид у нее был не такой счастливый, как у соседки, а, скорее, усталый и удовлетворенный. Ее кресло стояло ближе всего к окну, плащ, которым она укрывалась, слетел на пол; адептка дрожала, сворачивалась плотнее, но упрямо отказывалась просыпаться.

Спиртом от нее почему-то не пахло. Выходило, что все предприятие было задумано и осуществлено ею совершенно бескорыстно, из чистой любви к искусству.

— И что мне с вами делать, студентка Ясица? — вполголоса спросил Эгмонт.

Студентка, понятно, промолчала, только буркнула что-то себе под нос.

Постояв еще с пару секунд, магистр решительно наклонился, поднял упавший плащ и накрыл им адептку. Та довольно замурлыкала, по-прежнему не просыпаясь. Эгмонт закрыл окно, машинально прикинув по звездам, сколько времени. Выходило, что шел третий час ночи.

Спать хотелось все больше и больше. Возвращаться в лабораторию уже не имело смысла; к тому же наутро мгымбр мог и улизнуть, оставив магистра с носом. Можно было, конечно, разбудить всех прямо сейчас, логично завершив ночную эпопею; но, посмотрев на Яльгу, Эгмонт решил, что вряд ли ему сейчас дадут хоть сколько-нибудь понятные объяснения. Чего уж говорить о мгымбре, с каждым выдохом исторгавшем в атмосферу

винные пары...

Эгмонт щелкнул пальцами, телепортируя в комнату кушетку из кабинета. Он установил ее поперек двери, строго-настрого запретив элементали открывать («Даже если хозяйка прикажет?») — «Даже если сам царь-батюшка придет!!»), и с наслаждением стянул сапоги.

Мгымбр выводил носом замысловатые рулады. Магистр лег на кушетку и отвернулся к двери, прикрыв себя заклятием тишины.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой уделяется внимание научным изысканиям на ниве бестиологии и прикладной алхимии, а также воспитательным аспектам работы с особенно творческими студентами. Соответственно кому-то здесь весело, а кому-то не очень

В уголку лежало бедное животное.
Все главы свои склонившее в фонтан.

В. Высоцкий

Утро было просто великолепным — вопреки всем рассказам бывалых друзей я не чувствовала ни одного симптома из многократно описываемого набора. Ни тошноты, ни головокружения, ни неодолимого желания выпить рассольчику и закусить огурцом. Наверное, так случилось из-за того, что мое вчерашнее знакомство с алкоголем заключалось в бокале эльфийского вина, принесенного какой-то из некроманток.

Когда я проснулась, шел примерно уже десятый час. На дворе стояло воскресенье, мне не надо было выдергивать себя на очередные лекции... нет, конечно, днем мне придется идти в библиотеку и героически делать там домашнюю работу, но ведь это будет только днем. А сейчас я могу лежать свернувшись в квадратик и чувствовать тепло, накопившееся за ночь под плащом.

Провалившись так минут с семь, я закрыла глаза и сделала робкую попытку заснуть обратно. Но из внешнего мира донеслись какие-то неопределенные звуки; прислушавшись, я сделала вывод, что проснулась уже и Полин. Что же — если алхимичка не спит, значит, и мне заснуть не даст. Смирившись с неизбежным, я отбросила плащ и села в кресле, откинувшись на нагретую за ночь спинку.

Полин, сидевшая в другом кресле, остервенело терла глаза. Лицо у девицы было донельзя помятым; пудра, тени, румяна, тушь и прочие достижения косметического прогресса, смешавшись, размазались по ее щекам, а в спутанных волосах поблескивали нити серпантина, давеча наколдованного старшекурсниками. Сама девица имела равномерно-зеленый цвет; общий же вид у Полин был такой, будто она в любой момент готова прильнуть к любому подвернувшемуся ведру.

«Хоть кто-то соблюдает традиции», — удовлетворенно подумала я.

— Я-альга... — Алхимичка потерла лицо руками, окончательно размазывая по нему остатки макияжа. Глаза у нее были уставшие, но на донышке их теплилось удовлетворение — было там даже немножко счастья.

— Доброе утро, — жизнерадостно согласилась я. — О, и Крендель здесь...

— Ага... — согласилась Полин. С некоторой заторможенностью она осмотрела сдвинутые кровати, на которых в обнимку спали Крендель и вампир. Хельги был практически с головой закутан в одеяло (присмотревшись, я определила в нем свое и моментально преисполнилась негодования), наружу торчали только нос с одной стороны и сапоги с другой. Поверх одеяла его обхватывала заботливая лапа мгымбра.

Я вдумчиво зевнула и со вкусом потянулась по-кошачьи. Спинка кресла угрожающе

заскрипела, и я мигом взлетела на ноги — из мебели в комнате оставались целыми только эти кресла, так что их стоило поберечь.

— Ой, Яльга, а это там кто? — Полин ткнула пальчиком в сторону двери. На всякий случай алхимичка даже залезла в свое кресло с ногами; оценив уровень безопасности, достигнутый этим действием, я посмотрела в указанном направлении.

Поперек нашей двери, как будто заклинивая ее, стояла кушетка, рядом с которой валялись чьи-то сапоги. Кушетка была незнакомая, более того, я готова была поклясться, что, когда я засыпала, ее тут еще не имелось. Впрочем, учитывая наличие Хельги и мгымбра, не стоило удивляться, что еще одному адепту не достало сил добраться до своей комнаты.

— А чего это он тут делает, а? — подала голос Полин из своего кресла. — Здесь вообще-то женский этаж!

— То же, что и Хельги, — огрызнулась я. — Ну устал человек, с кем не бывает?

— Я стесняюсь, — категорично заявила алхимичка. — Яльга, пусть он уйдет.

— Тебе надо — ты и выгоняй, — резонно возразила я. Меньше всего мне сейчас хотелось разбираться с относительно трезвым адептом, убеждая его, что это наша комната. Вдобавок еще и со старшекурсником — телепортировать большие по объему предметы учат как минимум на четвертом году обучения.

Полин скорчила умоляющую гримаску:

— Ну Я-а-аля...

По опыту я знала, что ныть она может долго. Нервы у меня были крепкие, но все-таки не железные, так что эта медленная пытка практически всегда достигала своей цели. Ладно, мрыс с ним. В конце концов, старшекурсника, в отличие от соседки, всегда можно шандарахнуть хорошим заклятием, тем самым обеспечив себе нужную психологическую разрядку.

Я подошла к кушетке. Адепт, видимо, хорошо знал жизнь — он спал, предусмотрительно отвернувшись к стене и тщательно закутавшись в плащ. Плащ был черный, практически форменный — в таких ходило пол-Академии, включая даже некоторых учителей.

— Вставай пришел, — подсказала из-за спины Полин.

— Кто рано встает, тому Великий Магистр дает, — поддакнула я.

Адепт никак не среагировал на сию народную мудрость, так что я, не особенно церемонясь, потрясла его за плечо. Это подействовало гораздо лучше: адепт недовольно дернул плечом и перевернулся на спину, высвобождаясь из-под плаща.

Я почувствовала, что моя челюсть медленно отваливается.

Это был Эгмонт собственной персоной; взгляд его, пока еще не совсем осмысленный, метнулся по комнате, потом остановился на мне. Зрелище, похоже, оказалось ему знакомым, более того — долгожданным: взгляд, по крайней мере, мигом прояснился. Магистр приподнялся на локте и воззрился на меня с нехорошей хищной задумчивостью на лице.

— Ай-яй-яй, — машинально протянула я, пытаюсь понять, все ли извилины у меня на месте. — А что это мы делаем, магистр Рихтер, ночью на женском этаже?

— Бдим, — ледяным тоном, мало вязавшимся с обстановкой, отрезал он. — Лично мне куда как интереснее, что здесь делают вот они. — Магистр указал на мгымбра, в этот момент захрапавшего с удвоенной силой.

Я замялась. Объяснение было, но довольно корявое; кроме того, я подозревала, что появление Эгмонта явно как-то связано с нашим бестиологом, давеча транспортированным в медпункт. Учитывая же, что бестиолог был в свою очередь связан с мгымбром моего производства...

Рихтер ждал, явно наслаждаясь ситуацией. «Чтоб тебя, с-соба-ка!» — невольно подумала я. Как назло, в голову не лезло ровным счетом ничего; даже стандартная фраза «Я больше не бу-уду!!!», отработанная в этом семестре, совершенно не шла на язык.

На помощь мне пришла, как ни странно, Полин. Явление магистра в нашей комнате потрясло ее еще больше, чем меня, но рефлексy оставались рефлексами, и она чисто

машинально выпалила:

— Может, вы позавтракать хотите?

Не иначе как Полин попыталась провести прием, отлично сработавший на мгымбре.

— А что, есть чем? — искренне удивилась я. — Разве Крендель вчера не все сожрал?

— Он не сожрал, — обиделась алхимичка, — он скушал! И там еще осталось...

— А мне предложить? — возмутилась я. Вот это соседка называется!

Полин зыркнула на меня похлеще мгымбра. Да. Я с запозданием вспомнила, что и на Рихтера она имела некоторые виды — призрачные, конечно, но все-таки. В глазах у алхимички медленно проявлялся уже известный мне слоган «Загрызу за личное счастье».

Из врожденной вредности характера я немедленно представила идиллическую картинку: Полин, с хлебом (то бишь свежими плюшками) и солью, выложенной аккуратной горкой на вышитое полотенце, гостеприимно протягивает магистру всю вышеописанную конструкцию. Плюс еще и кофе, по всем канонам — в постель. Мрыс дерр гаст, а если сейчас еще и Хельги проснется... у-у, какие истории станут гулять по школе...

— Нет, спасибо, — сухо ответил Эгмонт. Неблагодарный магистр одной фразой разрушил зыбкие мечтания Полин. Он перевел взгляд обратно на меня, и я приложила все усилия, пытаясь изобразить на лице подобающее случаю раскаяние. Нет, можно было, конечно, играть оскобленную невинность, но, учитывая, что орудие преступления нагло дрыхло посреди комнаты, это было бы как минимум нелепо.

Раскаяние изображалось, но плохо. Магистр бестиологии не вызывал у меня никаких теплых чувств: мало того что предмета не знает и хамит adeptкам в моем лице, так еще и пугается до обморока рукотворных мгымбров!.. В принципе я была уверена, что бестиолог получил по заслугам.

Наверное, эта мысль отлично читалась на моем лице, потому что Эгмонт вздохнул и отвел взгляд.

— У вас хоть есть где умыться, студентка Ясица? — спросил он.

Я молча ткнула пальцем в сторону соответствующей двери.

— А чего это он тут делает? — шепотом поинтересовалась Полин, едва магистр скрылся за дверью. Она (понятно, не дверь, а алхимичка) смотрела на меня с некоторым подозрением, перераставшим в непоколебимую уверенность. — А, Яльга?

— А я откуда знаю? — огрызнулась я. — Может, Хельги разбудить?

— Его разбудишь, как же... — скептически пробормотала Полин.

Я вообще-то разделяла ее точку зрения. Вампир, как и мгымбр, явно не собирался просыпаться раньше нынешнего вечера. Да и какая, к мрысам, вообще разница, если Эгмонт уже засек и того и другого?

Магистр вышел наружу. Вид у него был теперь совершенно бодрый, с мокрых волос стекали на куртку тонкие струйки воды.

— Вы что, голову там мыли? — не удержавшись, съехидничала я.

Эгмонт оставил мой выпад без внимания. Аккуратно огибая осколки — следы вчерашнего буйства, — он подошел к сдвинутым кроватям. Молча встал над дрыхнувшим Хельги.

Вампир беспокойно зашевелился, сбрасывая мгымброву лапу. Эгмонт продолжал стоять; не знаю, то ли он посылал эмпато-призыв, а то ли просто действовал на нервы, не прибегая для этого ни к какому колдовству, — но не прошло и семи секунд, как Хельги выпутался из одеяла и с обиженным видом раскрыл глаза.

— Доброе утро, — сладким голосом сообщил ему магистр.

Вампир взлетел на ноги. Сна у него как не бывало, — наверное, сон просто не ожидал от Хельги таких быстрых движений и оттого свалился с него в полете. На лице же у вампира читался такой священный ужас, что я невольно вспомнила давешнего преподавателя бестиологии.

— Мы... я... мы не хотели...

— Это я уже понял, — прервал его Эгмонт. — Дальше?

— Э-э...

Рихтер оценивающе посмотрел на зеленого, как весенний газон, адепта. Вампиры устроены иначе, чем люди, — известно, что у последних похмельный синдром возникает исключительно в паре с алкоголизмом. То же, что у большинства менестрелей герои хронически маются с дичайшей похмельюги, означает, что все эти герои есть натуральные матерые алконавты. Вампиры же, во-первых, пьют почти не пьянея; во-вторых, если пьянеют, то мигом, буквально за пару секунд; и, в-третьих и самых трагичных, испытывают на себе все превратности похмельного синдрома.

Зато и алкоголизм им практически не грозит.

— У вас есть пять минут, — сказал магистр, разбиравшийся в физиологии ничуть не хуже меня. Видно, и он сумел понять, что сейчас не добьется от вампира ни одной толковой фразы. — По истечении этого времени я жду вас у себя в кабинете. Вы поняли?

Хельги истово кивнул. Странно, но, даром что вампир был выше, крупнее и вообще выглядел гораздо внушительнее, у меня ни на секунду не возникло вопроса, кто здесь главный.

— Студентка... э-э... — Рихтер обернулся к Полин, обиженно смотревшей на него из кресла. — Как вас зовут?

— Полин де Трийе, — капризно ответила алхимичка, накручивая на палец коротенькую прядку.

— Понятно. Студентка де Трийе, составьте компанию адепту Ульгреду. А мы со студенткой Ясицей пока обсудим некоторые тонкости магической науки.

— А может быть, я тоже... того? — с надеждой поинтересовалась я. — Насчет компании?

Эгмонт покачал головой. Кто бы сомневался.

Признаться, я сильно подозревала, что Хельги не нуждается в чьем-то обществе. Единственное существо, которое сейчас было ему жизненно необходимо, — это «наш фаянсовый друг», как ласково называли сей предмет близнецы аунд Лиррен. Но лично я предпочла бы общение с десятью малоадекватными вампирами, чем с одним крайне недовольным (или очень довольным, но мне от этого только хуже) магистром боевой магии.

Полин, подмигивая мне обоими глазами, выбралась из кресла. «Студент Ульгред» честно ждал ее у двери; вампира малость пошатывало, физиономия у него была зеленая, как клумба перед школой, но не выполнить столь недвусмысленно отданного приказа он попросту не смог.

— Через пять минут, — напомнил ему Эгмонт. — У меня в кабинете.

Хельги кивнул и исполнительно скрылся за дверью.

— Ну что, студентка Ясица, — спокойно сказал Рихтер, дождавшись, пока вампир и алхимичка удалятся на сообразное расстояние от двери. — И как, интересно бы знать, мы это объясним?

— Что именно? — обреченно уточнила я. Опыта с василиском мне хватило, чтобы запомнить раз и навсегда: метод «каждому по заслугам» иной раз срабатывает круче самого жестокого наказания. Тогда я отделалась простым увеличением домашнего задания. Но сейчас меня определенно ожидало нечто более интересное.

Магистр молча кивнул на мгымбра.

— А в чем здесь проблема? — нагло спросила я, обозрев указанное. — Классный мгымбр, как живой получился. Горилку хлещет, плюшками закусывает... Адепток ошастливливает, — подумав, добавила я. А что, Полин очень даже ошастливил.

— Хватит, — устало сказал Эгмонт. Он привычно скрестил руки на груди, приваливаясь к стене. — Я не собираюсь говорить с вами о технике иллюзий. И об этике, кстати, тоже. О том, что взламывать чужие кабинеты попросту некрасиво. Впрочем, я понимаю, вам это не впервой... О том, как правильным студентам должно проводить Савайн, я тоже лучше помолчу. У нашего многоуважаемого директора это получится гораздо лучше...

Я содрогнулась. Об умении директора читать нотации ходили легенды. Очень вежливый, тихий и все время как будто испуганный, он ухитрялся пробуждать совесть даже в тех душах, где она вообще не ночевала. Это было самое страшное, потому что, проснувшись однажды, совесть находила, что здесь ничего себе так, уютненько, и обосновывалась у адепта надолго. По крайней мере, на ближайшие полтора месяца можно было забыть про шпаргалки, невыученные уроки и взломанные кабинеты. Народ подозревал, что директор внаглую использовал свой эмпатический дар; так это или нет, но я меньше всего хотела проверять сей факт на себе.

— Но хочу вам сказать, адептка, что я был о вас значительно лучшего мнения.

— Мрыс дерр гаст, — не выдержала я. — Ну скажите конкретно, что я сделала такого нехорошего! Я не нарушила ни единого школьного правила! Разве хоть где-то написано, что нельзя создавать магически модифицированных мгымбров?

Рихтер прищурился.

— Об этом мы поговорим чуть позже, — пообещал он. — Но вам, студентка, вообще-то следовало бы знать о такой вещи, как ответственность. Ответственность за свои магические творения. Там, внизу, — он указал на пол, — в медпункте находится ваш магистр бестиологии. Я отлично знаю о чувствах, которые вы к нему питаете. В некоторой мере я эти чувства разделяю. Но это еще ни о чем не говорит. Ни о чем, — с нажимом повторил Эгмонт. — Вы будущая магичка, студентка Ясица. Вы сильная магичка. Меня не слишком-то интересует морально-этическая сторона дела. Но то, что вы не смогли продумать всех последствий, в первую очередь говорит о вашей несостоятельности как чародейки.

Мр-рыс эт веллер... Верно, правы были те, кто называл нашего магистра телепатом. Он попал в десятку. Обвинение в непрофессионализме, вдобавок логически обоснованное... я устала в пол, кусая губы. В самом деле, Яльга... хороша же ты выходишь как магичка...

— Тема экологии, студентка, помнится, была на самом первом вашем занятии, — безжалостно продолжал магистр. — Там и про ответственность говорилось... или вы уже забыли? Быть может, вы забываете материал, едва успев получить по нему зачет?

— Неправда, — робко встряла элементарь. Рихтер посмотрел на нее взглядом, немедленно понизившим температуру в комнате на добрый десяток градусов. Но верная флуктуация не сдавала позиций, и я благодарно показала ей большой палец. — Ничего хозяйка не забывает! День-деньской над книжками сидит, того и гляди, совсем уже мхом подернется!

— Я учту это, — холодно сказал магистр. Он подошел к двери и взялся за бронзовую ручку. Элементарь проворно исчезла, похоже решив не искушать судьбу.

— Жду вас через семь минут у себя в кабинете, — не оборачиваясь, сказал Эгмонт. — Студентку де Трийе можете с собой не брать.

Я хмыкнула в ответ нечто маловразумительное, но согласное. Впрочем, боюсь, что особой радости в этом хмыканье не ощущалось.

Четыре минуты были потрачены мной на то, чтобы привести себя в более-менее приличный вид. Впрочем, больших усилий затрачено не было: Полин, обтиравшая личико тремя салфетками, смоченными в семи разных декоктах, косилась на меня с откровенной завистью во взгляде. Но я не реагировала: все по-честному, вам было весело вчера — мне весело сегодня.

Хотя какое там!.. Настоящее веселье ждало меня минуты через... уже, наверное, через две. Фантазия у Эгмонта была богатая, так что я боялась даже предположить, что конкретно взбредет ему в голову на этот раз. Может, прикажет в спешном порядке учить медицинские чары, чтобы с блеском реанимировать бестиолога?..

Хотя нет, вряд ли. Марцелла мне не отдадут: медсестры у нас шибко добрые.

— Яльга, а с мгымбром-то мне что делать? — вдруг спросила Полин.

Я задумалась. Вопрос был уместный, даже более чем — что делать с Кренделем, я и сама не знала. Припомнив совет знакомого эльфа, я поспешила перевести стрелки на алхимичку:

— А я-то здесь при чем? Ты же за него замуж выйти обещала!

— Я?! — тихо охнула девица. Салфетка вылетела из ее рук, алхимичка, зажмурившись, схватилась за голову: — За него?!

— Ага, — с удовольствием подтвердила я. — Вчера вечером. А ты что, уже и не помнишь?

Полин в панике замотала головой.

— Ничего. — Я выдержала паузу. — Думаю, он тоже про все забыл.

— Думаешь? — Алхимичка приоткрыла один глаз.

— Надеюсь. У меня алкогольного опыта нет.

— Ну да, ну да. — Малость пришедшая в себя девица наклонилась за новой салфеткой. — Ты же у нас вся из себя такая правильная, одно молоко литрами хлещешь. Как там Хельги говорил?.. От бешеной коровки?..

Я запустила в нее подвернувшимся комком ткани. Алхимичка протестующе завопила — комок оказался ее новой блузкой, купленной за десять золотых в эльфийской лавке.

Так, все. Время — деньги, а денег, как всегда, не хватает. Я набросила куртку, решительно одернула полы и твердым шагом направилась к двери.

Я ничего не боюсь... Я ничего не боюсь...

— Удачи, хозяйка, — чуть слышно скрипнула элементарь.

К кабинету я успела, кажется, вовремя. Сказать точнее я не могла из-за полного отсутствия часов; можно, конечно, было спросить время у Рихтеровой элементарии, но мне это все равно бы ничего не сказало — я же не знала, во сколько начался этот... обратный отсчет.

Подумав, я постучалась и, не дождавшись ответа, приоткрыла дверь.

Внутри закономерно обнаружили Рихтер и Хельги. Зеленый и помятый, весь в разноцветных помадных оттисках, вампир переминался с ноги на ногу и тоскливо глядел на магистра.

— Можно? — осведомилась я.

Хельги посмотрел на меня с такой надеждой, что мне ажно сделалось немного не по себе.

— Заходите, студентка, — кивнул магистр. Он развернулся обратно к вампиру: — Словом, вы меня поняли. Доклад предоставьте к... — он пошелестел страницами календаря, — к двенадцатому числу этого месяца. Вы свободны, студент Ульгрем.

Смурый Хельги отрывисто кивнул. Походило, что темой загадочного доклада были пытки Востока, а наглядным материалом — сам вампир.

— Что касается вас, студентка... — Эгмонт подождал, пока за Хельги закроется дверь. — Как я понял, вы очень интересуетесь практической бестиологией. Это весьма похвально. Академия, чтоб вы знали, гордится тем, что предоставляет каждому студенту поле для самостоятельной научной деятельности. В вашем лице мы обрели очень удобную адептку, которой никакого поля предоставлять не надо, — она его сама себе предоставит. Как-то нехорошо получается, студентка. Мы в вас, выходит, даже педагогически и не вкладываемся.

Я загроутила. После такого вступления меня могло ожидать многое.

— Я решил восполнить сей пробел. К двенадцатому числу вы, как и студент Ульгрем, подготовите доклад. Тема «Мгымбр как бестиологический род». В тексте рассмотрите все виды мгымбров, опишете все классификации, расскажете о строении животного... — «Что хотите делайте, — подумала я, — хоть отчислите, а Кренделя препарировать все равно не буду!» — Об экологической нише... точнее, о нишах: видов-то все-таки много. Если мне не изменяет память, двадцать четыре. Хотя с вашей помощью их уже двадцать пять.

Я с ужасом представила собственную физиономию, напечатанную в учебнике. Рядом тут же представилась и морда мгымбра. Под обеими картинками тянулась единая надпись: «Мгымбр зеленый крылатый — Яльга Ясица». Ну а кто где — думайте сами.

— В общем, тему раскройте максимально широко. Да, кстати... рекомендую отнестись

к работе со всей серьезностью, ибо этот доклад вы станете читать в каждой группе нашей Академии. А может быть, и не только нашей.

В дверь аккуратно поскреблись. Через секунду внутрь проснулась помятая морда Кренделя.

— Яльга! — непосредственно обрадовался он. — А ты чего здесь де... Ой, а это вы магистр Рихтер? А то меня Полин сюда привела...

— Не ошиблась, — кивнул Эгмонт. — Заходите.

Воспользовавшись моментом, я быстро-быстро переместилась поближе к двери.

— Кабинет директора в южном крыле, — догнал меня голос Рихтера. — Время, конечно, раннее, но вас, думаю, коллега Буковец все-таки примет.

Я обреченно кивнула. Произошла маленькая заминка: мгымбр держал дверь как щит, ничуть не собираясь ее выпускать. Я вырвала ее едва ли не с боем.

— Сильно страшно? — свистящим шепотом спросил Крендель.

Я ободряюще похлопала его по плечу.

В коридоре я столкнулась с Хельги.

— Наконец-то! — выдохнул вампир, с некоторым трудом отлепляясь от стенки. — Что, пошли теперь к Буковцу?

— Пошли, — с тяжелым вздохом согласилась я.

— Тебе он чего задал?

— Доклад, — с показным равнодушием ответила я. — Про мгымбров. Все двадцать четыре... нет, теперь уже двадцать пять видов, с полным бестиологическим анализом. А тебе?

— У-у... — Вампир помотал растрепанной головой. Вид у него был откровенно злой. — Тоже доклад. Внимание, тема «Декоративная помада как материально-эстетический компонент женской психологии». Психологическая компонента, опросы adeptок...

— Ничего себе, — сочувственно сказала я.

— Это еще не все, — хмыкнул Хельги. — Еще мне нужна рецептура. Алхимические формулы всех этих жидкостей, твердостей и прочих... притираний! И это в сравнительной характеристике, представляешь? Бегаю я по женскому этажу, стучусь во все комнаты и этак вот: «Извини, подруга, рецептик помады не дашь?» Адепты животы надорвут!..

— Спроси у Полин, — посоветовала я. — Она смеяться не станет.

— Не-а... — Вампир дотронулся до розового отпечатка на щеке. — Видишь? Это теперь не смывается. Нужно найти каждую adeptку, которая меня... ну...

— Понятно, — с усмешкой кивнула я.

— И у каждой взять свой рецепт!.. Нет, ты это себе представляешь? И это все я стану читать перед adeptами, в каждой группе! Хорошо тебе — с мгымбрами!..

— Это как посмотреть, — мрачно сказала я. — Про них писать больше.

— Зато ты женщина! Слушай, может, поменяемся, а?

— Не получится, — помотала я головой. — Рихтер не позволит.

Хельги засопел.

— Ты знаешь, — наконец сказал он, — а идея зверского убийства нравится мне все больше и больше...

— Тоже не выйдет, — хладнокровно возразила я. — Опыта нехватает... хотя нет, какое там, опыта как раз будет навалом. Только немножко не с той стороны.

Вампир пригорюнился.

— Нет, — с надрывом сказал он, — хоть чем-то же этого... этого... хоть чем-то его пронять можно?!

Я красноречиво пожала плечами.

Мэтр Буковец, как и положено истинному педагогу, не обманул ожиданий своих учеников. Нотация, прочитанная им, была решительно достойна лучших слушателей, чем похмельный вампир и нервничающая adeptка. Впрочем, даже на нас она произвела должное впечатление: к концу полуторачасовой проповеди я почти прониклась осознанием всей

глубины своего морального падения, а Хельги практически проковырял носком сапога аккуратную дырочку в ореховом паркете директорского кабинета. Совесть, топорща острые когти, грозила процарапать в моей душе точно такую же дырку. Еще бы. Одного взгляда на магистра Буковца — бледного, несчастного, с умным и печальным взглядом, точно у несправедливо наказанного спаниеля — хватило бы, чтобы чуть менее подготовленный морально адепт пал на колени и, взывая к памяти предков, поклялся бы, что нигде, никогда, ни при каких обстоятельствах не повторит столь глубоко расстроившего любимого наставника поступка.

Но мы с Хельги были стойки. Кроме того, я отлично знала, что подобный вид присущ директору от природы, и, следовательно, все претензии ему стоит предъявлять родителям, а отнюдь не адептам. И вообще, меня гораздо больше занимали две вещи: предстоящий доклад и судьба моего мгымбра.

Я попыталась прояснить второе, как только освободилась: битых полчаса я искала Кренделя по всей школе, но никак не могла найти. По крайней мере, воплей никто не слышал — и то ладно.

Хотя с опытом нашего магистра это ни о чем не говорит.

Поняв, что эта тайна временно окутана мраком, я вернулась в комнату, где застала Полин за генеральной уборкой, призванной ликвидировать все следы вчерашнего гульбища. Алхимичка обрадовалась мне как родной: прикинув масштабы уборки, я мигом поняла все причины этого внезапного яльголюбия. Пришлось помочь — как-никак мой мгымбр внес в итоговый раздрай немалую лепту.

Покончив с домоводческими делами, я вспомнила про наказание. Доклад о двадцати пяти видах мгымбров безмолвно вопиял, а на заднем плане робко маячило домашнее задание, скромно уточнявшее у меня, насколько я нуждаюсь в неприятностях. Неприятностей мне и так хватало. Видят боги, не стоило осложнять отношений с преподавательским составом из-за не сданной вовремя домашней работы.

От души помянув изобретательного магистра, я закинула в сумку пару свитков чистого пергамента и чернильницу с пером, минуты через три библиотечная элементаль гостеприимно распахнула передо мной дубовые двери.

Мгымбров и впрямь оказалось двадцать четыре вида. Мгымбр чешуйчатый обыкновенный, мгымбр чешуелопый, мгымбр тропический летающий, мгымбр черный складчатый (он же мгымбр лыкоморский), мгымбр оранжевый дальноплюйный — вот лишь некоторая часть этой огромной бестиологической рати. Соответственно и работа над докладом вместо ожидаемых полутора часов отняла у меня две с лишним недели: когда я закончила, дождень месяц уже перевалил за середину. Весь доклад занял полсотни пергаментных листов; вспомнив про подобающее оформление работы, я заклинанием склеила все листы в один длиннющий свиток. Теперь, когда я разворачивала его, конец этого вместилища мгымброведческой мысли терялся где-то у меня под ногами, а когда я правила текст, начало его живописно свешивалось с той стороны стола, подчас доставая и до самого пола. Выглядело это все донельзя эпатажно. «Поглазеть на Яльгу» ходили адепты со всех факультетов; народ почтительно толпился вокруг моего стола, на дерзнувших же подойти ближе я рычала, точно голодный мгымбр (белый, полярный). Всем и без слов было ясно: если мне оттопчут свиток, я убью виновного на месте. Ну или возьму в соавторы.

Еще вопрос, что было бы хуже.

За соседним столом корпел Хельги. Вампиру, пожалуй, приходилось хуже, чем мне, — к нему Зирак не питал столь теплых чувств, соответственно ограничивая диапазон выдаваемых алхимических книг. Практики же у него было на порядок больше — чтобы узнать все рецепты помад, нужно было для начала хотя бы просто вспомнить присутствовавших на тогдашней вечеринке адептов. Одно это требовало от Хельги недюжинных усилий. Но по тому, как отпечатки один за другим покидали физиономию вампира, я сделала вывод, что верный педагогический подход способен творить чудеса. Вампир даже добился неплохих успехов в алхимии — за это ему следовало благодарить

постоянные тренировки, ибо некоторые разновидности помад приходилось получать экспериментально. Далеко не каждая девица соглашалась выдать свой секрет. Еще бы, ведь доклад станут читать перед всей школой, и, значит, эта стерва Ликки (Кэтти, Викки, Ангелина ван Брудерверст — подставить нужное) тоже научится делать правильную помаду! На такие жертвы adeptки не шли даже ради красавчика-вампира: Хельги, просекший, в чем тут фишка, изо всех сил использовал личное обаяние в интересах дела.

Я закончила свой доклад первой. Хельги отстал от меня на два дня: последний отпечаток, как назло кроваво-красного цвета, никак не желал покидать его лица. Вампир давно уже вычислил автора — некромантку с пятого курса — и теперь всеми силами окучивал ее, убеждая, сколь благородно она поступит, пожертвовав свой рецепт на алтарь науки. Некромантка держалась стойко, но капля камень точит. В случае вампира последней каплей оказался огромный букет алых же роз, подобранных не иначе как в цвет помады. Не знаю, как прижимистого Хельги хватило на такой шаг. Лично мне гораздо ближе казалась другая версия: вездесущие братья аунд Лиррен. Утверждали, что никакого букета тут не было, да и вообще некромантки предпочитают алым розам черные. На самом же деле все было совсем не так, и первое, что видела поутру несчастная adeptка, — это умоляющую физиономию Хельги вкупе со всем прочим: вампиром, стоящим на коленях у ее кровати. Несколько раз некромантка ловила Хельги на попытке взлома своей косметички; поняв, что вор из него никакой, он попытался нанять обоих аунд Лиррен, но и они позорно провалили задание. В итоге же вампир привлек на свою сторону какого-то телепата: пока Хельги отвлекал некромантку светской беседой, тот наскоро прощупал ее сознание. До нужного зелья он так и не дорылся, зато накопил столько компромата — от воровства варенья из маменькиной кладовой в совсем нежном возрасте до куда более серьезных прегрешений, — что, едва Хельги пригрозил девице разоблачением, та немедленно отдала ему рецепт.

Но на этом наши мытарства не кончились. Доклад нужно было еще и прочесть — в каждой группе, которая только подаст на нас заявку. Да. Никогда бы не подумала, что чувствовать себя ценным товаром настолько пакостно. Хотя товар и в самом деле оказался очень ценен: во всей Академии не нашлось ни единой группы, которая не пожелала бы ознакомиться с результатом наших трудов.

— Вот что значит качественная реклама! — значительно поднимал палец Хельги.

Шутки шутками — ходили упорные слухи, что Академия за определенную денежку согласилась сдавать докладчиков (по одному и вкупе) другим учебным заведениям напрокат. При этом от посещения занятий и выполнения домашних работ нас, естественно, никто не освобождал.

Даже бестиологию пропустить не удалось — взамен ушедшего на больничный Марцелла у нас теперь ее вела какая-то эльфийка, нежная, как цветочек, и жесткая, как столовая котлета. Нас с Хельги она отчего-то недолюбливала: то ли из цеховой солидарности, а то ли профилактически. К концу третьей лекции я даже пожалела о том, как несправедливо мы обошлись с предыдущим магистром.

Да, так что же все-таки случилось с моим мгымбром?

Этот вопрос волновал меня даже больше, чем перспектива докладов в прочих учебных заведениях. Как-никак Крендель был мне не чужой. Можно сказать, нас связывали тесные родственные чувства. От Эгмонта же можно всякого ожидать; впрочем, я сомневалась, чтобы он пустил мгымбра на котлеты. Это было слишком просто и прозаично — магистр же, как я успела убедиться, предпочитал более изящные методы.

Тайна открылась мне лишь в начале стужайла. Пробегая в вестибюле «по делам», я обратила внимание на невесть откуда взявшуюся конторку. Подойдя ближе, я обнаружила на ней жестяную коробку с прорезью на крышке, а рядом — целую кипу пергаментных листов. По ближайшем рассмотрении листки оказались газетой; называлась она незамысловато: «Наша газета» — и стоила ровно одну серебряную монетку. Заинтересовавшись, я опустила в копилку положенное и ухватила с кипы листок.

Взгляд тут же уцепился за правый верхний угол. Там, улыбаясь во все пятьдесят четыре

зуба (резцы, коренные; четыре ложных клыка, предназначенных для вскапывания почвы), стоял мой мгымбр, — впрочем, теперь ему больше подходило слово «мгымбрик». Маленький, от силы сантиметров семи в высоту, двухмерный, как будто нарисованный тонким эльфийским карандашом, во всем причем ящерок ничем не отличался от моего творения.

— Ты чего тут делаешь? — поразилась я.

Крендель приосанился.

— Работаю! — гордо пояснил он. — Я, между прочим, символ этой газеты, официально зарегистрированный в УВМО!

— В чем?

— В Управлении Высшего Магического Образования, балда! — Мгымбр постучал себя кулачком по голове, впрочем тут же исправив эту бестактность застенчивым взглядом из-под длинных ресниц.

— Понятно, — сказала я, поняв, что ничего не понимаю.

Но вскоре вся идея сделалась прозрачной ключевой воды. Газета выходила дважды в месяц; на каждом продающемся экземпляре имела своя маленькая проекция Кренделя, по-настоящему обитавшая только на редакционном стенде. Едва новый выпуск появлялся в продаже — проекции транслировались уже на него, на старом же оставался простой неподвижный рисунок. Проекция же запросто перемещалась по всему листу, дрыхли где хотели, дописывали заметки как считали нужным, а иные материалы даже закрывали от читательских взглядов собственным телом.

Вообще-то цензуры в «Нашей газете» не было — одним из ее главных лозунгов и была пресловутая свобода слова. Каждый мог принести в редакцию свою статью; каждый мог свободно написать ответ на чужую, при этом сама редакция оставляла за собой право высказать свое мнение по любому поводу. Ее мнение вполне могло не совпадать с мнением автора.

Роль цензуры добровольно взял на себя мгымбрик. Он, собственно, пропускал абсолютно все — за исключением текстов, как-то нехорошо отзывавшихся о Рихтере. Не знаю уж, чем его ухитрился так обаять наш не шибко-то положительный магистр, но результат был налицо. К хулителям Эгмонтовой чести (а таковыми назывались все, кто упоминал магистра в своей статье, не написав при этом, какой он весь из себя хороший) мгымбрик был суров и беспощаден. Самым злостным он даже отказывался продавать свежий выпуск: едва провинившийся смотрел на листочек, как все буквы с него исчезали, а из рисунков оставался только когтисто-чешуйчатый кукиш на всю страницу. Правда, все это происходило только после того, как серебрушка была опущена в копилку.

Идея с газетой мигом пошла в массы. Народ валом повалил в журналисты; естественно, вскоре ажиотаж спал, но и оставшихся вполне хватило для осуществления нормальной редакционной работы. Вскоре газета разрослась до четырех листочков, сшитых в единую тетрадку, — подскочила, разумеется, и цена: теперь свежая пресса стоила ажно две серебрушки. Но денег было не жалко: их окупала хотя бы коротенькая колонка «Глас народа», автором которой неизменно оказывался мгымбр. Писал он ехидно, даже, пожалуй, слишком.

Мне, впрочем, нравилось. Да и не мне одной.

Двенадцатого числа месяца стужайла в Академию с визитом пожаловал старший герцог Ривендейл.

К визиту этому все мы готовились добрых три недели. Директор через день собирал адептов в Главном зале; нас учили, как конкретно должно приветствовать высокого гостя, о чем с ним позволительно говорить и со сколькими поклонами следует открывать перед ним дверь. К четвертому разу я начала понимать Ривендейла-младшего, сбежавшего из отцовской вотчины в Академию за тридевять земель.

Генри, кстати, взяли консультантом.

В первую голову нас заставили вызубрить имя старшего герцога — Ричард Ривендейл

— так, чтобы оно отскакивало от зубов. Полин, изо всех сил стремившаяся понравиться Генри, бормотала имя герцога даже во сне. Также нас строго-настрого предупредили, чтобы Ричарда не вздумали ненароком назвать Рычардом — в роду Ривендейлов был и такой, младший брат теперешнего герцога, с которым они были в изрядной вражде. Говорили, что в юности братья были очень даже дружны, а ссора случилась гораздо позже. Ищите женщину — причиной разлада сделалась будущая матушка Генри, ушедшая от Рычарда к Ричарду и даже вышедшая за него замуж. Сдается мне, она это сделала из-за большей благозвучности имени. Так или иначе, но перепутать одного с другим означало огрести себе немалые неприятности. Генри рассказывал, что, когда он был маленьким и путал «р» твердое с «р» мягким, на всякий случай не рисковал называть отца по имени. Даже юный возраст не мог служить ему оправданием.

Каким-то образом герцог ухитрился прибыть незамеченным. Вместо почетной делегации, должной встречать его в холле, там обнаружили только близнецы аунд Лиррен, в последнее время резко полюбившие одиночество. Завидев вампира, они попытались было слить, но заклинание, наложенное Эгмонтом, само толкнуло их к двери.

На проводимых директором ликбезах близнецов не замечали ни разу, но дипломатического скандала тем не менее не произошло. Повинуясь действию коварных чар, братья высказали всю безграничность своего уважения к гостю в столь изысканных выражениях, что, боюсь, большинство из них оказалось бы в новинку и Генри Ривендейлу, не говоря уже о нашем директоре.

Герцог благосклонно внимал. Ему определенно понравилось.

Когда же в холл спустились учителя, привлеченные изменением магического поля — старший герцог, как и большинство вампиров старше трехсот лет, обладал немалой мощью, — Ривендейл, с восхищением указав дланью на близнецов, сказал директору, что никак не ожидал встретить в этих стенах столь тонких знатоков вампирского этикета. Подумав, он добавил, что вообще не предполагал за эльфами такой любви к соблюдению старинных традиций. Директор, тоже не знавший за близнецами подобных пристрастий, подозрительно покосился в их сторону. Рихтер же, вежливо улыбнувшись, заверил герцога, что эти двое есть адепты, конечно, талантливые, но безответственные, так что в Академии имеются и лучшие. Герцог закономерно задумался, пытаясь представить себе лучших.

Но возможностей таких ему постарались не предоставить. Герцог входил в попечительский совет, и магистрам вовсе не улыбалось разочаровывать его в нравственности опекаемых адептов.

С герцогом Ривендейлом я пересеклась всего только один раз.

Я в очередной раз вывалилась из комнаты, открыв дверь со всей возможной для элементарии скоростью. Привычные адепты и даже магистры обходили эту дверь стороной, и оттого я не сразу поняла, что ухитрилась-таки кого-то ею задеть. Присмотревшись же, я не поверила глазам. Это был сам герцог Ривендейл.

Бесконечные наставления директора мигом вылетели у меня из головы. Я стояла, ничего не говоря и больше всего боясь, что случайно назову герцога Рычардом. Хотя я не выпью столько, чтобы вздумать назвать незнакомого вампира просто по имени, исключая фамилию и титул.

Генри здорово походил на своего отца. Знаменитую линию профиля, которую, вздыхая, частенько рисовала на черновиках Полин, младший герцог унаследовал именно от него. Ривендейл-старший был так же высок и легок в кости и двигался так же быстро — я, помнится, еще удивилась, почему он не успел отшатнуться от моей двери. Лицо у него было достаточно жесткое, взгляд — очень острый, вообще я бы не хотела иметь такого во врагах. На поясе у него висела шпага, изрядно походившая на ту, с которой не расставался Генри. Эта, правда, была гораздо древнее. На рукояти я не заметила никаких драгоценностей, да и ножны были потертые, но лучшее украшение истинного клинка — это прежде всего он сам.

Герцог молчал, внимательно меня рассматривая. На аристократически-бесстрастном лице не отражалось никаких эмоций. Я прикидывала, успел ли рассказать Генри отцу про

проспоренное золото. Хорошо бы, не успел: кто знает, как его отец отнесется к поражению наследника.

Наверное, все-таки не успел. Лицо у герцога было непроницаемым (под отца, видно, Генри и работал, пытаясь изобразить на физиономии должный градус непоколебимости), но по эмпатии у меня было твердое «отлично». По-моему, я отчего-то ему понравилась.

Никакого скандала не возникло. Ривендейл коротко поклонился, как это положено делать перед дамой; я неловко кивнула в ответ, и вампир удалился прочь по коридору. Традиционный черный плащ развеивался за его спиной.

Назавтра он вернулся в Ривендейл; а вечером Эгмонт снял с близнецов заклятие.

Вот так все и закончилось. А может быть, вот так все и началось?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

практически новогодняя, но целиком и полностью отданная под описание экзаменов

Стужайло-месяц плавно подходил к середине. К середине подходил и учебный год; неуклонно приближались две последние недели такового, посвященные, как выразился Эллинг, «боевому крещению».

Близилась зимняя сессия — первая для нашего курса.

Вообще-то я считала, что сдавать нам придется все, чего мы только ни учили — и фэйриведение, и телепатию, и даже — не приведи боги! — историю магии. Последнюю я тихо ненавидела, давно уже оставив бесплодные попытки запомнить все эти мрысовы даты. Нет, сама история как предмет была очень даже интересна — в учебнике, если пропускать главки «Заучи и не забудь!». Однако наш магистр, уважаемый (жаль только, не мной) волхв Легкомысл обладал одним недюжинным талантом. Недрогнувшей рукой он отсекал от истории все, что могло бы представлять для адептов хоть какой-то интерес, оставив от всего предмета одни только даты. «Конкретика, — вещал он, уже одним этим словом погружая в сон всю аудиторию за раз, — есть основа магической науки! Отвечайте конкретнее, студентка... э-э... как вас там? Ясица? Так вот, конкретно: в котором году случился Первый съезд лыкоморских студентов-магиков?»

«В високосном!» — как-то сдуру ляпнула я. Еще бы, и ребенку известно: нельзя начинать дела в високосный год, до конца все равно довести не получится. Учитывая же, что Первый съезд по совместительству был последним...

В тот раз, помнится, Легкомысл возрадовался и поставил мне пятерку: послав к мрысам порядочность и честность, я назвала точный год, подсмотрев в учебник.

К моей огромной радости, историю нам сдавать не пришлось. Ограничились зачетом: не успев отойти от ужаса перед гипотетическим экзаменом, зачет я сдала, сама того не заметив. Даже не воспользовалась заранее подготовленной шпаргалкой. Правда, половину дат все одно пришлось скатать у Куругорма. Эльф был счастливым обладателем практически абсолютной памяти на числа; об этом знала вся группа, так что за право сесть рядом с ним мне пришлось выдержать маленький, но решительный бой.

Весь день я ходила с широченной улыбкой на лице: мрыс с ним, с зачетом, а вот сдавай мы экзамен... Сны и те снились мне хорошие; если верить Полин, я всю ночь громко угрожала какому-то волхву немедленным практикумом по боевой магии. С алхимички сталось бы и приврать, но элементарь наутро была непривычно тихая и зашуганная.

Но это так, к слову.

Сдавать нам нужно было только четыре предмета: алхимию, некромантию, бестиологию и боевую магию. Выслушав список, я облегченно вздохнула: хвала богам, ни история, ни общая магия мне не грозила. Про историю все сказано выше; что же до общей магии... этот предмет, бесспорно, давался мне легко, да и вообще — как можно быть магом, не зная общих основ? Но я ничуть не сомневалась, что дотошный Фенгиаруленгеддир

вставит в билеты парочку теоретических вопросов — а запомнить абсолютно все общемагические формулы может только гном. В четвертом, если не в пятом, поколении.

С остальным дела обстояли более или менее неплохо. Алхимию я знала на пятерку, с бестиологией тоже было нормально: на всякий случай я приготовила шпаргалки. Близнецы, соскучившиеся по живому общению, вывалили мне целую кучу указаний по сотворению идеальной шпоры и даже предложили помочь технически. Увы, как выразился Яллинг, «не в коня корм». Шпаргалку я соорудила самую простую: стопочка пергаментных листков, на каждом ответы на нужный билет. Стопочка распахивается по карманам; получив билет, надлежало незаметно извлечь необходимый листочек и, пристроив его под будущий чистовик, аккуратно копировать информацию. Братья вопияли, утверждая, что неопытный адепт засыплется на третьей секунде процесса, но я не смущалась. После истории с мгымбром Марцелл боялся меня до дрожи; вряд ли он станет отбирать у меня шпаргалку, даже если я и оправдаю мрачные пророчества близнецов.

Забегая вперед: хорошо, что я не стала тратить зря время — ибо, вытащив билет, я с ужасом вспомнила, что все шпаргалки остались в куртке, а та соответственно с вечера валяется у меня на кровати. Написала, что вспомнила; видно, священный ужас в полной мере отразился у меня на лице, ибо Марцелл, выслушав полтора вопроса, поморщился, выставил пятерку и с нескрываемым облегчением отослал меня прочь.

Некромантия... О, вот здесь я заранее покрывалась холодным потом. Некромантию мы сдавали двадцать пятого, в день солнцестояния; самая длинная ночь в году должна была обеспечить максимально правильные вибрации. Не знаю, у кого как, но лично у меня с вибрациями все было в порядке: меня трясло еще в коридоре так, что зуб на зуб не попадал. Результатом этого сделалось непрерывное злоеющее клацанье: аспирант, выглянувший на звук, даже принял меня за наглядное пособие.

Боевую магию мы сдавали последней. В прямом смысле: кто-то очень остроумный поставил этот экзамен аккурат на тридцать первое число, видно сочтя это за лучший новогодний подарок страждущим знаний адептам. Народ ругался, но втихомолку. Повышать голос никто не решался, опасаясь сообразного повышения уровня сложности на экзамене.

Хотя, по мне, дальше усложнять было уже некуда.

— Боевая магия, — заявил на последнем занятии Эгмонт, основательно вываляв по полу какого-то очередного адепта, — это не только и не столько боевые заклятия и прочая эффектная мрысь. Это прежде всего умение применить все свои знания на практике. Все, господа адепты, а не только из учебника «Практика БМ»! Или вы думали, что ко всем дверям прилагаются ключи? Нет, иные приходится взламывать шпилькой! Если бы вы, студент Вигтрам, вспомнили хотя бы... хотя бы простейший телекинез, вы бы не украшали собой стены, как надгробный барельеф самому себе! Настоящий боевой маг умеет пользоваться знаниями из всех смежных областей. Будьте уверены, это умение я с вас и спрошу!

Не поняв мысли непосредственного руководства (а точнее, поняв, но не поверив), народ попросил пояснить.

Эгмонт с готовностью пояснил.

— Нет, ну быть этого не может! — стонал получасом позже Хельги, ранее твердо уверенный, что боевую магию-то он как раз и сдаст. Сейчас его уверенность рушилась на глазах, открывая вампиру свою истинную суть: грядущие вечера, сплошь занятые зубрежкой. — Яльга, ну где справедливость?! Где это видано, чтобы на боевой магии сдавали все предметы за раз?!

Я в принципе разделяла его негодование. Боевую магию, точнее, боевые заклятия я знала отлично, чего не скажешь, например, про бестиологию или историю. Меньше всего мне хотелось сдавать эти предметы Эгмону... хотя, с другой стороны, магистр определенно был прав. Боевые заклятия как таковые отнимали слишком много сил. Часто случалось так, что маг добивался победы в поединке посредством самой обыкновенной, но ловко брошенной чары. То же самое относится и к бестиологии: истинный специалист всегда увидит, как можно применить то или иное существо в своих целях. Или, скажем, как это

существо можно победить. Да и некромантия... Какому лубочному боевому магу не приходилось сталкиваться со злобным и коварным некромантом?

Надо же знать, куда бить потенциальную тварюку!

Ну а история... не оставлять же невыученным один-разъединовый предмет?

Помимо полезного, нас ждало и приятное. Пробегая в очередной раз мимо стопки свеженьких газет, я привычно ухватила верхний экземпляр, честно опустив в копилку две серебрушки. Наскоро просмотрела выпуск; ничего особенно интересного там не было, а были вполне себе привычные вещи, как то: День Алхимии, праздничная гулянка, «Положение о стипендии», подписанное какой-то из августейших персон. Стандартный набор статей; но, перевернув последнюю страницу, я увидела, как мгымбрик тычет когтем в маленькую заметку, всеми силами обращая на нее мое внимание.

Заинтересовавшись, я прочла тыкаемое. Заметка, написанная в таком веселеньком духе, сообщала, что традиции — это святое. И следовательно, тридцать первого числа стужайла месяца в Большом зале Академии состоится традиционный новогодний бал, на который приглашаются адепты всех до единого курсов и факультетов. Администрация же настойчиво надеется, что никаких эксцессов не произойдет — ибо, коли уж она идет навстречу студентам, то и студенты должны отвечать тем же.

Вот так.

Полин, прослышавшая про бал от кого-то из подруг, прыгала от радости. Долго рассказывала мне, как здорово умеет танцевать; по вечерам алхимичка повадилась считать деньги, а после — вальсировать по комнате с воображаемым партнером, изредка натываясь на многострадальный фикус. Фикус терпел; я за него не боялась, ибо растению, выдержавшему все мои чародейные изыски, наскоки Полин были уже нипочем.

В один из визитов в город девица забрала с собой все скопленные деньги. Обрато она вернулась уже под вечер, голодная и продрогшая, зато с большим пакетом под мышкой. Там, в пакете, обретались все вещи, жизненно необходимые для подготовки к празднику.

Мне их показывать не стали, упирая на эффект неожиданности. Да я особенно и не настаивала, хотя...

Хотя, признаться, было и интересно.

Изредка алхимичка интересовалась, не собираюсь ли я готовиться к торжеству. Я только смеялась в ответ: во-первых, я отродясь не любила платьев, а во-вторых, покупать новую одежду мне было не на что. Ривендейловы деньги, как все хорошее, имели свой конец. Последние тридцать монет я потратила в чародейной лавке: именно эту цену просили за набор левитационных талисманов, и я не смогла устоять.

В конце концов, разве я так уж плоха без платья? Мрыс дерр гаст, я буду счастлива, даже если прикид Полин будет стоять в тысячу раз дороже моего. Я всегда любила Новый год — а уж этот, первый Новый год, проведенный в компании друзей...

Но до праздника еще надо было дожить.

Первым экзаменом у нас стояла алхимия. Готовиться к ней я начала за два дня, перерыв все справочники и конспекты, которые у меня только были. На всякий случай я проштудировала и черновики к реферату, написанному по приказу Эльвиры полмесяца назад. Вообще-то официально рефераты были делом добровольным, и магистр Ламмерлэйк несколько раз подчеркнула, что писать их никто не заставляет, — однако смотрела она на меня так выразительно, что я немедленно поняла: Рихтер побывал и здесь. Студентку Ясицу продолжают грузить по полной программе, и увильнуть от этого никак не получится.

Закрыв глаза, я вытащила тогда тему, называвшуюся «Магическая экология: алхимический аспект», и побрела готовиться в библиотеку. После истории с мгымбром она для меня была роднее, чем фамильный замок для Генри Ривендейла, так что необходимую литературу я нашла без труда и накатала уже половину реферата, когда Зирак принес мне тоненькую книжицу из собственных запасов. Книжка, естественно, была на гномском, так что к ней прилагался словарь и краткий курс гномской грамматики. Первые несколько дней я, тихо ругаясь, переводила, потом вникла и начала переводить молча, зато с удвоенной

скоростью.

Книжице этой просто цены не было. Называлась она кратко: «Донник» — и повествовала о различных полезных свойствах этого замечательного растения. На ее немногочисленных страницах емко и аргументировано доказывалось, какой изумительный эффект оказывает донник на магически пораженные территории, какой потрясающий мед собирают с донника пчелы, как здорово этот мед можно использовать в алхимии и как благотворно сия замечательная трава действует на неплодородные почвы. Действовала она и впрямь потрясающе. Донником можно было засеивать хоть солончаки — он исправно рос там, где и бурьян расти побрезгует, а через пару лет эти земли можно было смело засеивать чем-нибудь сельскохозяйственным.

В общем, прямая магическая экология.

Реферат получился славным — я писала его мелко-мелко, но объем все едино внушал уважение, даже по сравнению с монументальной рукописью про мгымбров. Материал подобрался очень интересный, так что я горела желанием прочитать готовый текст перед группой.

Но осуществить эту мечту мне не дали. Как только я, сияя, вышла к доске и откинула титульный лист, Эльвира прикинула на глаз объем реферата и быстро сказала:

— Адептка Ясица, только самое важное.

У меня все было важное, так что я начала с начала. Народ поначалу слушал вполуха, потом мне все же удалось заразить их уважением к невероятно полезному доннику, но госпожа Ламмерлэйк, сообразившая, что это все растянется часа на два, прерывала меня чуть не каждые десять минут. Через полчаса она выставила мне пятерку, чуть не силой забрала доклад и усадила меня на место, похвалив такую любовь к алхимии. Магичка была очень скупа на одобрение, так что коллеги косились с легкой завистью, но я только обиженно сопела. Очень хотелось прочитать весь доклад целиком.

На экзамен я шла довольно бодро. С госпожой Ламмерлэйк у нас сложились вообще-то неплохие отношения. Она даже однажды обронила, что я в принципе могла бы учиться на ее факультете. Моего спокойствия не поколебали даже зачетки, сунутые мне под нос уже сдававшими алхимию коллегами. Четверки там не было ни одной, пятерки, разумеется, тоже.

— Зверствует Эльвира, — озабоченно сказал Куругорм, почесывая зачеткой кончик носа. — Мне-то что, я без стипендии, а вот ты поосторожней!

Я поблагодарила за такое внимание к своей особе и пошла в кабинет.

В кабинете нас ждал небольшой сюрприз: экзамен, как оказалось, был открытым, и на нем присутствовал некий гном, ветхий настолько, что я невольно покосилась под его стол. Странно, но кучки песка там не было.

Народ сопел над билетами, выползая отвечать только по прямому приказанию алхимички. Судя по всему, она находилась в весьма дурном расположении духа, и каждый новый адепт делал это расположение все хуже и хуже. Юные маги печальной вереницей тянулись в коридор, сжимая в руке зачетку с каллиграфически выписанной тройкой.

Народ, сидевший за партами, ошутимо боялся — в кабинете аж воздух вибрировал. Но мне бояться было нечего, так что я, открыв дверь, бодро заявила:

— Доброе утро!

Ветхий гном чуть качнул седой головой.

— Здравствуйте, — прохладно поприветствовала меня Эльвира. Изящные коготки постукивали по полированной поверхности стола. Прислушавшись, я разобрала, что алхимичка выстукивает мотивчик баллады про горца-стрелка и дочь короля из какой-то равнинной страны.

Я вытащила билет, села за освободившуюся первую парту, окунула перо в чернила, показала сидевшему за соседним столом Келлайну рогульку из двух пальцев и прочитала три своих вопроса.

Вопросы были ну не то чтобы простые, над каждым стоило подумать. Но я отлично представляла, в каком именно направлении должен идти мыслительный процесс, формулы

послушно всплывали в памяти, стоило лишь начать припоминать первые их звенья, так что я не мудрствуя лукаво стряхнула с пера лишние чернила и начала писать развернутый план ответов на вопросы.

На первые два я ответила минут за десять. Оставался третий; я выписала его название, провела внизу волнистую черту и только тогда сообразила, что именно написала.

«Магическая экология: алхимический аспект». Мрыс эт веллер келленгарм!

Я мигом сообразила, что следует из такой невероятной удачи. Следовало же целых два приятных вывода: во-первых, тему я прекрасно помню, спасибо Зираку и докладу, а во-вторых... во-вторых, вот сейчас я свой доклад и прочту, и Эльвира меня выслушает как миленькая! От начала и до конца! И отвертеться, что характерно, у нее не получится. Это же как-никак экзамен!

Эгей-го, есть на свете справедливость!

— Адептка Ясица, я вижу, вы готовы? — Голос госпожи Ламмерлэйк заставил вздрогнуть добрую половину аудитории, но я только радостно кивнула. И, не заставляя себя ждать, собрала с парты черновики, села на стул перед магистрами, едва сдерживаясь, чтобы не потереть руки от удовольствия.

Пришлось приложить определенные усилия, чтобы, ожидая третий вопрос, не проскочить что-нибудь важное в первом и втором. На всякий случай я действовала строго по плану, сверяясь с тем, что было написано в черновике. Эльвира внимательно слушала, изредка задавая вопросы; ветхий гном, кажется, дремал, во всяком случае глаза у него были закрыты. А вот рот, наоборот, приоткрыт.

— Ну хорошо, этого достаточно, — наконец произнесла алхимичка. — Переходите к третьему вопросу.

Кажется, я все-таки не смогла сдержать довольной улыбки.

— Как скажете, магистр Ламмерлэйк! Итак, магическая экология и ее алхимический аспект...

В глазах у Эльвиры медленно отразился ужас: она наконец-то поняла, откуда ей знакома эта тема. «Ничего-ничего!» — хладнокровно подумала я и начала, на ходу вспоминая точный текст своего недавнего доклада:

— Наиболее оптимальным фактором для сохранения магически-биологического баланса является наличие ряда растений, удерживающих своим воздействием магический фон в пределах нормы. Наиболее явным примером такого воздействия является донник, о котором сейчас и пойдет речь.

Эльвира обреченно посмотрела на мой черновик. Записей там было немного, я шпарила по памяти, пока что не ошибившись ни в слове. Даже ветхий гном закрыл рот, открыл глаза и бросил на меня цепкий, внимательный взгляд. Глаза у него были ярко-карие и совсем не старые.

— Донник, — проникновенно вещала я, переводя взгляд с Эльвиры на гнома и обратно, — есть растение, удивительным образом собравшее в себе неисчислимое множество полезных качеств. Как пишет многоуважаемый Эльгар Подгорный, все полезные свойства донника можно распределить по трем категориям. Первая — это прямые биологические качества, как то: целебный мед, собираемый с него пчелами, способность в несколько раз увеличивать плодородность почв за несколько лет и некоторые другие качества, о которых будет рассказано ниже. Вторая категория — это прямые алхимические свойства. Донник употребляется в алхимии в качестве компонента ядов и противоядий, а также в составе зелий, используемых для изменения основных физических свойств объекта. И наконец, третья, самая обширная категория — собственно косвенные алхимические, или же эколого-магические, свойства. На них мы остановимся подробнее... Впрочем, всему свое время.

Память у меня была хорошая. Как выяснилось, я запомнила доклад почти слово в слово — весь свиток, исписанный мельчайшим почерком. Эльвира с тоской глядела то в окно, то на часы, гном слушал, одобрительно кивая головой, адепты же, сообразив, что им неожиданно-

негаданно привалила удача, в спешном порядке дописывали свои вопросы. Кое-кто прислушивался к моим речам, явно желая почерпнуть в них что-нибудь полезное для своего ответа. И почерпывали, кстати. Еще как почерпывали.

— Донник... — в очередной раз пафосно воззвала я, но тут Эльвира не выдержала.

— Адептка Ясица, — почти умоляюще сказала она, — время экзамена ограничено, а мне еще полгруппы слушать. Идите, а? Ну я же вижу, что вы знаете алхимию на пятерку...

Я печально посмотрела на преподавательницу. Совесть боролась во мне с желанием дочитать замечательный доклад до конца.

— Там немного осталось. Честно. Еще страниц одиннадцать...

Но госпожа Ламмерлэйк уже подтянула к себе мою зачетку и окунула перо в чернила. Замолчав, я с грустью наблюдала, как она быстро выводит мне пятерку и расписывается элегантным росчерком.

— Можете идти, — сказала она тоном, в котором явственно слышался знакомый металл.

Уже почти за дверью я услышала, как алхимичка наставительно говорит, обращаясь к адептам:

— Вот видите, как полезно писать рефераты! А вас хоть силком заставляй! Да-да, и вас тоже, адепт аунд Финдэ! Вы уже все написали? Так идите отвечать!

В коридоре меня тут же обступили коллеги-адепты.

— Ну что, как сдала? — озвучил общий вопрос вампир Логан.

— Пятерка, — скромно сказала я, запихивая зачетку в сумку.

Несколько мгновений стояла уважительная тишина.

— Однако, — весомо произнес гном Снорри. — А что у тебя был за билет?

Я пожала плечами:

— Да-а... повезло. Про донник.

— Про что, про что?.. — начал было Куругорм, но тут дверь распахнулась, и из нее вылетел сияющий невероятным счастьем Келлайн, и народ рванулся уже к нему.

— Четверка! — поведал взятый в кольцо эльф. — Нет, вы не поверите, она даже почти не слушала! Я полтора вопроса ответил — и она потребовала зачетку!

— Я не понял! — взвыл обиженный в лучших чувствах Куругорм. — Где справедливость? Меня пытали десять минут!

Келлайн легкомысленно махнул рукой:

— А-а, это Эльвира после Яльги торопилась! Та рассказывала свой билет чуть ли не час...

— От силы минут тридцать! — вякнула я, но меня не стали слушать. Вместо этого на меня уставилось с десятков пар глаз, в каждой из которых плескался явственный корыстный интерес.

— Э-э... — Почуввав неладное, я попыталась сменить тему. — А кто-нибудь знает, кто был тот гном?

— Гном был из КОВЕНА, — ласково сказал Снорри. — Эльгар Подгорный, магистр алхимии, автор множества учебников и монографий. Но, Яльга, ты другое имей в виду...

— Следующие экзамены ты пойдешь сдавать самой первой! — закончил Куругорм, экспрессивно тыкая воздух в моем направлении указательным пальцем. Ткнуть меня умный эльф не рисковал: знал, что я очень не люблю чужих прикосновений.

— А мы пойдем только после тебя! — пояснил и без того понятную мысль Келефин.

Вот так я и сдала алхимию.

Следующий экзамен я проскочила, даже и не заметив. Начертила схему кровообращения у грифона, описала логовище вурдалака, Рассказала Марцеллу про повадки фениксов. Третьим этапом шла некромантия; вот там мне стало ясно, чем конкретно пугали первый курс бывалые близнецы.

Теорию некромантии я знала приблизительно на четверку. Практику же — на твердую качественную двойку, ибо любое, даже самое простое заклинание преобразовывалось в моих

руках в нечто совершенно непредсказуемое. Причем непредсказуемое абсолютно всеми — от адептов до магистров включительно. Разумеется, я молила всех богов, чтобы они не посылали мне практического вопроса, и, разумеется, вытащила именно такой.

— Ну что же, адептка, — спокойно сказала Шэнди Дэнн, оглядывая выжженное пятно посреди своего кабинета. Я едва не плакала: на месте этого пятна мне нужно было всего лишь вычертить правильный орнамент для вызова духа седьмого порядка, предварительно вычислив заклинанием необходимое количество пентаклей и завитушек. — Приходите завтра на пересдачу. В три часа. Амулеты можете с собой не брать.

Назавтра мне было предложено рассказать все теоретические вопросы во всех билетах, получить четверку и счесть инцидент законченным. Я радостно согласилась, уверенная в том, что теорию-то точно отбарабаню на пять.

Я ошиблась. Это стоило мне второй пересдачи, к которой я готовилась всю ночь. Полин с опаской наблюдала за тем, как я сижу, обложившись конспектами, и монотонно повторяю все теоретические положения, пройденные в первом семестре. Спала алхимичка плохо: металась, сбрасывала одеяло и бормотала что-то про рыжих упыриц, которые ее вот-вот догонят и закусуют.

С третьего раза я сдала-таки злополучный предмет. Как ни странно, получила четверку: впрочем, походило на то, что ее магистр Дэнн выставила мне из жалости. То ли к моим некромантическим способностям, а то ли к собственному свободному времени.

Тридцать первое неуклонно приближалось. Вместе с ним приближался экзамен по боевой магии.

Утром последнего дня года я проснулась сосредоточенная, зеленая и злая. Зажевала бутерброд, попрыгала по комнате, прикидывая, каким образом можно отразить то или иное заклятие. Слава богам, пока что набор боевых чар был не так уж и велик: от силы штук восемь защитных и пара атакующих приемов. Но это если не считать общих заклинаний вроде телекинеза. В конце концов, разве нельзя пришить соперника летающей сковородкой?

Чем не боевой прием?

На другой половине комнаты происходила ничуть не меньшая ревизия интеллектуальных запасов. Полин сегодня сдавала алхимию — профильный для нее предмет. Там булькало, шипело и даже взрывалось; девица, однако, старалась не применять ничего особенно сильнодействующего, чтобы, не привести боги, не испортить внешность перед новогодним балом.

Мы вышли из комнаты одновременно. Вместе поднялись по лестнице, перешли по переходу; коридор, еще один коридор — вот он, родной кабинет, у которого нам предстояло расстаться.

Кабинет боевой магии.

На двери висела классическая табличка «Тихо! Идет экзамен». На моих глазах из косяка вынырнула Рихтерова элементарь, придиричиво осмотрела табличку и, поправив ее, мгновенно исчезла обратно.

Я остановилась перед дверью и сглотнула, глядя на темные створки. Странное дело, пока я ходила сюда вместе с толпой сокурсников, посещая привычные лекции, ну или там семинары, они не вызывала у меня практически никаких эмоций. Потом, после давешнего сражения с василиском, дверь начала нести на себе некую смысловую нагрузку; но сейчас, стоя перед ней, я понимала, что больше всего мне хочется оказаться верст от нее где-нибудь за двадцать.

— Ты чего, боишься? — недоуменно спросила у меня стоявшая рядом Полин.

— Нет, — помотала я головой.

«Хорошо ей, — обреченно пробормотала та часть меня, которая была хоть сколько-нибудь логичной. — Иди себе к Эльвире, нашептывай над котлом... алхимичка, конечно, тоже не сахар, и пару у нее сорвать — раз плюнуть, так все едино не Рихтер!...»

Я отчетливо представила, как через пятнадцать минут мое тело, уже со сложенными на

груди руками и зажатой в них зажженной свечкой, выносят из кабинета, дабы нынче же вечером прикопать на заднем дворе, и не смогла сдержать глупого смешка. Наверное, это было нервное.

Полин, все еще стоявшая возле двери, переминалась с ноги на ногу. Она явно надеялась узреть ту же самую картинку, но только в реальности. Это, как ни странно, придало мне сил. Еще не хватало, чтобы назавтра все магички с алхимического болтали, будто я дрожала перед дверью в кабинет боевой магии! Может быть, тому же Генри это и сошло бы с рук — по красавцу-вампиру с его фирменной клыкастой полуулыбкой сохла добрая половина всех адептов, — но ко мне, хвала богам, они таких симпатий не питали. А посему я отбросила прочь все нелепые мысли, сделала Полин ручкой, увидев в ответ нерешительно скрещенные пальцы, и отважно толкнула дверь сапогом.

В высокие стрельчатые окна тускло светило холодное зимнее солнце. Я тоскливо покосилась на зеленые маковки елок, видневшиеся вдалеке, и только после этого воззрилась на кабинет.

Боевая магия была моим последним экзаменом. До того я уже сдавала три профильных предмета и потому совсем не удивилась, увидев, как резко преобразилась привычная, казалось бы, комната.

Со стен исчезло все, включая карту Лыкоморья, которая мрыс знает зачем висела здесь с самого первого занятия. Вместо нее между третьим и четвертым окнами задумчиво покачивалось серое чешуйчатое чучело, в котором я незамедлительно опознала *Esgeraltia magna*, в просторечии именуемую «ведьмин хомячок». «Хомячок», размерами напоминавший хорошего волкодава, был не иначе как из личной коллекции преподавателя бестиологии, — заметив знакомую трещину на стеклянном глазе, я вспомнила, как Марцелл рассказывал, в каком жутком поединке добыл «сей великолепный образец». Помнится, тогда, после урока, мы с Хельги, тщательно осмотрев шкуру со всех сторон и не найдя на ней ни единой лишней дырки, пришли к закономерному выводу — хозяин расстался с ней добровольно и, скорее всего, в глубокой старости. Так или иначе, но чешуя «хомячков» здорово поглощала темную магию. Надо думать, потому *Gaddius* здесь и висел.

Парты кольцом стояли у стен. За большей их частью сидели бледные адепты, сжимавшие во влажных от стресса ладонях кто перо, а кто и загадочного вида талисман. Среди вторых я заметила и Хельги. Вампир соорудил мне ободряющую гримасу, после чего, сочтя дружеский долг исполненным, заново начал настукивать по резному деревянному кружочку.

Справедливости ради стоит отметить, что вчера Хельги предлагал подобную штуку и мне. За плечом у вампира переминался один из старшекурсников, многообещающе пощелкивавший целой связкой таких кружков. У меня отродясь не водилось лишних денег, а занимать у Хельги не хотелось, и потому старшекурсник ушел ни с чем. Подумав, я рассудила, что ни один из них не упустит шанса подшутить, мало задумываясь о последствиях, и помянутый кружок ценой пятнадцать серебряшек мог запросто оказаться и обычной безделушкой. Как вариант — незадачливого покупателя вполне мог дожидаться медкабинет.

Похоже, что Эгмонт думал примерно так же. По крайней мере, на адептов он косился весьма ехидно. Сомневаюсь, что магистр, с его любовью к «реальным боевым условиям», собирался хоть что-нибудь предпринимать.

— Доброе утро, — кашлянув, напомнила я о себе.

Эгмонт поднял на меня глаза. Под его взглядом я моментально позавидовала Хельги, имеющему при себе хоть какой-то талисман, и пожалела о том, что не догадалась прихватить с собой ничего, кроме монетки достоинством пять серебряных лыкоморской чеканки. Перед тем как отправиться на экзамен, я засунула ее в сапог под пятку; но сейчас, глядя в черные блестящие глаза преподавателя боевой магии, резко захотела иметь под руками как минимум Рубиновый Щит.

— Доброе утро, студентка, — согласился маг. Он указал подбородком на несколько

бумажных прямоугольников, лежавших на столе. — Тяните билет.

Говорят, тринадцать — счастливое число. Я пересчитала билеты, для верности ткнув в каждый пальцем, и решительно перевернула тринадцатый.

— Двадцать второй. — Встрепенувшись на мой голос, перо-самописки споро забегало по бумаге.

Я прошла на свободное место рядом с вампиром Логаном. Вынула из чернильницы обдерганное — не иначе как предшественником, не ведавшим, куда деть руки в ожидании вдохновения, — перо; аккуратно вывела на чистом листе имя, фамилию и факультет. Номер билета.

Вопрос первый... «Описание, характеристика и теория обуздания василисков».

Я улыбнулась и окунула перо в чернила.

К некоторому разочарованию, смешанному, впрочем, с облегчением, мне не досталось практического вопроса. Задач на алхимию — тоже: это было обидно, потому что ее-то я знала не то что на пять — на все десять. В отличие, кстати, от большинства сокурсников, запутывавшихся в длиннющих цепочках формул уже на втором звене.

Первое задание, про василисков, я написала буквально за пару минут, а второе, про битву на Вересковой Пустоши, нахально скатала у соседа. К третьему вопросу — «Боевая магия как наука» — я уже обнаглела настолько, что даже не стала записывать развернутый ответ, ограничившись кратенько набросанной схемой.

Логан пошел отвечать. Я ободряюще скрестила пальцы; он ответил тем же, а я пододвинулась на скамейке, оказавшись рядом с сосредоточенно сопящим Хельги.

Похоже, талисман не слишком-то ему помогал. Вампир то начинал строчить с бешеной скоростью, то мрачно вымарывал один абзац за другим. Вид у него был довольно скорбный; заглянув в его билет, я чуть не взвыла от подобной несправедливости. Третьим вопросом там стояла как раз алхимия — цикл превращения настойки мандрагоры от начального этапа до конечного варианта с детальным разбором процесса в виде формул и реакций. Простое перечисление ингредиентов не проходило.

Вампир умоляюще покосился в мою сторону. Он отлично знал, что из всего курса про клятую настойку помнила я одна.

Времени было много, чернил — тоже. Терять мне было особенно нечего, и я, пододвинув к себе отложенный было листок, неторопливо начала записывать полный цикл превращения мандрагоры.

Счастливый Хельги работал, как гномий копировальный аппарат.

Когда Эгмонт почувствовал неладное, я уже заканчивала последнюю формулу. Маг жестом остановил отвечающего студента и, выйдя из-за стола, направился ко мне.

Я подрисовала изящную закорючку к последней букве. Хельги, почуяв угрозу, прибавил скорости; словом, когда Эгмонт остановился у нашей парты, мы уже сидели, ненавязчиво глядя в разные стороны.

Но магистра это ничуть не смутило.

— Будьте любезны ваш билет, студентка Ясица, — произнес он.

Пожав плечами, я протянула ему требуемое. Эгмонт быстро пробежал его глазами, кивнул и положил обратно на парту.

— А теперь ваш листок с ответами.

Его он читал немного дольше — не иначе как пытался разобрать мой почерк. В последнее время я выучилась писать красиво — да вот беда, чем изящнее выглядели буквы, тем сложнее они поддавались дешифровке.

— Мне не совсем понятно, — холодно сказал Эгмонт, взмахивая листком, — зачем вы подписали внизу, после третьего ответа, алхимическую формулу. Насколько я могу судить, она не затрагивает ни одного из трех ваших вопросов. Или, быть может, я ошибся?

— Конечно нет, магистр, — ответила я, глядя ему в лицо честными-пречестными глазами. — Вы, да вдруг ошиблись? Совершенно не затрагивает.

— Тогда потрудитесь объяснить, почему она здесь оказалась.

— Ну как же... — Я постаралась сделать глаза еще честнее, но дальше было некуда. — Я же на пятерку претендую, так? Вот вызовете вы меня, расскажу я три вопроса... так ведь на пятерку их одних не достанет! Зададите вы мне дополнительный вопрос — да хотя бы и про мандрагору, почему нет? — и будете совершенно правы! А я от нервов возьми да и позабуди... формула длинная, как такую не позабыть? Где-то ошибусь, где-то буквы перепутаю, вы мне и поставите четыре — и опять-таки будете совершенно правы! Вот только мне от этого легче не будет, я же ее все-таки знаю! Вот и решила озаботиться... заранее, как вы всегда учили...

— Почему же вы, в таком случае, не переписали весь учебник?

Я хотела было сказать «дык...», но не рискнула.

— Это самое сложное, что мы изучали, вот и решила на всякий случай.

Крыть было нечем. Маг еще немного постоял, мрачно переводя взгляд с меня на вампира и обратно, потом положил листок на место и вернулся к своему столу. Хельги озабоченно просмотрел свои записи: с Эгмонта бы случилось зачаровать пергамент так, чтобы в формуле сразу нашлось штук десять ошибок. Но то ли магистр находился в хорошем настроении, что случалось с ним довольно редко, то ли он решил отыгаться на устном опросе, а то ли на пергамент уже были наложены защитные чары — формула осталась такой же, как была.

Хельги быстро изобразил что-то на ближайшем ко мне конце своего черновика. Пододвинул ко мне; «что-то» оказалось выразительной физиономией с зубастой улыбкой до ушей и словом «СПАСИБО!!!», почему-то написанным на лбу. Похоже, благодарность вампира была безграничной в пределах разумного.

Я откинулась на стуле, покачиваясь на задних ножках (ножки, понятно, принадлежали стулу, а не мне) и на всякий случай держась руками за парту. Закрыла глаза. Солнце чуть просвечивало через сомкнутые веки, мне было тепло и спокойно... еще полчаса — и я сдам последний экзамен, а вечером Новый год...

Судя по звукам, раздававшимся снаружи, вампир наконец-то закончил рассказывать свой билет. Эгмонт даже не стал задавать дополнительных вопросов, просто поставил четверку, и счастливый адепт едва ли не скачками помчался отмечать свою удачу.

Вот и замечательно. Сейчас еще трое, потом Хельги с его формулой, а потом и я...

Вампир толкнул меня локтем в бок, и я распахнула глаза, едва не упав со стула. Поймав утраченное было равновесие, я удивленно воззрилась на друга. Тот кивнул на Эгмонта; маг сидел, выжидательно постукивая пальцами по краю столешницы, и смотрел на меня.

Я малодушно помотала головой.

Магистр широко улыбнулся и кивнул. Спасибо, хоть пальчиком не поманил: идите: мол, студентка, отвечайте, раз такая умная...

Что мне оставалось делать? Помянув про себя злополучного вампира с его дурацкой формулой, я уныло поплелась к столу.

С другой стороны, что такого мне может сделать Эгмонт? Предмет я знаю, причем не только этот... я легко отвечу на любой дополнительный вопрос из смежных областей, и магистр отлично это знает. Единственным, в чем я разбиралась из рук вон плохо, была история развития отечественной магии, но о ней я предпочитала лишний раз не вспоминать.

Первый вопрос я рассказала легко и быстро. Хорошая репутация играла на моей стороне, и я очень надеялась, что магистр не станет заострять внимания на Вересковой Пустоши и случившемся там знаменитом сражении.

Так оно и вышло. Магистр слушал меня внимательно, но без того хищного интереса, с которым преподаватели ищут малейший недостаток в ответе. Это настораживало; не то чтобы Эгмонт был таким уж вредным, но вряд ли он спустил мне с рук цикл превращения этой клятой мандрагоровой настойки. Вдобавок я была едва ли не лучшей студенткой на курсе, а магистр, как мне рассказывали, был к таким особенно строг.

Как бы мне экзамен-то не завалить... тогда прощай Академия...

Я еще раз ругнула вампира и перешла к третьему вопросу.

Здесь и обнаружилась та самая пакость, которую я смутно ожидала последние три минуты. Выслушав формулировку задания, Эгмонт кивнул и указал мне на середину кабинета.

— Не поняла, — честно призналась я.

— Напомните, как формулируется ваш вопрос?

— Боевая магия как наука, — тоном ниже ответила я, уже догадываясь, что именно мне предстоит сотворить.

— Вот и замечательно. — Магистр отложил перо, расстегнул плащ и, сняв его, аккуратно повесил на спинку стула. — Сейчас вы продемонстрируете, что именно вы о ней узнали. — Он раскрыл ящик стола, вытащил оттуда два браслета-накопителя, один отдал мне, другой защелкнул на собственном запястье. — Продemonстрируете на мне. Если получится.

Я уставилась на него, не веря собственным ушам. Нет, одно дело метать заклинания в того же «хомячка», и совсем другое — в учителя... хотя бы потому, что «хомячок» не швыряется заклятиями в ответ!

Да Эгмонт же меня ломтиками настрругает!..

Ой и прикопают меня все-таки на заднем дворе...

— Вы что, предлагаете мне смоделировать схватку? — на всякий случай уточнила я.

— Именно, — кивнул Эгмонт.

Оглянувшись в поисках поддержки на однокурсников, я поняла, что отсюда помощи не дождусь. В глазах у всех сиял интерес вперемешку с нетерпением: еще бы, такое зрелище — и совершенно бесплатно! Хорошо им там, каждому под своей защитной сферой...

«Ладно, — беспомощно подумала я, защелкивая металлическую застежку. — Чего уж теперь...»

Левой рукой — заклятие Щита. Правой — атакующее заклинание. Ешкин кот, магистр обычно работает левой рукой, а с левшами сражаться гораздо труднее... Мрыс дерр гаст, больше ничего не скажешь!

Я привычно встала в позицию и закрыла глаза, сосредоточиваясь на магической сфере. Мысли мгновенно сделались коротенькими и прозрачными... правда, потом, когда Эгмонт ударил, они исчезли вообще.

Я плохо помню, что именно колдовала. В памяти остались только отдельные куски: заклятие Белого Пламени, Щит, чары Эллер-Минца, увернуться... броситься на пол, пропуская над собой ударную волну...

Когда все кончилось, я ничуть не удивилась, обнаружив себя лежащей на деревянном полу. Машинально прошлась языком по зубам; вроде все были на месте и даже не шатались. Правая щека изрядно ныла; потрогав ее, я убедилась, что там имеется длинная ссадина, оставшаяся не иначе как от дружеской встречи с паркетом.

Я приподнялась на локтях, потом, по очереди подтянув ноги, села, ошалело огляделась по сторонам.

Студенты — их сделалось немножко больше, не иначе как кто-то успел войти — смотрели на меня со странной смесью испуга и злорадства. Чучело «хомячка» валялось под окном, сверху сиротливо покачивался конец оборванной веревки. Стол Эгмонта был аккуратно разрезан пополам; срезы были гладкие, как зеркало. Я запоздало вспомнила, что применила Ножевое заклятие — вот только каким образом оно ухитрилось попасть в столешницу?

Сам магистр стоял метрах в двух от меня. Волосы его были чуть взъерошены, а на левой щеке виднелся короткий порез. Никаких других свидетельств того, что пару минут назад он сражался с лучшей студенткой собственного курса, я найти не смогла.

Да. Вот тебе и лучшая студентка...

Я от стыда не знала, куда девать глаза. Лучшая, лучшая... ешкин кот, неужели я попала в него всего лишь один раз?

Какой я после этого боевой маг?!

Эгмонт провел по щеке пальцами и посмотрел на кровь, оставшуюся на перчатке. Хмыкнул, обогнул остатки стола и с непроницаемым видом сел на стул. Щелкнул пальцами; к нему моментально подлетел мой билет.

Я встала на ноги, угрюмо глядя в пол.

— Замечательно, студентка, — задумчиво сказал магистр, щелчком превратив билет в щепотку пепла. — Дополнительный вопрос, раз уж вы так его хотели, — и вы свободны. Расскажите, какую роль в сражении на Вересковой Пустоши сыграла магичка Беллатрикс.

Все, что я помнила про битву на Вересковой Пустоши, — это то, что она была. Подробности, скатанные у соседа, остались на листочке с ответами, а тот в свою очередь сейчас находился где-то под обломками учительского стола. Беллатрикс... кажется, Беллатрикс Великолепная... хотя, может быть, Великолепной звали какую-то Лариссу...

Наверное, окажись на моем месте та же Полин, она обязательно пустила бы в ход какой-нибудь чисто женский приемчик. Ну там глазками стрельнуть, ресницами взмахнуть... подмигнуть, в конце концов!..

Вот только я совершенно не вписывалась в классификацию «ужас какая дура — прелесть какая дурочка». И Эгмонт знал это не хуже моего. А глазами стрелять... обойдется, оба еще нужны мне самой.

— Я не знаю этого, — сказала я, глядя на заснеженные верхушки елок.

Все разом сделалось далеким и совершенно неинтересным. Ну выкинут меня из Академии... какая мне, собственно, разница? После такого позора — никакой.

— За что же вы так не любите историю отечественной магии? — задумчиво полюбопытствовал Эгмонт.

Я не ответила, продолжая рассматривать елки.

— Ну что же... — Краем глаза я увидела, как он выставляет что-то в моем пергаменте. — Довольно странная неприязнь к истории — особенно учитывая вашу, студентка Ясица, склонность в эту самую историю попадать... Можете идти.

Я не глядя поймала пергамент, зажала его в кулаке и, забыв попрощаться, направилась к двери. Студенты — я не видела этого, но знала наверняка — с любопытным злорадством смотрели мне вслед.

И правильно делали. Василиск — что василиск!.. Неужели я настолько плохо училась эти полгода, что не смогла вообще практически ничего? Зачем я вообще попала на этот мрысов факультет? Сидела бы сейчас на алхимическом, варила зелья, нашептывала над котлом...

Одна радость — вещей собирать почти не надо. За почти что полным отсутствием таковых...

Я шмыгнула носом, злясь на себя за это проявление слабости. Поторопиться бы... а то Полин припрется со своей алхимией, смеяться, конечно, не посмеет, но уж точно порадуетсЯ про себя. Конечно, завтра об этом все одно узнает вся Академия... но уж сегодня обойдемся без развлечений!

Если не считать того цирка, который устроил в кабинете Эгмонт...

Волна бешенства накрыла меня с головой. Ему что, повеселиться захотелось? Или доказать, что он здесь самый крутой? Нашел на ком!.. А я-то думала, он еще ничего, даже, может быть, лучше Хельги...

Я не знаю, почему тогда не вернулась назад и не устроила грандиозного скандала, который, как мне кажется, еще долго помнила бы вся Академия. Наверное, мое тело оказалось куда умнее мозгов и не захотело возвращаться туда, где ему однажды уже прилетело.

Никогда еще дорога из кабинета до комнаты не казалась мне такой долгой. Я шла, тихо сопя себе под нос... на счастье, по дороге мне не встретилось ни одного адепта и дело обошлось. Поворот, еще один... в конце коридора я увидела знакомую дверь, и сердце ударилось о ребра — все-таки я уже успела привыкнуть к Академии...

Я с огромным удовольствием распахнула дверь пинком. Эгмонт говорил, боевому магу

не должно выказывать свои эмоции... вот пусть и не выказывает, теперь он мне не учитель! А я больше не боевой маг...

Свиток полетел на стол, я нагнулась было к сумке, но неожиданно для себя самой плюхнулась на кровать. Спрятала лицо в ладонях; глаза мои, впрочем, оставались совершенно сухими.

Все. Накрылась мечта. Как и полагается мечтам — медным тазом.

Простучали каблуки, скрипнула дверь, и в комнату, сверкая глазами, влетела Полин. Волосы у нее были чуть обгоревшими, а на носу красовалось пятно ярко-зеленого цвета, но в целом вид был возбужденный и счастливый.

— Все! — возвестила она, прямо в сапогах заваливаясь на свою кровать. — Празднуем Новый год! Эльвира сказала, у меня классно получилось!

— Пятерка? — безразлично спросила я, чтобы хоть что-нибудь спросить.

Полин довольно кивнула.

— А у тебя что? — спохватилась она, вбуравливаясь в мое лицо глазами словно гном сверлом в скальную породу.

Я потянулась было за свитком, но Полин успела раньше. Мои пальцы сжались на пустоте; девица развернула свиток, наскоро пробежала его взглядом и тихо охнула.

— Ничего себе... — выдохнула она, поднимая на меня малость ошалевшие глаза.

— Довольна? — Я выхватила свиток у нее из рук.

Интересно, что там, полюбопытствовала та часть меня, которая еще умела это делать. Понятно, что ничего хорошего... ну а все-таки?

Я неохотно присмотрелась к черным расплывчатым строчкам. Где же оно здесь... Алхимия, бестиология, некромантия... две пятерки, одна четверка, да и то поставленная из человеколюбия...

Боевая магия.

Сердце прыгнуло еще раз, а потом попросту остановилось.

Потому что против квадратика, предназначенного для последнего экзамена, четким Эгмонтовым почерком было написано всего лишь одно слово.

Отлично.

И подпись.

— Мрыс эт веллер келленгарм! — простонала я, без сил падая на кровать.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

как и положено, волшебная. Настроение героини меняется здесь туда-сюда, точно флюгер. Возможно, это обуславливается количеством свалившейся на оную информации — ибо, что бы там ни говорили, далеко не всякое знание приносит радость

Программу-минимум — проучиться хотя бы полгода — я выполнила с неожиданным успехом. Экзамены были позади, на ближайшие полгода о них можно было накрепко позабыть, а в доступном будущем маячили исключительно приятные события. Этой ночью будет новогодний бал; Полин прожужжала мне все уши, рассказывая, как там здорово, весело и празднично. С завтрашнего дня начинались каникулы — на таковых, правда, мне еще предстояло выполнять домашние задания, но об этом я постаралась временно забыть. Главное, что экзамены уже позади...

Я валялась на кровати, подложив руки за голову, и наблюдала за тем, как Полин готовится к Настоящему Новогоднему Балу. Вообще-то алхимичка утверждала, что не раз танцевала на приемах, в том числе даже и в царском дворце, куда проникла благодаря сугубой древности рода и авторитету своей тетки. Не знаю, что там насчет тетки, но древность рода стояла под изрядным вопросом, да и описания, представленные алхимичкой, подозрительно походили на так называемые балльные сцены, имеющие место быть в любом

уважающем себя любовном романе. Мою подозрительность усиливало еще и то, что порой, забываясь, Полин начинала говорить о себе в третьем лице.

За окном смеркалось. Три часа назад Полин с триумфом вытащила из-под кровати тяжеленный фолиант, для какой-то надобности окованный железом. Разложив его на столе, алхимичка замелькала страницами. Оттуда немедленно потянул тонкий розоватый туман, элегантными извивами распространявшийся по комнате. От тумана пахло розами, сиренью и романтическими грезами. На мою половину он даже не совался, — наверное, его отпугнул ревнивый «Справочник боевого мага», возмущенно захлопавший обложкой на манер звериных челюстей. У Полин таких книг не имелось, и она только досадливо отмахивалась, когда туман подползал особенно близко.

А сейчас алхимичка колдовала вокруг крошечного магического огонька. Огонек шипел и плевался искрами, так что я поспешно отодвинула как можно дальше все воспламеняющиеся книги и амулеты. Мною и верно двигала закономерная боязнь; но я опасалась не за магинвентарь, а за комнату, ведь мои книги отлично могли за себя постоять. Иные из них от греха подальше отправились под кровать, составив компанию «Пособию начинающего бестиолога» и «Основам гаруспициума», коротавшим там уже четвертый месяц подряд.

Над огоньком Полин привычно подвесила котелок (закопченный по всем правилам алхимии и с выцарапанной руной *winju* на круглом боку). В котелке задумчиво булькала какая-то тягучая субстанция, цветом и консистенцией изрядно напоминавшая карамель. То и дело в котелок отправлялся новый ингредиент; зелье все темнело и густело, Полин уже с трудом проворачивала в нем черпак.

Под конец алхимичка вытащила из ящика крошечную бутылочку фиолетового стекла. Внутри переливалась какая-то жидкость. Торжественно вытащив пробку — в комнате немедленно запахло спиритусом и травой, — она уронила в томно булькающее варево несколько капель.

Зашипело. Из котелка вырвался клуб пара, очертаниями в точности повторяющий те сердечки, что в изобилии имелись на черновиках Полин. Запах травы и спиритуса исчез, сменившись тонким ароматом фиалок.

— И что это такое? — осторожно спросила я, когда сияющая Полин выскребла из котелка чайную ложечку получившегося снадобья. На вид оно было темно-лиловое, консистенцией напоминал густой джем.

Полин недоверчиво покосилась в мою сторону. Потом взгляд смягчился: похоже, алхимичка не сочла мое незнание таким уж нарочитым.

— Гламурия, разумеется...

Я приподняла бровь. Про гламурию я уже слышала, так что дальнейших объяснений требовать не стала.

В вымытый котелок алхимичка налила воды. Я было испугалась, что она затеяла новое зелье, но Полин полезла под кровать вытащила оттуда старую картонную коробку. Девушка осторожно стащила с нее крышку, и по одной переправила в котелок толстенькие короткие бигуди.

Я с любопытством наблюдала за ее действиями.

Скоро вода закипела. Вооружившись щипцами, Полин одну за другой вытаскивала из котелка бигуди и, морщась от боли, быстренько накручивала волосы. Вскоре вся ее голова была покрыта толстыми рогульками, в которых с трудом угадывались будущие кудряшки.

Прикинув длину волос Полин, я пришла к выводу, что этим вечером у нее будет самая короткая прическа во всей Академии.

Полин меж тем опять полезла под кровать. На этот раз она держала голову очень осторожно, боясь нарушить хрупкое равновесие, воцаренное там путем долгих трудов, и шарила в подкроватных недрах только вытянутыми руками. Оттого поиски затянулись, но минут через пять она все-таки извлекла наружу упитанную сумку жизнерадостных цветов.

С триумфом подтащив ее к дальнему краю кровати, поближе к тумбочке, алхимичка

стала выгружать наружу бесчисленные коробочки, скляночки и тюбики. В воздух взлетело облако пудры, — кажется, какая-то из коробочек не выдержала такой давки. Алхимичка приоткрывала каждую коробочку; одни она сразу отставляла в сторону, на другие смотрела с некоторой задумчивостью — пару раз она замерла минут на пять, потом пробормотала: «Нет, теперь уже немодно», — и решительно захлопнула крышку.

Я на секундочку прикрыла глаза. Перед ними до сих пор стояли строчки из билета; мышцы начинали ныть, потихоньку осозная, какую им пришлось вынести нагрузку. Кажется, я задремала — часа на полтора, когда же проснулась, Полин уже заканчивала свой макияж. Кисть для пудры так и порхала в ее руках; глядя на нее, я невольно вспомнила Генри Ривендейла, демонстрировавшего при мне чудеса обращения со шпагой.

Полин отложила кисть и с сомнением глянула в зеркало. Сложила губки в бантик, поочередно прикрыла глаза, проверяя, ровно ли накрашены веки. Подумала, припудрила нос, прошла специальной кисточкой по губам.

— Ну как? — Она развернулась ко мне, улыбаясь ярко накрашенным ртом.

Я задумчиво пошевелила бровями. Никогда не была знатоком тонкостей макияжа; все, что я могла сказать: косметика была неплохая, по крайней мере не осыпалась с физиономии. Полин пользовалась ею достаточно привычно. На ее месте, правда, я бы не стала использовать такие яркие тона: светлые глазки Полин казались уж вовсе бесцветными на фоне сиреневых теней и угольно-черной туши. А так... нормально. Вполне нормально.

Впрочем, моего одобрения здесь и не требовалось. Полин наскоро покидала косметику обратно в сумку, и, пританцовывая, прошла по комнате. Я заметила, что зеленое пятно не до конца исчезло с ее носа, но это можно было принять за оригинальную расцветку «под вампира», тем более актуальную в присутствии Генри Ривендейла.

Озабоченно потрогав бигуди пальцами, Полин покосилась в зеркало, висевшее над ее кроватью. Поджала губки, решительно подошла к шкафу и распахнула створки.

Нет, я, конечно, знала, что там хранится То Самое Платье, на которое ушла большая часть немаленьких сбережений Полин, даром что куплено оно было со скидкой. Но счастье, отразившиеся в глазах алхимички, было таким всепоглощающе огромным, что я невольно заинтересовалась подробностями.

Разумеется, это было не Платье Мечты Полин. Платье Мечты Полин полагалось быть белым, длинным и сочетаться с прозрачной фатой, огромным букетом белых же роз и — как вариант — Генри Ривендейлом (можно тоже со скидкой). Это же было розовое, с пышной короткой юбкой и лифом, украшенным множеством крошечных жемчужинок. Несколько минут алхимичка просто держала его, прижав к сердцу; потом она решительно скинула халатик и натянула платье через голову.

— Здорово, да? Яльга, ведь здорово!

Я задумчиво посмотрела на едва не прыгавшую от восторга соседку.

— А что сзади не застегнуто, это типа такой дизайн?

— Ой! — Полин немедленно прижала к груди отстающий лиф. — Там шнуровка... Яля, застегни, пожалуйста...

Я лениво села на постели:

— Иди сюда.

Там и в самом деле была шнуровка. Я быстро продернула атласную ленточку через все дырочки; Полин опасливо косилась на меня через плечо.

— Не дергайся, — буркнула я. — Тебе как, сильно или послабее?

— Сильно, но осторожно, — после короткой внутренней борьбы ответила она.

Я пожала плечами и дернула, как заказывали.

— Не так сильно! — не своим голосом взвыла алхимичка.

За стенкой, где прежде шушукались девчонки с алхимического, стало тихо. Я представила, как заинтригованный народ приник к смежным с нашей комнатой стенам.

— Так? — Я ослабила шнуровку, и Полин шумно задышала.

— Ага, так... ну Яльга, чему вас только на боевом учат...

— Практическому удушению нас еще не учили, — обнадежила я ее, наскоро зашнуровывая платье. — Все, свободна, можешь начинать благодарить.

— Ага, спасибо, — кивнула соседка и улетучилась к зеркалу.

Оттуда тут же донеслось разочарованное:

— Да-а, а теперь талии не видно...

Я тихонько зарычала.

— Яльга, может, сделаешь чуть потуже? — Полин умильно улыбнулась, искательно заглядывая мне в лицо. — Ну пожалуйста, ну Я-а-аля... Разве тебе сложно?

— Становись, — велела я, заново садясь на кровати. — Только больше не пищать.

Полин держалась стойчески. Я честно старалась сдерживать привычку и не вкладывать в движения всю силу — алхимичке, в конце концов, и есть еще куда-то надо. Но она все равно дышала как-то подозрительно; впрочем, возмущенных воплей больше не было, и я утешилась тем, что на балу все одно будет присутствовать магистр Дэнн — а про нее говорят, что она и мертвого поднимет.

Освобожденная соседка унеслась разыскивать туфли и украшения. Я легла обратно, подложив руки под голову. В душе творилось что-то странное. Я, кажется, понемногу начинала понимать тот восторг, что охватывал Полин при одном упоминании слова «бал». Ну там, кто его знает... в конце концов, не одним же алхимичкам мечтать о Большой Любви? Я тоже девушка, я тоже хочу, чтобы меня любили. Любили, а не уважали и побаивались. Чтобы называли не только самой сильной, самой ловкой, самой быстрой... а, например, еще и красивой — почему нет? Я отлично знаю, что в подметки не гожусь эльфийкам или вампирам. Да и среди человеческих адептов было немало красавиц. Себя я к таковым никогда не причисляла, но, если меня назовут красивой, я все равно не стану обижаться.

В конце концов, разве праздники существуют не для того, чтобы в их время свершались чудеса? Новый год — это миг, когда весь мир находится в междувремье... отчего бы сегодня и не случиться маленькому, но все-таки чуду? Должен же где-то быть кто-то, для кого я и в самом деле красивая — пускай и рыжая, и с хроническими веснушками, а все равно...

Чушь это все, решительно подумала я. Полная чушь. Парней полная Академия — и что, мне хоть кто-то нравится? Хельги — мой друг, близнецы аунд Лиррен — тоже, Генри — соперник, Вигго фон Геллерт вообще существует где-то сбоку. Да и среди остальных я что-то не замечала никого, хотя бы отдаленно напоминавшего претендента на совершение чуда. Меня побаивались, зная, что «от Яльги всего можно ждать», уважали, иные считали своей... но зуб даю, что никому не пришло бы в голову, скажем, пригласить меня на свидание. Может быть, отчасти и из-за боязни. А ну как идея мне не понравится — ходи потом всю жизнь с перекошенным носом...

Да и вообще, что я, Полин, что ли? Тоже мне героиня любовного романа... я лучшая на всем курсе, у меня будет классная карьера, а сейчас мне все равно не до любви.

Лучшая ли? Я немедленно вспомнила утро сегодняшнего дня и поединок в Эгмонтовом кабинете. Знакомая злость волной поднялась вверх: чего он хотел — продемонстрировать разницу в уровнях еще раз? Зачем? В ней что, кто-то сомневался?..

Да. Я сомневалась. Я думала, что могу хоть немножко задеть его... немножко, но не так же, как я это в итоге сделала! Что оценка? Разве теперь я могу считать себя хоть сколько-нибудь приличной магичкой?

Что же я сделала не так? Может быть, мне надо было больше готовиться? Больше тренироваться? Но у меня ведь и так почти не оставалось свободного времени, я же и так была загружена по самое не могу... выходит, я что, такая бесталанная? Ну да, я сильнее всех, кто учится на нашем курсе, — но, быть может, это лишь от усердия? Наверное... А я еще возомнила о себе невесть что, сочла, будто у меня есть настоящий большой талант...

— Все! — звонко возвестила Полин. Она стояла перед моей кроватью, пританцовывая на месте и потряхивая руками, на которых звенели золотые браслеты. Алхимичка успела уже снять бигуди — теперь ее голову сплошь покрывали тугие каштановые локоны. Полин

прошлась туда-сюда, демонстрируя наряд; в изрядном декольте я заметила золотое ожерелье с бриллиантами, а в ушах — грушевидные сережки с теми же камнями. На ногах у нее были розовые босоножки на высоченных шпильках — Полин шла не так чтобы уверенно, зато счастливо, демонстрируя всем и каждому ярко-розовый лак на ногтях. В сапогах его не больно-то покажешь.

— Ну как? — сияя, спросила она.

Я молча продемонстрировала большой палец.

— А ты чего не собираешься? — спохватилась алхимичка. — Через полчаса же все начнется!

— Я уже готова, — пожала я плечами.

— Как? — ахнула Полин. — А-а... а платье?

— Платья нету, — решительно сказала я. — Обойдемся без.

— Но ведь праздник же, Яльга...

— Ну и что? — Я спустила ноги с постели и нащупала ими сапоги.

— Но... — В душе у Полин явно боролись два взаимоисключающих начала. — Ну хочешь, я тебе свои сережки дам? Мне не жалко!

Сережки! Я закусила губу. Зачем мне нужны сережки? И платье тоже — зачем? Я ведь... я ведь — это я, боевая магичка и ничуть не жалею, что в тот раз потратила деньги на набор боевых амулетов. Нет, в самом деле не жалею. Повторись тот миг еще раз, даже знай я про то, что будет бал, — я все равно бы сделала именно так, а не иначе.

— Нет, спасибо. У меня все равно ведь уши непроколотые.

— Ну давай тогда колечко, — предложила Полин. Она вытянула пальцы, критически рассматривая перстень. — Не это, конечно, другое какое-нибудь, но все равно красивое...

Ей что, так хочется дать мне в долг? Положение бедной родственницы при богатой дворянке вовсе не казалось мне таким уж соблазнительным, и оттого я еще раз мотнула головой:

— Я же сказала, не надо. Спасибо, конечно, но все-таки нет.

— Но ты же так не пойдешь!

— Пойду, — упрямо возразила я.

— Даже без прически? — настаивала Полин. — Ну ладно, с бигуди уже не успеем, но хотя бы волосы распусти! Что ты вечно с этой косой? Спасибо, хоть не в белом...

Я нерешительно посмотрела в зеркало. Может быть, она и права? Волосы у меня чистые, я их только вчера вымыла, так почему бы нет?

— Дай сюда расческу, — из-за спины потребовала Полин. Она уже успела развязать короткую ленту, стягивавшую кончик косы, и расплести волосы на отдельные пряди. — Сейчас мы красиво сделаем...

Спасибо, я расчесываться и сама умею. Я наскоро разодрала волосы гребенкой; теперь они стояли облаком, потрескивая и едва ли не искрясь. Я сбегала к умывальнику, смочила расческу и провела парикмахерскую процедуру еще раз.

Вроде бы получилось относительно прилично. Я знала, что adeptки любят ходить с распущенными волосами, но волосы у них либо вились, либо ниспадали за спину прямым блестящим потоком. Скорее всего, девицы обрабатывали их нужным составом. Мои же волосы пушились, разделялись на отдельные пряди и вообще выглядели так, будто никогда не слышали ни о каком уходе, кроме гигиенического. В принципе так оно и было.

Я безуспешно попыталась разгладить мелко выющиеся пряди у висков. Повернувшись у зеркала, стараясь рассмотреть вид сзади; ничего утешительного там не имелось, а имелись потрепанная рубашка, старые штаны, окончательно вытертые сзади, и выцветшие голенища старых сапог. То есть сапоги-то я купила только в зареве месяце, с тех пор регулярно подправляя магически, — но до встречи со мной у них было весьма насыщенное прошлое, и никакими чарами этого не исправишь.

— Здорово! — неискренне восхитилась Полин.

Чего здорового-то? Вытянувшиеся от не в меру энергичной жизни штаны смогли бы,

наверное, испортить и лучшую фигуру, чем была у меня. Рубашка выглядела немножко лучше, — возможно, оттого, что времени ей было немножко меньше. К тому же всю спину, до той анатомической области, на которую в свое время попытался покуситься один из проезжавших из Межинграда в Арру или наоборот, закрывали распущенные волосы. Рыжие, уже растрепанные и нахально лезущие в глаза.

Я еще раз уныло посмотрела в зеркало. Да. Физиономия бледная, на щеках какие-то красные пятна (типа естественный румянец, ну-ну), нос вздернутый, весь в веснушках. Губы тонкие, потрескавшиеся, в уголке вылезла какая-то пакость, которую Полин называла «простудой». Глаза серо-зелено-голубые... даже не определишь толком, какого они цвета. Под правым — бледно-желтый выпцветающий синяк, плод научного эксперимента: в тот раз я попыталась проверить, что выйдет, если изменить в боевом заклятии одно слово на другое, лучше прожившее в ритм.

Проверила. Влетело мне в тот раз, конечно, крупно. Синяк, как просветил меня чуть позже Эгмонт, оказался не худшим вариантом. В принципе я могла бы остаться без глаза.

Одно слово — краса неписаная.

— Да все у тебя хорошо, Яльга, — засмеялась Полин. — Пошли, скоро уже начнется, мы опоздаем...

Если мы и опоздали, то от силы минуты на три. Из-за закрытых дверей Церемониального зала уже доносилась громкая музыка; Полин, на лице которой из всей палитры чувств осталось только безграничное счастье, подплыла к ним едва ли не с закрытыми глазами. Двери сами распахнулись перед нами — не иначе как элементарей научили делать это перед каждым новым гостем.

Мы зашли внутрь.

Там было так светло, что я невольно зажмурилась. Тысячи свечей освещали своим пламенем зал; пламя это не коптило и не дрожало, тем самым вызывая подозрения в естественности своей природы. Музыкантов не было видно, торжественные аккорды неслись точно из самых стен. У дальней стены я заметила небольшое возвышение — к нему сейчас приближался директор, за которым следовали все остальные наставники. Я сразу опознала среди них магистра Дэнн — по белому платью, чем-то неуловимо отличавшемуся от свадебного. Рядом с ней шел гном Фенгиару-кто-то-там, с заплетенной в толстую косищу бородой. Дальше имелась магистр Ламмерлэйк в нежно-голубом бархатном платье — шикарное декольте открывало отличный бюст, в высокой прическе посверкивали бриллианты. Еще двое преподавателей шли рядом, явно переговариваясь друг с другом — левого я опознала как Рихтера, по волосам специфического цвета, правого — как бестиолога, по движениям, дерганым до сих пор. Близкое знакомство с мгымбром моего производства явно не прошло для него даром.

Отвернувшись от магистров, я стала рассматривать адептов. Да... знакомых лиц поблизости не имелось, зато имелось множество адептов, относительно известных мне через Полин. Все были в платьях — мой радикальный вариант постигла участь всех радикальных вариантов. Он определенно не был должным образом оценен в народе.

А, ладно, мрыс со всем этим! Обстановка подействовала и на меня, и я почувствовала, как губы сами по себе складываются в улыбку. Я хочу веселиться, и я буду веселиться — сегодня праздник, а праздник должен быть для всех.

Директор наконец добрался до возвышения. Я поняла это не оборачиваясь, по тому, как музыка взмыла в крещендо и смолкла на самой высокой ноте. Адепты потихоньку затихли, выжидательно глядя на непосредственное начальство.

Начальство сияло. Эмпаты всегда устают от избыточной работы, так что это еще вопрос, кто именно — мы или директор — больше радовался наступавшим каникулам.

— Уважаемые адепты! — дождавшись относительной тишины, начал он.

Его прервали аплодисментами. Наверное, так действовал праздник — обычно его любили, но не слишком-то уважали: из-за вечного чуть испуганного выражения, будто застывшего на его лице. Народ отлично понимал, что раз директор сам их боится, то никакой

он им не соперник.

— Уважаемые адепты! — повторил телепат. — Общими силами мы наконец-то закончили этот семестр. Экзамены уже позади, так что все имеют право расслабиться и отдохнуть.

Последняя фраза была произнесена с искренним чувством.

— Итоги сессии всем уже известны. Однако наш многоуважаемый финансист, — легкий поклон в сторону гнома-завхоза, — просит предупредить, что выдача стипендий будет начата на четыре дня позже установленного срока. Списки стипендиатов висят внизу.

Народ загудел. Стипендии хотелось всем, у кого она была. Увидев, что дело поворачивает от праздника в другую, не столь хорошую сторону, директор быстренько выдал еще парочку поздравительных фраз и закруглился. Слово взяла Эльвира Ламмерлэйк.

— Мы пошли навстречу желаниям адептов, — сурово заявила она. — И мы надеемся на ответные действия с вашей стороны. Чтобы никого — слышите, ни единого человека! — не было обнаружено с мандрагоном! Я понятно выражаюсь?

Понятно. Я усмехнулась, оценив расплывчатость формулировки. Обнаружено, полагаю, и не будет, а так... К утру все равно где-нибудь он и появится.

— Мы контролируем все магические слои, — с той же суровостью продолжила алхимичка. — Любая посторонняя магия будет замечена и пресечена. Помните об этом и не пытайтесь колдовать понапрасну. Магистры Рихтер и Дэнн окажут мне посильную помощь...

В зале воцарилась звенящая тишина. Шэнди Дэнн невинно пощипывала кружево на оторочке длинного рукава. Эгмонт, прищурившись, смотрел в зал. Проследив за направлением его взгляда, я обнаружила обоих близнецов аунд Лиррен, с честными-пречестными лицами стоявших у соседней стены. Потом взгляд переместился и уперся в меня. Я с вызовом посмотрела магистру в глаза; он отрицательно качнул головой и стал смотреть в другую сторону.

Мне немедленно захотелось придумать какую-нибудь масштабную пакость. Такую, чтобы о ней разом узнала вся школа... Тоже мне вершитель судеб, он, видите ли, мне запрещает!.. Сначала, стало быть, по всему кабинету валяет, как щенка, у половины курса на глазах, а потом демонстрирует прямой учительский долг!..

Магистры сошли с возвышения. Вновь послышалась музыка, на этот раз быстрая и задорная. Толпа адептов зашевелилась, разбиваясь на пары; я протискивалась вперед, пытаясь найти Хельги. Пока еще я не знала, что такое собираюсь затеять, но, чем бы это ни оказалось, для него мне определенно понадобится партнер.

— Хельги! — крикнула я, заметив, что в толпе промелькнула знакомая светловолосая личность. — Хельги, чтоб тебя!

Вампир остановился. Под руку он держал какую-то девицу с длинными каштановыми волосами, одетую в легкое серебристо-серое платье. Если это была Ликки де Моран, то я — Ирий Буковец собственной персоной.

— Что, Яльга?

— Я посоветоваться хотела, есть одна идея...

Девица поджала губки. Хельги покосился на нее, потом — на меня, стоявшую перед ним. Я вдруг вспомнила про растрепанные волосы и потертые штаны.

— Слушай, давай потом, — наконец решился он. — Сейчас же праздник, верно?

— Да, но... — Я замолкла, сама не знаю отчего. — Ладно, давай потом.

— Ты что, обиделась? — удивился вампир.

— Нет, конечно, — усмехнулась я. Девица буравила меня таким взглядом, будто я покушалась на самое ценное, и мне невольно сделалось смешно. — Иди развлекайся...

Вампир благодарно кивнул и поспешил ввинтиться в толпу. Девица цепко держала его за руку; перед тем как окончательно исчезнуть, она послала мне на редкость недоброжелательный взгляд. Я усмехнулась, похоже, она ждала от меня немедленного отбивания ее драгоценного Хельги и была готова принять все контрмеры в любой момент.

Что же, я была только рада за вампира. Кажется, ему наконец-то попалась девица, согласная за него в огонь и в воду... Впрочем, учитывая непостоянный характер Хельги, можно было с уверенностью предсказать, что вскоре он сам ее оставит. В отношениях с женщинами ему был интересен не столько результат, сколько сам процесс — и чем больше сил он отнимал, тем с большим энтузиазмом вампир ему отдавался.

Народ расступился, освобождая центр зала. Первые пары вышли на паркет; среди них я заметила знакомое розовое платье, сразу же бросившееся в глаза. В платье угадывалась Полин — млея от счастья, она крепко держалась за пригласившего ее эльфа.

Магистры сэкономили на музыкантах — оркестра не было, его заменили заклинания. Громкая, но плавная музыка потекла прямо из стен; одна за другой пары закружились в танце.

Народ танцевал по-разному — кое-кто вообще с трудом различал фигуры. Но таких было мало — первый танец считался самым сложным, исполняемым по всем правилам. Кажется, наизусть все это знал только Генри Ривендейл — он, кстати, танцевал отлично, моему, лучше всех в зале. Да и пара подобралась красивая — он пригласил какую-то эльфийку с телепатического факультета, с лицом правильным и четким, как профили на камнях. Платье у нее тоже было роскошное — нежно-нежно-голубое, с длинным шлейфом, крепившимся к ее запястью. Когда она поднимала руку, мне казалось, что шелк стекает вниз, подобно озерной воде.

Танец продолжался минуты три. Признаться, я была рада, что наблюдаю за всем этим со стороны — сама бы я давно уже запуталась в движениях, а смотрелось все это просто сказочно красиво. Особенно если наблюдать только за той частью танцующих, которая и в самом деле умела танцевать.

Наконец музыка стихла. Буквально секунд на семь, следующая мелодия была куда проще и задорнее, под нее так и хотелось двигаться. Я, улыбаясь, отбивала такт носком сапога и чуть пританцовывала на месте.

Адепты, поначалу смотревшие на девушек с изрядным подозрением, быстренько сориентировались в обстановке. Студенток, стоявших у стенки, становилось все меньше: одни уходили танцевать, другие объединялись в кучки по интересам. На интересы мне рассчитывать не приходилось: подруг у меня не было, под это определение подходила разве что Полин. Но Полин уж точно было не до меня. Счастливая, раскрасневшаяся, с улыбкой до ушей, она порхала от кучки к кучке, прямо-таки излучая в атмосферу радостные флюиды.

Постояв у стенки еще минуты три, я решительно отправилась к фуршетному столу. Не потому, что была голодна: есть мне отчего-то совсем не хотелось, несмотря на доносившиеся оттуда умопомрачительные запахи. В честь праздника наша столовая напряглась и выдала нечто не только съедобное, но и, похоже, очень вкусное. Просто там тоже было много народу — а я хотела бы сейчас с кем-нибудь поговорить.

Мне было... да, пожалуй, мне было одиноко. Я была одна, совсем одна; но ведь праздники — на то они и праздники, что во время них положено веселиться. И я веселилась, всеми силами отгоняя скуку, — в самом деле, как же можно скучать, ведь в зале играет музыка, горят свечи, и вообще...

Я вспомнила про желание сделать пакость, и настроение мигом скакнуло вверх. У стола, кстати, я заметила и близнецов: обрадованные снятием заклęcia, братья трещали как сороки, рассказывая анекдоты, отпуская комплименты и емко характеризуя прошедшую сессию. Делать все это одновременно могли только настоящие эльфы.

Возле близнецов конденсировалась Полин, сияющая, как новехонький золотой. Она что-то щебетала специальным «бальным» голоском; я сразу же вспомнила, что в книжках, столь ценимых моей соседкой, непременным условием воспитанности дамы ставилось умение вздыхать на пять ладов и щебетать в семи различных вариациях.

Левый близнец, похоже, решил действовать выборочно. Оставив на второго всех своих собеседников (впрочем, второй не жаловался, он прямо-таки истосковался по живому общению), он стал окучивать конкретно Полин. Алхимичка млела; пару раз, когда эльф

упоминал в беседе какие-то не особенно бальные вещи, она хихикала, розовея, но попытку положить руку ей на талию пресекла в корне.

Кажется, ни Эллинг, ни Яллинг меня даже не заметили. Я решила отнестись к этому философски; в конце концов, принципа «развлеки себя сам» никто еще не отменял. Прошлась у стола, подцепила специальной вилочкой оливку и пару минут поболтала с подвернувшейся некроманткой. Некромантку я знала: кажется, ее звали Лореной и она училась курсом старше. Потом ко мне подошел какой-то вампир; Полин, заприметившая это издали, многозначительно хихикнула, подмигивая мне обоими глазами. Я оставила эти знаки без внимания, вампир тоже, — вежливо поздоровавшись, он уточнил у меня подробности использования заклинания Щита, выслушал подробное описание, объяснил, что понял ошибку, за которую ему снизили оценку, и, так же вежливо попрощавшись, удалился.

Полин возвела очи горе.

Я усмехнулась, подмигивая ей левым глазом. Признаться, меня не слишком-то тянуло подмигивать: настроение быстро падало, я с трудом удерживала его на относительно приличном уровне. Мр-рыс, что, разве Хельги не друг мне? И разве близнецы не друзья? Если я о них вспомнила, разве они обо мне забыли?

Видно, так, заключила я через пять минут. Тот, близнец Полин, увел ее танцевать; второй, случайно обернувшись, увидел меня, стоящую у стола, улыбнулся, махнул рукой и отвернулся. Я в принципе его понимала. Там было интересно.

По-прежнему улыбаясь — марку надо держать всегда, — я отошла подальше. Музыка звучала везде одинаково громко, и я не смогла найти себе тихого уголка. Хотя, признаться, старалась. Очень старалась.

Неужели я ошиблась, вдруг подумалось мне. И все это, чем я так гордилась, что, по сути, и было сбывшейся мечтой — Академия, талант, друзья, — все было не более чем иллюзией? Они всегда получались у меня мастерски, это так, — но я не думала, что когда-нибудь поверю в обман собственного же производства.

Я была не нужна. Никому. Я не была другом — я была *приятелем*, отличной игрушкой, умеющей организовывать шикарные развлечения. С моим приходом в Академию жизнь забила здесь ключом — она обрела тот самый размах, о котором мечтают все адепты, поступающие на первый курс. Я вывела банальные студенческие гулянки на качественно новый виток — про мгымбра будут рассказывать легенды еще добрых полтора столетия. И про взлом двери в лабораторию Эгмонта... Но что мне сейчас до всего этого?

Те, кто был со мной тогда, — они были не со мной. И рисковали они тоже не со мной. Это просто было весело, интересно и захватывающе, этого хотелось им самим, — тот же Хельги, с которым мы создали мгымбра, он ведь тоже наверняка хотел войти в историю! И он в нее вошел... но разве пошел бы он со мной, если бы это было нужно мне, а не ему?

Нет. Даже сейчас, когда мне не нужна помощи — мне нужна всего лишь поддержка, — он даже не подумал об этом. В самом деле, зачем? Яльга — она сильная, умная, хитрая, она вывернется из любой ситуации, она обведет вокруг пальца хоть Эльвиру, хоть Эгмонта, хоть саму Шэнди Дэнн. Зачем ей помощь? Зачем вообще о ней думать — каждый развлекает себя сам, это закон праздника. Каждый за себя, если переложить в более привычные лозунги. Каждый за себя.

А дружба... да что вы, о чем вы вообще говорите?

Мне, наверное, не было бы так паршиво, если бы я чувствовала себя *особенной*. Если бы знала, что я невероятный магический талант; ведь таланты, как ни крути, по жизни обречены на одиночество, а на вершине горы всегда хватает места только одному. Но это было не так. Не так! Я чуть не взвыла. Никакая я не талантливая... то, что мне проигрывает Генри Ривендейл, означает всего лишь, что он слабее меня. Но ведь этого мало, слишком мало!..

Я спохватилась, поняв, что улыбка сползает с моего лица. Для того чтобы вернуть ее на место, мне пришлось приложить некоторые усилия; мимо меня прошел Хельги, ведущий за руку ту свою девицу, я выпрямилась, с довольным (надеюсь) видом обмахиваясь ладонью.

Здесь было жарко и душно. От громкой музыки у меня начинала болеть голова; я никогда не любила, когда музыка играет так громко, и еще — когда в одном месте собирается так много людей.

Здесь был бал. Праздник. Я так долго ждала его — еще с тех пор как в «Нашей газете» мой мрымбрик показал мне ту крохотную записку. Но сейчас меньше всего мне хотелось находиться здесь, в этом зале, рядом с этими людьми.

И не-людьми. Да что же это такое, боги, — я чужая эльфам, потому что не эльфийка, чужая гномам, потому что не гномка, чужая вампирам... мрыс дерр гаст, кому же я буду *своя*, если я даже не человек? Я серединка на половинку, невозможная, но случившаяся данность...

Я огляделась кругом. Напротив висело высокое зеркало; пару секунд я смотрела в него, рассматривая синяк, растрепанные волосы и стоптанные сапоги. Потом поднялась на ноги, из последних сил сохраняя на лице радостную улыбку.

А дверь оказалась совсем близко.

Я в последний раз посмотрела на балльный зал. Гремела музыка, пары по-прежнему кружились в танце. Хельги обнимал прежнюю шатенку, Генри — какую-то блондинку, оба вампира старательно не замечали друг друга. Девицы, напротив, перемигивались всякий раз, как только оказывались рядом. У дальней стены мелькало розовое платье Полин, намертво вцепившейся в эльфа. Все были счастливы, все радовались Новому году... и никому, мрыс эт веллер, никому! — из них не было до меня никакого дела. Никому, включая Хельги, — держу пари, он давно уже забыл о том, что только из-за меня не завалил сегодняшний экзамен. Что же... не для того я оказываю услуги, чтобы после их поминать...

Я выскользнула из зала, аккуратно прикрыв за собой дверь. Ноги сами понесли меня прочь от музыки и света — в темные, пустые коридоры, как можно дальше, до тех пор пока звуки бала не остались далеко позади.

Остановилась я только тогда, когда сообразила, что ни разу не заходила в эту часть школы так далеко. Где-то поблизости находилась лаборатория Эльвиры — в спертom воздухе висел специфический запах настойки тирлич-травы. Впрочем, был вариант, что лаборатория алхимички находилась вообще в другом крыле, а тирлич разлила одна из адептов, торопящихся на бал. Если учесть, что настойка этого корня входит в состав большей части всей декоративной косметики, то последняя версия выглядела более убедительно.

Рядом, буквально в двух шагах от меня, темнел прямоугольник окна. Я села на широкий подоконник, подтянув колени к подбородку и прижавшись спиной к холодной каменной стене. Настроение окончательно рухнуло куда-то под плинтус. Все адепты, кроме меня, пользовались гламурией и косметикой. Все адепты, кроме меня, умели танцевать. У всех адептов, кроме меня, были красивые платья и прически. Одна только я... рыжая, растрепанная девчонка в потертых штанах...

Лучший боевой маг!.. Право слово, лучше бы я купила в тот раз приличные сапоги, а не набор боевых амулетов...

Я не услышала шагов — скорее, просто почувствовала, что за моей спиной кто-то есть. Нелепая мысль, что это Хельги, мелькнула и пропала. Я резко развернулась, больно ударившись плечом о стену.

Это был Эгмонт. Скрестив руки на груди и небрежно привалясь к стене, он спокойно наблюдал за тем, как я, тихо ругаясь, массирую ушибленное плечо.

— Когда я был адептом, студентка Ясица, — задумчиво сказал он, — этот подоконник называли Печальным. Однако же сидели на нем большей частью парами. Но вы здесь одна. Так что же привело вас сюда?

— Какое вам дело? — устало спросила я.

— Я ваш учитель.

— Это ни о чем не говорит.

Маг чуть усмехнулся:

— Я не хотел обидеть вас, студентка.

— Вы и не обидели меня, магистр Рихтер. — Я неожиданно почувствовала именно обиду — такую жгучую, что на глазах едва не выступили слезы. Эгмонт был здесь ни при чем — мне просто было очень плохо, вот и все. Сказка, в которую я одни боги знают почему верила до сих пор, оказалась раскрашенной ложью, то есть тем, чем ей и положено быть по штату. Почему же мне тогда так обидно?

Потому что Новый год — это праздник, значит, радость для всех... ведь попросту нечестно, что кому-то грустно в праздничную ночь!..

— Я не уверен в этом, — мягко сказал Эгмонт.

Я оторвала взгляд от собственных коленок и посмотрела ему в глаза. Совершенно черные радужки, такие, в которых невозможно различить зрачков... они ухитрились блеснуть даже сейчас, когда рядом не имелось ни факелов, ни свечей. Я невольно вспомнила, как кто-то из алхимичек, подружек Полин, на полном серьезе утверждал, будто Рихтер для пущего эффекта закапывает в глаза настойку мандрагоры. Хельги, присутствовавший при этом разговоре, покивал и сладким голоском предположил, что магистр пользуется еще и гламурией — каждый вечер, вот только зелье всякий раз попадает просроченное. Алхимичка, помнится, жутко обиделась, и вампир с готовностью принялся ее утешать...

— Чего вам надо от меня, магистр? — спросила я, поняв, что молчание затягивается.

Эгмонт пожал плечами и сел на подоконник рядом со мной.

— Не так уж много, студентка. Просто объясните, что происходит.

— Зачем вы устроили этот спектакль на экзамене?

Я сама не поняла, как вырвался этот вопрос. Видно, ему, то бишь вопросу, было слишком плохо внутри.

Маг вопросительно изогнул правую бровь:

— О чем вы, студентка?

— Вы заранее знали, что ничего у меня не выйдет! — выпалила я. — Вы заранее это знали — и все равно вызвали меня на поединок!..

Эгмонт изумленно смотрел на меня. Под его взглядом я невольно покраснела.

— Боги мои, студентка... — наконец выговорил он. — Вы что, в самом деле рассчитывали на победу? Положительно, я в вас не ошибся, но такой наглости... Сколько лет вы занимаетесь боевой магией?

— Полгода, — сердито ответила я. Терпеть не могу, когда он говорит таким тоном: сразу понимаешь, какая ты на самом деле дура.

— А я — девятнадцать лет, — пожал плечами Эгмонт. — Согласитесь, было бы немного... хм... нечестно, если бы у нас получалось одинаково хорошо.

— Девятнадцать лет? — переспросила я. — А... а вам сейчас сколько?

Он чуть улыбнулся:

— Тридцать два.

Я отняла в уме девятнадцать от тридцати двух, получила тринадцать и уважительно покосилась на магистра. В тринадцать лет я только-только разобралась в простеньких иллюзиях собственного производства.

— Смею вас заверить, студентка Ясица, — серьезно сказал Эгмонт, — что вы и в самом деле очень талантливая магичка. Я доволен вами и считаю, что, если вы продолжите заниматься с тем же усердием, что и сейчас, из вас получится замечательный специалист. Учтите, что вы единственная из вашего курса, о ком я могу так сказать. Надеюсь, мое слово для вас что-нибудь значит?

— А Ривендейл? — вставила я. — Разве не он у нас лучший?..

Эгмонт пожал плечами, а я вспомнила, как красиво вампир впечатался в стену на самом первом — еще даже теоретическом — занятии.

— А теперь пойдемте обратно в зал. — Он поднялся на ноги, демонстрируя наглядный пример. — Если, конечно, вы не хотите, чтобы завтра весь алхимический факультет болтал о том, что у нас с вами было здесь страстное свидание. Через пять минут здесь будет не протолкнуться от парочек.

Перспектива того, какими глазами станет глядеть на меня Полин, испугала меня настолько, что я все-таки спустила ноги с подоконника. Штаны как-то подозрительно зашуршали; я опустила взгляд и обмерла.

Мрыс его знает, куда девались родные штаны вместе со столь же привычной рубашкой. Вместо них на мне имелось платье — светло-зеленого цвета, с длинной юбкой воланами и еще какими-то прибабасами, о которых я знала только то, что они встречаются в природе. Сапоги исчезли вместе со штанами; я изумленно воззрилась на зеленые же, темного бархата, туфли, невесть когда очутившиеся на моих ногах.

На всякий случай я ощупала себя руками, дабы удостовериться, что это не галлюцинация. Нет, все вроде бы было на месте; прохладная ткань легко скользила под пальцами, убеждая в реальности собственного существования.

Опустив руки, я воззрилась на Эгмонта. Маг смотрел на меня абсолютно спокойно.

— Это вы?

Он пожал плечами.

— Магистр, я не поняла, это вы сделали?..

То же пожатие плечами. Я поняла, что угадала, — а кто бы на моем месте ошибся?

— Спасибо, конечно, но вообще-то это была моя единственная одежда.

— Ваша единственная одежда лежит в вашей же комнате наверху, — нетерпеливо прервал меня магистр. — Теперь мы можем пойти в танцевальный зал? Мне нужно поговорить с вами, студентка Ясица. Я могу проделать это прямо здесь, но вам, наверное, не понравятся слухи о нашем с вами романе...

— А вам? — фыркнула я.

— А мне это совершенно безразлично. Ну как, мы идем или остаемся?

Вместо ответа я спрыгнула с подоконника и направилась по коридору, сопровождаемая неумолчным шелестом юбки.

Магистр оказался абсолютно прав. Мы не прошли и десяти шагов, как наткнулись на Хельги, весьма целенаправленно обнимавшего вампиршу — уже другую, светловолосую и кудрявую, кажется с некромантического факультета. Они слились в объятиях так плотно, что сложно было разобрать, где кончается один и начинается другая. Я, собственно, и не стала особенно к ним присматриваться; зато вампирша, вывернувшись из-за плеча Хельги, уставилась на нас как на привидение.

Дальше пары попадались через каждые полметра. Иные, знавшие меня или Рихтера (вторых было значительно больше, но и первых хватало с избытком), завидев меня, на секунду отлеплялись друг от друга и провожали нас изумленным взглядом. Взгляд этот медленно перемещался с меня на Эгмонта и обратно; судя по тому, как изменялись лица адептов, все они отлично смогли выстроить соответствующую логическую цепочку.

Я хохотала про себя, изо всех сил сохраняя на лице серьезное выражение. Странно, но даже реакция Полин теперь казалась мне скорее забавной, нежели пугающей.

В зале было гораздо меньше народу, чем когда я оттуда ушла. Наиболее выносливая часть все еще кружила по паркету, другая же, не столь приспособленная к длительным физическим нагрузкам, сидела вдоль стен и сосредоточенно обмахивалась чем придется.

На противоположной стене висело высокое зеркало; я глянула в него и обмерла.

В зеркале отражалась какая-то девица, определенно мне знакомая. Вид у нее был немного смущенный, но в общем-то радостный — еще бы, ведь выглядела она так, что давешним вампиршам оставалось только удивиться от зависти. Пушистые рыжие пряди спускались ей на плечи, обрамляя симпатичное лицо; платье, довольно закрытое, но зато сшитое — сколдованное? — точно по фигуре, подчеркивало все достоинства, которые у нее только были. С некоторым удивлением я признала, что достоинств имелось немало. Спереди юбка укорачивалась, доставая только до колен и демонстрируя очень даже красивые ноги.

— Такое платье я видел на одной эльфийской княжне, — негромко сказал Эгмонт. В его голосе явственно слышались нотки гордости за отлично выполненную работу.

— Но вы же не учитель превращений?

Он пожал плечами:

— Я магистр четвертой ступени. Идемте танцевать, студентка?

— Что? — Я споткнулась от неожиданности. — Зачем?

Эгмонт вздохнул.

— Вон там, — сказал он, указывая в дальний угол зала, туда, где виднелось ярко-розовое платье, — сидит одна из алхимичек, ваша соседка по комнате. Полин де Трийе, если не ошибаюсь, троюродная племянница Эллис де Трийе из Совета КОВЕНа. И она уже сейчас весьма любопытно косится в вашу сторону. Мне нужен конфиденциальный разговор, иначе зачем было уходить из коридора?

— Я не умею танцевать.

— Я тоже. Но сейчас, под градусом, это мало кого интересует.

Видят боги, у меня не было выбора. Моей хорошей репутации, за полным неимением таковой, уже ничто не могло повредить. Вдобавок во мне совершенно некстати проснулся боевой маг — я заинтересовалась тем, что так хотел сообщить мне магистр. В самом деле, если он заботится о... хм... конфиденциальности, это что-то да означает!

Маг решительно взял меня за руку, избавляя от необходимости озвучивать свой выбор. Я покосилась на танцующие пары, пытаюсь сообразить, куда они девают вторую, пока еще свободную конечность. Сообразила; разобраться же в движениях оказалось сложнее.

Но секунд через тридцать я убедилась, что мое умение танцевать интересует зрителей в последнюю очередь. На лице Полин — ее я решила принять за индикатор — все едино отражалось такое изумление, словно я исполняла эльфийский стриптиз посреди кабинета бестиологии, для лучшей видимости взобравшись на чучело мгымбра чешуйчатого. Задействовав все свои запасы логики, я так и не смогла понять, что именно так ее поразило: то ли платье, по которому было ясно видно, что его сотворила не я, то ли Эгмонт, в паре с которым я танцевала.

Кстати, он не солгал мне, сказав, что не умеет танцевать. Но он был боевым магом с весьма приличным опытом — и двигался так, что я немедленно преисполнилась невольной зависти. Сомневаюсь, что в ближайшие лет так семь у меня получится хоть что-то похожее.

— Вы уже думали о том, где станете проходить летнюю практику? — спросил маг, отрывая меня от размышлений.

Я посмотрела на него с неменьшим удивлением, чем на Полин.

— Магистр Рихтер, сейчас же только начало просинца! До лета как пешком до Аль-Буяна...

— Значит, еще не думали, — констатировал он. — И зря. Вы лучшая студентка курса, и вам наверняка предложат практику при дворе. Вас устроит этот вариант?

— Нет, — твердо сказала я.

— Почему?

— Потому, что я собираюсь быть настоящим магом, а не *притворным*... прошу прощения, придворным, разумеется.

— Я надеялся, что вы ответите именно так... В таком случае как вам перспектива работы моим ассистентом?

— Вашим ассистентом? — рассеянно переспросила я. В этот момент мы как раз оказались рядом с Генри, и я не отказала себе в удовольствии полюбоваться его вытянувшейся физиономией вблизи. — А разве такая должность существует?

— Пока что нет. За полным отсутствием возможных кандидатов. Но если вы согласитесь, она появится.

— А чем нам предстоит заниматься?

Он пожал плечами:

— А чем обычно занимаются боевые маги? Вычеркните из списка Кансерратский легион, то на то и выйдет.

— А можно поконкретнее?

— Чудовища, исключая тех, что ходят на двух ногах и носят клинки. Стихийные

бедствия, в том числе и магического характера. Вас, студентка Ясица, в перечень стихийных бедствий я, так и быть, не включаю. Хотя стоило бы... Если потребуется, вы сможете пройти курсы по контролю над климатом. Возможно — работа в ковенском Обществе Охраны и Регистрации Чародейства. Может быть — работа в ООП,⁶ но это вряд ли. Зарплату не гарантирую, хотя, скорее всего, она будет. Зато за опыт ручаюсь... как и за то, что скучать вам не придется.

— Я подумаю, — серьезно сказала я. — Можно?

— Разумеется. Ведь, — он усмехнулся, — как вы отметили, сейчас только начало просинца.

— Когда мне нужно дать ответ?

— По окончании каникул, я полагаю. Вам хватит трех недель на размышления?

На размышления мне хватило и трех секунд, но этого я говорить не стала.

— За глаза.

— Вот и отлично, — подвел он итог.

Мы описали еще один круг, на этот раз пройдя совсем рядом от ошарашенно молчавшей алхимички. В глазах ее стояло немое недоверие; заценив степень такового, я немедленно возгордилась и мысленно погладила себя по голове.

Хотя, собственно, я-то здесь при чем?

Музыка смолкла. Воспользовавшись моментом, я вытащила свою руку из ладони магистра и отступила от него на шаг. Спинай я чувствовала взгляд Полин — честное слово, я бы не удивилась, если бы шлейф платья внезапно задымился.

Где-то далеко-далеко часы пробили полночь.

Все. Кончился старый год. Начался новый.

— С Новым годом, студентка Ясица, — ровно, без улыбки сказал Эгмонт.

Я хмыкнула, удивляясь сама себе. Как встретишь Новый год, так его и проведешь... еще полчаса тому назад мне было плохо. Очень плохо. И очень одиноко; не сказать, чтобы теперь я чувствовала себя всеобщей любимицей, но прежняя неумолимая тоска исчезла, точно ее и не бывало. Я — Яльга Ясица, Яльга-полукровка. Я должна быть одна, и я буду одна до тех пор пока не отыщется кто-то, кто будет таким же. Ибо я не хуже и не лучше прочих — я просто другая, и об этом никогда не стоит забывать.

Никогда.

И это, наверное, к лучшему.

И еще... я вдруг почувствовала неожиданно ярко и остро: мне девятнадцать лет, всего лишь девятнадцать, и путь мой разворачивается передо мной, подобно отрезку ткани. Я не знаю, что ждет меня впереди; я не читаю будущее по чаинкам в пиале или по линиям на руке, но когда я смотрю вперед, то вижу солнце, освещающее дорогу.

Пыльный летний тракт.

Все будет хорошо; и музыка, льющаяся из замаскированных под занавесами амулетов, играла сейчас только для меня. Для меня одной. Горите, свечи, кружитесь, пары! — вам все равно, кто я, а мне все равно, кто вы. Но мир — весь мир! — будет сейчас моим.

Нет. Не так.

Он будет сейчас — мной.

Сейчас — и вечно.

— С Новым годом, магистр Рихтер. — Из вредности (я же рыжая, да? Имею право побыть немножко вредной!) я постаралась как можно точнее скопировать спокойный тон Эгмонта. Не получилось: мир жил сейчас со мной в унисон, и я почувствовала, что улыбаюсь, не умея скрыть своего счастья.

Наверное, это выглядело довольно забавно. Скорее всего; невозмутимый Рихтер склонил голову, пряча улыбку, а я вдруг услышала над ухом знакомый голос:

⁶ Общество Обиженных Потребителей.

— Яльга? Ты танцуешь?

Не веря своим ушам, я обернулась. Да. Это была не галлюцинация. Это был самый натуральный Генри Ривендейл, с гордо вскинутой головой и скрещенными на груди руками. Взгляд у него был такой непреклонный, что я даже немножко испугалась.

Из-за широкого герцогова плеча я увидела Полин, онемевшую от изумления: алхимичка, не в силах вымолвить ни слова, молча открывала и закрывала рот.

Я немедленно возгордилась еще больше.

— Танцуешь? — повторил герцог, очевидно устав ждать от меня ответа.

Я прищурилась:

— Танцую. Но не умею. И вообще, разве благородному герцогу Ривендейлу пристало приглашать даму столь сомнительных... э-э... достоинств? Или помянутый герцог уже изменил свое мнение относительно таковых?

— Помянутый герцог, — Генри гордо вскинул голову, — в состоянии сам решить вопрос касательно своего к кому-либо отношения. А если эта самая дама попросту не хочет танцевать, то она может сказать об этом сразу. Дабы не отнимать у меня ценное время...

— Да что ты! — Я всплеснула руками, показывая всю степень своего негодования. — Генри! Да как ты мог только так подумать! Я, можно сказать, всю жизнь мечтала потанцевать с настоящим герцогом! Вот, понимаешь, сплю и вижу!.. Полин свидетель...

Алхимичка, к которой Ривендейл невольно обернулся, мелко закивала, даже не вникая в суть сказанного.

Герцог покраснел. Потом побледнел. Потом взялся пятнами.

— Да ты! Ты!.. — Он не договорил, резко развернулся, собираясь уйти.

— Да постой ты. — Я едва успела поймать его за руку.

Генри глянул на меня через плечо, и я едва не рассмеялась. Честное слово, он был обижен! Нет, серьезно... Ну да, конечно, — неотразимый герцог Ривендейл, мечта любой адепки, и чтобы всякие там... смеялись!.. Над ним!

Интересно, он что думал, будто я повисну у него на шее, едва он успеет договорить приглашение?

А почему бы и нет? Разве Полин поступила бы иначе?

— Не обижайся.

Я все-таки не сдержалась, улыбнулась — но, кажется, вышло не ехидно, а поощрительно. Ривендейл, по крайней мере, остановился; а я вдруг с необыкновенной четкостью поняла, что не хочу с ним встречаться. Не хотела бы, даже если бы он и предложил. Не из-за того, что надменный; не из-за того, что вампир. Просто... я старше, вот и все.

Так сложилось. Я не виновата.

Куда там в танце складываются руки?

Полин широко распахнутыми глазами наблюдала за тем, как Генри с тщательной небрежностью на лице объясняет мне правила этого конкретного танца.

Я танцевала еще, кажется, с шестерыми. Одним из них был какой-то эльф с телепатического факультета; с ним мне было особенно интересно, потому что именно он смог наконец объяснить мне, каким конкретно образом осуществляется мыслепередача. На нормальном языке, без заумных научных терминов. Я так обрадовалась, что даже согласилась станцевать с эльфом еще раз.

Кажется, он тоже был рад.

Музыка звенела у меня в ушах, музыка управляла движениями. Танцевать оказалось неожиданно легко; сомневаюсь, что за пару часов я сделалась изумительной плясуньей, но от прежней скованности не осталось и следа. Я была популярна. Я была красива. Я чувствовала, что Хельги, смотрящий на меня от дальней стены, прикидывает, стоит ли ссориться со своей девицей, чтобы потанцевать со мной. Я чувствовала также, как он постепенно приходит к выводу, что все-таки стоит и что неплохо было бы поторопиться.

А девица... Что — девица? Сказано же; цель оправдывает средства...

Но я не обольщалась.

Это ночь. И она закончится. Пройдет совсем немного времени, и я снова стану той, кем была, — рыжей Яльгой, талисманом удачи, лучшим приятелем, какого можно пожелать. И среди тех, кто сейчас со мной, нет ни одного, на кого я могла бы рассчитывать. Нет даже тех, на кого я могла бы надеяться. Разве что Ривендейл... он поможет, если мне потребуется помощь, хотя бы из соображений семейной чести. Другое дело, что у него я помощи не попрошу.

Дело не в них. Дело во мне. Я имею над ними власть и могу воспользоваться этой властью еще раз. Но жить вот так всегда, постоянно держа контроль, не умея ни секунды быть собой, собой настоящей?..

Нет. Ни за что.

А значит, будут у меня другие друзья. Те, для которых мне не потребуется власти. Те, для которых я — это действительно я, настоящая, а не такая, какой они хотели бы меня видеть. Не все сразу, Яльга, не все сразу...

Я умею ждать.

Я подожду.

В третьем часу ночи я вернулась к себе. Полин еще оставалась в зале, маринуя какого-то гнома; на кой мрыс ей нужен был гном, я так и не поняла, разве что из коллекционерского азарта.

Я сняла туфли, помассировала уставшие ступни. Стянула через голову платье; эльфийский шелк не нуждался в застежках и крючках, он растягивался так же легко, как и возвращался в прежнее состояние.

Мои штаны и рубашка, свернутые в аккуратный рулончик, и впрямь лежали на покрывале. Рядом с кроватью стояли и сапоги. Я переложила одежду на стул, бросила платье туда же и одним нырком оказалась под одеялом.

Когда вернулась Полин, я уже спала.

Без сновидений.